(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

Журнальный фонд 57473

1905

7.

Стр.

337. Изъ бумагъ **Я. И. Булгакова.** (Его переписка съ **княземъ Потемкинымъ** въ бытность посланникомъ въ Константинополѣ и въ Варшавѣ).

409. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. (Переписка о судѣ надъ Иловайскимъ). Сообщилъ **М. С. Соколовскій.**

415. Два письма **А. Н. Муравьева** къ К. П. Побѣдоносцеву.

417. Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Мыслитель. Статья **В. А. Кожевникова.**

471. Севастополецъ В. М. Еропкинъ. Статья **В. В. Еропкиной.**

479. Докторъ **Мандтъ** о послѣднихъ недѣляхъ императора Николая Павловича.

480. Поправки и дополненія: 1) О художникѣ Флавицкомъ. **Ѳ. Глинки,** 2) Объ Умскомъ. **Н. А. Найденова.**

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Томъ VIII. Примѣчанія, добавленія и поправки. Съ приложеніемъ двухъ снимковъ съ почерка Пушкина. Изданіе А. С. Суворина. 1905. Большая 8°. 648 стр. Въ концѣ указатель личныхъ именъ въ письмахъ и дневникѣ Пушкина.

Многолѣтній трудъ старѣйшаго и опытнѣйшаго нашего библіографа, наконецъ, оконченъ. Не безъ улыбки прочитали мы (стр. 378), что онъ названъ „популярнымъ“. Это огромная, руколомная (какъ выражался князь П. А. Вяземскій про Гротово изданіе сочиненій Державина) книга, не отвѣчающая въ этомъ отношеніи своему назначенію быть справочною для чтенія и изученія: книга напечатана тѣми же буквами, какъ и первые семь томовъ сочиненій Пушкина и оттого одебелѣла. Указатели, словари и вообще книги справочныя, къ которымъ читатель обращается лишь на короткое время, должны печататься сжато: глазъ этимъ не утомляется, а между тѣмъ изданіе выигрываетъ въ сподручности и въ самой цѣнѣ своей.

Долголѣтняя и многотрудная работа достопочтеннаго П. А. Ефремова, конечно, заслуживаетъ признательности общественной. Но зачѣмъ не покидаетъ онъ своей привычки злобно отзываться о своихъ сотрудникахъ? Даже всепримиряющая поэзія Пушкина не подѣйствовала на него въ этомъ отношеніи. Досталось и Анненкову, и Морозову, и мнѣ грѣшному. Между тѣмъ самъ онъ, по сравнительно малому знакомству съ политическою и общественною исторіею того времени, когда жилъ Пушкинъ, впадаетъ часто въ грубыя ошибки. Вѣроятно отъ слишкомъ мелочнаго сличенія разнорѣчій, надъ которымъ смѣялся самъ Пушкинъ („умно иль нѣтъ, я могъ соврать) иной разъ скудѣетъ онъ и художественнымъ вкусомъ: такъ (стр. 29) у него вышло изъ подъ пера вмѣсто того, чтобы сказать „когда писалъ“ злозвучное „пишà“, или (стр. 339) знаменитый стихъ „стальной щетиною сверкая“ называетъ онъ „неудачнымъ“. Онъ не знаетъ (стр. 84), что въ Чадаевѣ Пушкинъ подъ конецъ жизни вполнѣ разочаровался и уже только жалѣлъ объ его суетности. Про Н. И. Кривцова сказано (стр. 101), что онъ лишился ноги подъ Кульмомъ, тогда какъ уже въ 1812 году Кривцовъ лежалъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, будучи раненъ въ одномъ изъ сраженій 1812 года. Н. Н. Бантышъ-Каменскій названъ (стр. 123) послѣдователемъ Лабзина, тогда какъ это былъ сынъ его Владиміръ Николаевичъ, сосланный въ Суздаль. Баронъ Оттонъ Шепингъ (очень образованный и добрѣйшій человѣкъ) названъ (стр. 157) Дмитріемъ Андреевичемъ, и про него невѣсть что̀ насказано. Княгиня Суворова (стр. 169) названа по ея первому супругу Аркадьевной, тогда какъ она была Марьею Александровной. „Г. Бартеневъ разсказываетъ сказку, будто графиня (Воронцова) до конца жизни ежедневно читала, а потомъ приказывала читать себѣ сочиненія Пушкина“ (стр. 217). Работая въ Одессѣ въ архивѣ князя С. М. Воронцова, я лично зналъ его мать, княгиню Ели-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

1905.

III.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Вамъ, чуждымъ лѣтописи древней,
Вамъ въ умъ забрать немудрено,
Что съ той поры и свѣтъ въ деревнѣ,
Какъ стали вы смотрѣть въ окно.
Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ;
А въ окна многіе смотрѣли,
Которые позорче васъ.

Князь Вяземскій

1905.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1905.

ИЗЪ БУМАГЪ Я. И. БУЛГАКОВА [1]).

Письма Я. И. Булгакова къ Екатеринѣ Великой.

1.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Я знаю совершенно, сколь трудно говорить съ Государемъ [2]), котораго просвѣщенію и мудрости удивляется весь свѣтъ, и сколь дерзко отваживаться занимать у него время, коего каждая минута посвящается на доставленіе подданнымъ благоденствія; но, будучи ободренъ изустнымъ всемилостивѣйшимъ вашимъ повелѣніемъ, осмѣливаюся подвергнуть къ стопамъ вашимъ всеподданнѣйшее донесеніе о двухъ дѣлахъ, кои требуютъ рѣшенія, единственно зависящаго отъ премудрыхъ распоряженій, предпринимаемыхъ въ пользу и славу Имперіи, которая обязана всѣмъ своимъ блескомъ неусыпному старанію вашего величества о ея цвѣтущемъ состояніи.

Первое всеподданнѣйшее мое донесеніе касается до извѣстнаго Гишпанскаго повѣреннаго *Болики*. Ему здѣсь совсѣмъ отказано. Сіе произошло отъ того, что Турецкому министерству, которому нѣтъ нужды ни до какого договора, гдѣ только нѣтъ выгодъ государства, не было прибыли заключать съ нимъ трактатъ; а денегъ не осмѣлилось оно взять, не только опасаясь народной молвы, которая бы его погубила, но можетъ быть и потому, что Французскій посолъ и Неаполитанскій посланникъ, хотя и имѣли повелѣнія отъ дворовъ своихъ помогать Бо-

---

[1]) Сообщено покойнымъ гр. Борисомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, кромѣ писемъ къ Екатеринѣ Второй, которыя перепечатываются изъ „Русскаго Вѣстника“ С. Н. Глинки (1814 года). Переписка Булгакова съ кн. Потемкинымъ печатается съ подлинниковъ своеручныхъ, изъ коихъ Булгаковскія письма—черновыя. Это переписка служебная; была конечно и переписка частная, дружеская; выдержки изъ нея помѣщены въ нашей статьѣ о Булгаковѣ („Русскій Архивъ“ 1898, кн. 1-я): они были товарищами по Московскому Университету (изъ котораго князь Потемкинъ исключенъ за лѣность). П. Б.

[2]) Такъ и князь М. М. Щербатовъ, въ своей запискѣ о поврежденіи нравовъ въ Россіи, выражается про одну изъ нашихъ императрицъ: „Сей Государь женскаго пола.“ П. Б.

ликію, подъ рукою тому противились, и, станется, что рейсъ-ефендія стращали. Первой, дабы Гишпанія не раздѣляла Левантской торговли съ Франціею; а второй, чтобъ не потерять пенсій, съ прибыткомъ получаемыхъ, за хожденіе по дѣламъ Гишпаніи: ибо, въ случаѣ заключенія трактата, Болики останется здѣсь министромъ той державы. Я съ симъ послѣднимъ никогда не говорилъ о его дѣлѣ, которое производитъ онъ отъ всѣхъ весьма скрытно; но, кажется, не ошибаюсь, что министерство Турецкое, дабы не выпустить изъ рукъ обѣщанной суммы, скоро бъ подалось на оное заключеніе, ежели бъ какой дворъ, а особливо Россійскій, замолвилъ слово за Боликія. Ежели вашему императорскому величеству угодно будетъ обратить въ пользу дѣлъ сіе обстоятельство, для умноженія вліянія вашего въ Европѣ и для одолженія Гишпаніи, которая ищетъ дружбы съ Портою, между прочимъ и для того, чтобъ отдохнуть отъ разбойническихъ нахальствъ варварскихъ республикъ, я не смѣю отвѣчать за успѣхъ въ такой землѣ, гдѣ ничего вѣрнаго нѣтъ, но думаю, что попытка ничего испортить не можетъ, а Гишпанія будетъ вамъ обязана. На семъ основаніи осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить мысль мою, происходящую единственно отъ ревности и усердія къ службѣ отечества, которое ваше императорское величество возводите на верхъ всевозможной славы. Внушеніе о семъ, учиненное Гишпанскому двору, можетъ побудить его прибѣгнуть къ покровительству вашего величества, которое столь было полезно многимъ государствамъ. И нынѣ Гишпанія съ Россіей, нынѣ сіи два государства сражаются за свободу Европы и вселенной, за вѣру и добродѣтель. Но нужно, кажется, притомъ наблюсти, чтобъ отъ Французовъ скрытно дѣло сіе производилось, ибо они, конечно, не упустятъ тайнымъ образомъ тому противиться.

Второй предметъ, побудившій меня принять смѣлость обезпокоить безпосредственно ваше императорское величество симъ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, относится до Венеціи. Прежній здѣсь посолъ Мемо, человѣкъ для Венеціанина довольно разумный, знающій и оборотливый, старался со мною коротко ознакомиться, и, можетъ быть, увидя, что нѣтъ опасности мнѣ ввѣриться, открылся, что, желая быть полезнымъ отечеству своему и находя великія для него выгоды въ заключеніи съ Россіею торговаго трактата, старался онъ сію мысль вселить въ земляковъ своихъ участвующихъ въ правленіи и предуспѣлъ наконецъ отворить многимъ глаза; что, по несчастію, образъ правленія ихъ требуетъ времени и терпѣнія въ дѣлахъ, но сіе надѣется онъ привести въ движеніе; что республика давно о томъ помышляла и сдѣлала первый шагъ чрезъ пребывающаго въ Вѣнѣ министра вашего императорскаго величества, князя Голицина; но дѣло тогда остановилось по причинѣ

войны, окончаніе которой, приносящее толикую славу Россіи, возобновило надежду и, отворивъ новый путь, представило новыя и многія выгоды для торговли. Заключилъ онъ просьбою, чтобъ я изъ сей откровенности не дѣлалъ никакого употребленія до времени. Я не могъ ему иначе отвѣтствовать, какъ похваляя любовь его къ своему отечеству и представляя плоды, могущіе произойти для онаго изъ сей торговли, чѣмъ заставилъ его войти въ бо́льшія подробности, изъ коихъ наконецъ вывесть могу то заключеніе, что какъ нельзя имъ ожидать, чтобъ корабли ихъ ходили на Черное море, нашимъ же далеко и, можетъ быть, безполезно заходить въ Адріатическое, то: 1) можно выбрать островъ, какъ, напримѣръ, Корфу, и на оном производить торговлю и мѣну товаровъ, кои они свозить будутъ изо всей Италіи; 2) что, увидя надежду для заключенія трактата, могутъ они отправить посла ко двору вашего императорскаго величества, не желая производить сего дѣла черезъ маркиза Маруція, который, по словамъ г. Мемо, поведеніемъ своимъ еще до вступленія въ службу Россіи учинилъ себя непріятнымъ всей республикѣ. Наконецъ нашъ разговоръ кончился тѣмъ, что онъ, намѣреваясь пробыть здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, впредъ со мною изъясняться будетъ и доведетъ преемника своего до такой же откровенности, когда время къ тому наступитъ.

Я за долгъ служенія моего почелъ всеподда́ннѣйше о томъ донести и также дерзаю просить о снабженіи меня высочайшими повелѣніями по спмъ двумъ предметамъ, ежели бъ вашему императорскому величеству угодно было ихъ уважить. Льщусь я, впрочемъ, что смѣлость моя великодушно прощена мнѣ будетъ, какъ слѣдствіе ревности и усердія къ службѣ.

2.

Ежели позволено вѣрноподданному когда нибудь пасть предъ священнымъ престоломъ премудрой обладательницы наисчастливѣйшей части земного шара для изъясненія радостныхъ чувствованій, то нѣтъ случая, въ которомъ смѣлость сія могла быть извинительнѣе, какъ въ такомъ, когда ея твердостію и согласными съ ея достоинствомъ повелѣніями отвращаются народныя несчастія.

Изъ министерскихъ моихъ доношеній ваше императорское величество изволите увидѣть всѣ главныя обстоятельства окончанія дѣла Лашкарева; о мелкихъ не смѣлъ я и доносить, дабы не было почтено, что я успѣхъ себѣ приписываю; но въ дополненіе оныхъ осмѣливаюсь прибавить, что обязанъ я много рейсъ-ефендію и драгоману Порты, которые дѣйствительно трудились, какъ бы шло о ихъ головахъ. Я не дерзаю представить, что полезно бы было для переду наградить безъ

огласки чѣмъ нибудь, и особливо, какъ людей еще бѣдныхъ, деньгами; ибо подарки и нескромность погубили *Абдулрезана* и *Моралмоллу*, людей которыхъ теперь почти уже здѣсь нѣтъ; но долгъ служенія моего заставляетъ меня, не смотря ни на что, отдать справедливость переводчику *Пизанію*. Не говоря о его достоинствахъ, ни о томъ, что дѣла имъ однимъ держались, осмѣлюсь я сказать, что наималѣйшій знакъ высочайшаго благоволенія ободритъ его навсегда; а онъ, имѣя знакомство больше другихъ, довѣренность при Портѣ, долговременное дружество съ рейсефендіемъ и уваженіе отъ всѣхъ, конечно всѣхъ здѣсь себѣ равныхъ полезнѣе.

Симъ голосомъ осмѣливаюсь я говорить объ немъ по случаю сего дѣла, потому что оно важнѣе здѣсь почтено, нежели стоило, и всѣ думали, а можетъ быть подъ рукою и пронырствовали, чтобъ война была неизбѣжна, но не успѣли того исполнить. Я сіе сужу по слѣдствіямъ, и, осмѣлюсь донести что̀ послѣ примѣтилъ. Французскій посолъ въ отчаяніи, что я его посрамилъ, не призвавъ на помощь; но ничего не говорилъ. Интернунціусъ поблѣднѣлъ, когда я ему сказалъ, что бератъ у меня; прочіе, какъ Голландской, Венеціанской и Неаполитанской, будучи рабами Французскаго посла (какой стыдъ для Европейцевъ), усмѣхались и печалились, смотря на него. Англійской былъ радъ, но всѣхъ больше радовался Прусской, и по словамъ его заключаю я, что онъ за побѣду почитаетъ, что обошлось безъ Вѣнской помощи. Дабы усладить нѣсколько горесть интернунціуса, внушилъ я рейсефендію, что прилично сообщить ему отъ Порты объ окончаніи сего дѣла, какъ министру, прежде принимавшему въ ономъ участіе; и сіе было исполнено.

3.

Удостоясь получить высочайшее благоволеніе, отъ 13 Октября, припадаю къ освященнымъ стопамъ вашего императорскаго величества. Будучи ободренъ симъ наидрагоцѣннѣйшимъ для меня монаршей милости изъявленіемъ, пріобрѣтаю я имъ новыя силы къ продолженію, хотя по недостатку моихъ дарованій и маловажнаго, но ревностнаго и вѣрнаго служенія.

Порта не упоминаетъ объ отвѣтѣ на свою записку и домогаться болѣе, я думаю, не будетъ, принимая за отвѣтъ общій нашъ меморіалъ; по сему же послѣднему день ото дня отказываетъ дать рѣшеніе. Теченіе дѣла ваше императорское величество изволите усмотрѣть изъ нынѣшнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ доношеній. Не можно еще было настоятельнымъ образомъ понуждать министерство, которое, дѣйствительно, имѣло нужду во времени и заготовило бы уже отвѣтъ, наполненный учтивостями; но по сношеніямъ своимъ съ Французскимъ посломъ, съ

муфтіемъ и сералемъ, перемѣняетъ оный, дабы что нибудь рѣшительнѣе сказать. На сихъ дняхъ мы приступимъ его требовать. Не будучи пророкомъ, осмѣлюсь однако предсказать, что войну здѣсь не предпочтутъ, ибо не смѣютъ и вести ее съ успѣхомъ не въ состояніи. Что̀ касается до отвѣта, ежели дадутъ нерѣшительный, мы другого требовать будемъ, утверждая, что въ семъ дѣлѣ нѣтъ средины; ежели же получимъ точно такой, какого домогаемся, то надлежитъ ожидать, что, не смотря на неограниченное на все соглашеніе, при разбирательствѣ и уложеніи пунктовъ на всякомъ шагу будутъ спорить, обманывать, откладывать, тянуть и ни въ чемъ обѣщанія своего не сдержатъ. На сей случай испрашиваю высочайшихъ повелѣній. Безполезно бъ утруждалъ я ваше императорское величество, ежели бъ предпринялъ описать здѣшнія головы, отъ коихъ спасеніе имперіи зависитъ; сіе невозможно, или, по крайней мѣрѣ, покажется невѣроятно. Въ самый день, когда меморіалы наши поднесены отъ Порты съ докладомъ султану, онъ, дрожа отъ страха и, можетъ быть, воображая сей день послѣднимъ, далъ праздникъ въ серальскомъ саду своимъ женщинамъ, и министерство, вмѣсто рѣшенія по дѣлу, получило повелѣніе запереть о̀кна у Порты съ стороны дворца, какъ то дѣлается обыкновенно въ таковыхъ случаяхъ, чрезъ что всему городу и бываетъ извѣстно, что государь забавляется. Визирь пьетъ, наживается и ищетъ свергнуть кегая-бея. Кегая-бей старается визиря погубить, дабы всѣмъ овладѣть, заступя его мѣсто. Онъ разумный, но гордый человѣкъ, и Турокъ, думающій, что земляки его тѣже люди, кои были за три вѣка, но что недостаетъ имъ начальника. Рейсефендій, не зная, что̀ отвѣчать, лжетъ и проводитъ по всѣмъ дѣламъ со дня на день, не смѣя по слабости души ничего на себя взять. Обо всемъ спрашиваютъ муфтія, котораго совѣты повидимому также не въ силахъ помочь.

Единый человѣкъ, имѣющій голову и душу, безграмотный и престарѣлый капитанъ-паша, можетъ всегда быть полезенъ государству, ежели дѣло идетъ о крайнихъ мѣрахъ; но онъ войны не ищетъ, зная, что возложатъ на него всю тягость, ничѣмъ его не снабдятъ и наконецъ имъ пожертвуютъ. Славу и любовь пріобрѣлъ онъ безпредѣльную, богатства нажилъ несчетныя, и слѣдовательно боится потерять и то и другое при первой неудачѣ; но и сей человѣкъ великъ только здѣсь и по здѣшнему образу мыслей. Вчерась посылалъ я къ нему за нѣкоторою нуждою. Застали его подъ сараемъ почти безъ одежды играющаго съ слугами, скачущаго на лошади съ ружьемъ въ рукахъ, нападающаго на стѣну и представляющаго сраженіе. Вотъ первый здѣшній герой! Увѣряютъ меня, что онъ старается непріятеля своего Джанили-Али-пашу перевесть въ Египетъ, а на его мѣсто опредѣлить двухъ его предан-

ныхъ людей, раздѣля, можетъ быть, его губерніи. Сіе походитъ на правду; но ненадежно, чтобъ Джанили дался въ обманъ и поѣхалъ на явную смерть.

Здѣсь боятся бунта, въ провинціяхъ возмущеній и измѣны, нигдѣ ни на кого положиться не смѣютъ; но никто ни о чемъ не рачитъ и помысла не имѣетъ объ отвращеніи зла, которое всѣ предвидятъ неизбѣжнымъ.

Вотъ, всемилостивѣйшая Государыня, истинное здѣшнее внутреннее положеніе! Вотъ люди, съ коими мы должны имѣть дѣло! Въ таковомъ состояніи государства, съ таковыми имъ управляющими министрами, можно ли быть вѣрну въ успѣхѣ по дѣламъ? Можно ли предвидѣть, что завтра воспослѣдуетъ?

Французскій посолъ, по однимъ уже Крымскимъ обстоятельствамъ, получилъ точныя повелѣнія отвращать войну. Оныя конечно еще сильнѣе подтверждены будутъ, когда въ Версаліи узнаютъ о соединеніи двухъ высочайшихъ дворовъ противъ Порты. Выгоды Франціи того требуютъ, поведеніе посла тому соотвѣтствуетъ, и надежно, что употребитъ онъ всѣ силы къ склоненію Порты на всѣ наши требованія. Со мною онъ не говоритъ, обходясь однакожъ очень ласково, о семъ дѣлѣ ни слова. Можетъ быть (хотя и нѣтъ еще нималой причины того подозрѣвать) и самъ интернунціусъ удерживаетъ его, дабы учинить себя нужнѣе и придать цѣны своимъ стараніямъ. Прусской повѣренный Гафронъ Французскому послу недавно объявилъ, что открылъ онъ великую тайну, а именно соединеніе мое съ интернунціусомъ противъ Порты, и разсуждалъ, что Порта можетъ намъ противиться, что состояніе ея не таково, какимъ его описуютъ; что она имѣетъ и деньги и людей, и недостаетъ только ей ободренія. Посолъ увѣрялъ его, что сіе мнѣніе ложно, что она не въ силахъ ниже съ одною имперіею бороться, что первая война будетъ въ погибель, и просилъ Гафрона развѣдать далѣе о нашемъ согласіи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дней спустя, Прусской политикъ прибѣгалъ ему сказать, что все знаетъ, что мы принуждаемъ Порту приступить къ вооруженному нейтралитету, и что ханъ, дабы высвободить его отъ здѣшней зависимости по вѣрѣ, нами крещенъ, названъ Константинъ-ханомъ и пожалованъ генералиссимусомъ Россійскихъ войскъ. Третьяго дня Порта требовала совѣта у Шведскаго повѣреннаго Гендельштама, а сей у Французскаго посла, и по наученію его отвѣчалъ рейсефендію, что нѣтъ иной для нея дороги, какъ согласиться на всѣ наши требованія. Послѣ сего послѣдняго шага рейсефендій началъ сочинять, или лучше, передѣлывать отвѣтный намъ меморіалъ.

Стараніе посла привести Гафрона на истинный путь и наставленіе Гендельштаму доказываютъ также, что онъ искренне печется объ отвра-

щеніи войны. Между тѣмъ Гафронъ началъ часто посылать къ Портѣ своего переводчика; но знать еще нельзя, какія дѣлаетъ внушенія, кои хотя бы были и противны намъ, но по малой къ нему довѣренности опасны теперь быть не могутъ, ибо не подкрѣплены Французскимъ посломъ.

Интернунціусъ увѣрялъ меня, и, можетъ быть, вслѣдствіе правилъ своего двора, что сколь скоро примѣчено будетъ соединеніе Франціи съ королемъ Прусскимъ, который намѣренъ побуждать Порту къ войнѣ съ нами, дабы, пользуясь симъ обстоятельствомъ, пріобрѣсти себѣ часть Польши, онъ интернунціусъ перерветъ всякое дружеское сообщеніе съ посломъ. Капитанъ-паша присылалъ за Англинскимъ посломъ, спрашивалъ у него о состояніи и связи Европейскихъ державъ, о Татарскихъ замѣшательствахъ и о силѣ Россіи, не упоминая однако ни о другихъ дѣлахъ, ни о нашемъ общемъ меморіалѣ, хотя и вѣроятно, что сіи вопросы дѣлалъ по повелѣнію Порты. Посолъ весьма возвышалъ силу и внутреннее богатство Россіи; утверждалъ, что опасно ее тронуть и раздражать, и совѣтовалъ всячески избѣгать съ нею войны. Сіе онъ самъ мнѣ пересказывалъ. Прочіе послы и министры пребываютъ донынѣ въ молчаніи.

Опасаясь болѣе трудить ваше императорское величество, заключу сіе всеподданнѣйшее доношеніе тѣмъ, что на Персидской границѣ надлежитъ быть какимъ ни есть важнымъ происшествіямъ. Частные и тайные курьеры, улещеніе тамошнихъ пашей и движенія, кои стараются при Портѣ скрывать, доказываютъ въ томъ краю волненіе; но не могу я проникнуть, относится ли все оное до самой Персіи, или до разбойничающихъ народовъ, каковъ суть Курды.

4.

День вынужденія мною отъ Порты всеподданнѣйше подносимаго съ симъ курьеромъ отвѣта поставляю я наисчастливѣйшимъ днемъ въ моей жизни, тѣмъ паче, что послѣ перваго не оставалось уже мнѣ надежды отвратить зло, кое неистовство мусульмановъ навлекло на своихъ единовѣрцевъ и кое бы распространилось вообще на родъ человѣческій.

Со всѣми своими увертками, хитростями, коварствомъ, ласкою не предуспѣло министерство Турецкое ослѣпить меня до того, чтобъ я ему повѣрилъ и не примѣтилъ въ поведеніи его обмана. Получа первый отвѣтъ на второй мой меморіалъ (который привелъ его въ отчаяніе), безполезно уже было подать третій; ибо я не могъ въ немъ сказать ни бо̀льшихъ обѣщаній, ни новыхъ угрозъ, истощa все во второмъ. Попытался я еще разъ собственно рейсефендію увѣщаніе сдѣлать чрезъ Пизанія, который привыкъ уже представлять имъ истину во всей ея

наготѣ, что отъ упрямства министерства онъ первый погибнетъ и предъ Богомъ отвѣчать будетъ даже по смерти своей за зло, которому подвергнутся невинныя жертвы ихъ упрямства. Не отважусь утвердить, внушенія ли мои поколебали и поспѣшили сверженіе визиря, но оное столь внезапно совершилось, мысли столь скоропостижно перемѣнились, что я почти вѣрю, что въ сію минуту Богъ ихъ просвѣтилъ! И когда рѣшились на мое требованіе, то рейсефендій со слезами просилъ, чтобъ, поправляя отвѣтъ ихъ, его я не погубилъ. Теперь, всемилостивѣйшая Государыня, жребій ихъ въ рукахъ вашего императорскаго величества. Ежели они не сдержатъ обѣщанія, навлекутъ на себя войну, которая можетъ быть для нихъ послѣднею; ежели все сдержатъ, ваше величество учинитесь здѣсь повелительницею для блага вашихъ подданныхъ. Меморіалы мои, а особливо второй, написалъ я нарочно подробнѣе, чтобъ онъ служилъ оправданіемъ дѣла предъ свѣтомъ, а ихъ довелъ дать отвѣтъ такой, которымъ они признались виноватыми и связали себѣ навсегда руки. Приведя ихъ въ сіе положеніе противъ высочайшей власти, вся теперь тягость упадаетъ на меня. Въ переговорахъ предвижу я трудности, превосходящія мои силы; но, ваше величество, поставя меня посреди волнъ, повелѣли мнѣ быть камнемъ, и сего довольно. Всемилостивѣйшее благоволеніе, объявленное отъ 15 Ноября, которое удостоился я получить въ самое сіе смутное время, было для меня оживленіемъ и ободреніемъ.

Письмо князя Потемкина къ А. С. Стахіеву.

Милостивый государь мой Александръ Стахіевичъ!

Подпоручикъ Аѳанасій Пана́ для взятія своей фамиліи уволенъ отъ меня въ Константинополь, гдѣ покорнѣйше прошу принять его подъ особое ваше покровительство и оказать ему всякое съ вашей стороны пособіе въ совершеніи его намѣреній; удостоивъ его вашихъ милостей, обяжете того, которой съ отмѣннымъ почтеніемъ пребываетъ вашего высокородія, милостиваго государя моего, покорнымъ слугою кн. Потемкинъ.

Октября 14 дня 1780 года.
Его высокородію Стахіеву.

*

Переписка съ княземъ Потемкинымъ.

Къ князю Потемкину. Херсонъ, 14 Іюля 1781 г. Чрезъ вицеканцлера.

Отправляя курьера къ высочайшему двору, принимаю смѣлость всепокорнѣйше донести в. с., что я пріѣхалъ сюда скорѣе, нежели самъ

надѣялся, но здѣсь принужденъ былъ прожить больше недѣли по причинѣ противнаго вѣтра, который препятствовалъ мнѣ до сегодняшняго дня пуститься въ море.

Здѣсь нашелъ я суда въ готовности и всевозможное во всемъ пособіе со стороны начальника. Почитая оное слѣдствіемъ оказываемой в. с. ко мнѣ милости, осмѣливаюсь принести всенижайшую благодарность и, препоручая себя продолженію вашего покровительства, которое я ставлю выше всего, имѣю честь быть съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью.

*

Къ князю Потемкину, 1 (12) Февраля 1782.
Съ Дедолевскимъ. Особливый пакетъ.

Св. к. м. г.

Находящійся здѣсь Сиднева конторы товарищъ г. Итонъ вручилъ мнѣ для доставленіи вашей свѣтлости прилагаемое при семъ представленіе. Въ ожиданіи повелѣній, какой мнѣ по оному дать отвѣтъ, осмѣливаюсь всепокорнѣйше для объясненія прибавить къ содержанію онаго, что упоминаемый мною купецъ Аренсъ торгуетъ въ обществѣ съ Вѣнскимъ банкиромъ барономъ Фризомъ и сказывалъ мнѣ, что чрезъ Вѣнскаго здѣсь интернотаріуса и графа Кобенцеля ищетъ у высочайшаго нашего двора позволенія пріѣхать въ С.-Петербургъ, осмотрѣвъ дорогой Таганрогъ, Астрахань и прочія мѣста, черезъ которыя предполагаютъ они вести новую торговлю. Имѣю честь съ должнымъ почтеніемъ и совершенною преданностью быть и пр.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Имѣя надобность въ большомъ восточныхъ языковъ лексиконѣ господина Мининскаго, въ пяти томахъ состоящемъ, и не найдя здѣсь онаго, покорно васъ, милостивый государь мой, прошу принять трудъ купить для меня сіи книги, такъ какъ удобно оныя сыскать можно въ мѣстѣ пребыванія вашего и при первомъ отправленіи пожаловать доставить ихъ ко мнѣ, присовокупя къ тому словарь сего автора, его грамматику и счетъ употребленнымъ на сію покупку деньгамъ. Вы тѣмъ чувствительно одолжите пребывающаго съ особымъ къ вамъ почтеніемъ вашимъ, милостивый государь мой, покорнымъ слугою кн. Потемкинъ.

Декабря 6 дня 1782 года.

*

Къ кн. Потемкину, 15 (26) Февраля 1783.

Высокопочтеннѣйшее письмо в. с. отъ 6 Декабря только на сихъ дняхъ дошло до рукъ моихъ. Повелѣніе данное въ немъ о присылкѣ

лексикона Мининскаго исполнить всѣми силами стараться буду и уже приказалъ его повсюду искать; но оной столь сталъ рѣдокъ, что отчаеваюсь здѣсь найти; писалъ я даже въ Вѣну, гдѣ, сказываютъ, былъ одинъ продажный экземпляръ года съ два назадъ. Въ Вѣнѣ его вновь начали печатать, но въ нѣсколько лѣтъ вышелъ только одинъ томъ, а остальныхъ и надежды нѣтъ скоро дождаться.

P. S. Сверхъ мего ожиданія, нашелъ я здѣсь полный лексиконъ Мининскаго, переплетенный въ 4 томика, и съ моимъ курьеромъ его къ в. с. отправилъ. Осмѣливаюсь при семъ представить, что ежели бы в. с. приказали его напечатать у насъ безъ всякихъ передѣлокъ (ибо печатаемый въ Вѣнѣ гораздо хуже стараго по причинѣ поправокъ, кои его портятъ), то бы не только нашимъ училищамъ милость показали, но и здѣсь бы весьма рады были.

*

Къ кн. Потемкину, 9 (20) Мая 1783.

Получа секретной высочайшій рескриптъ отъ 8 Апрѣля, котораго содержаніе конечно вашей милости извѣстно, начиная исполненіе онаго принимаю смѣлость, по данному въ немъ мнѣ повелѣнію, всепокорнѣйше донести, что по отправленіи сего курьера здѣсь все сповойно и о ввѣренномъ начальству в. с. дѣлѣ Порта не только свѣдѣнія, но и подозрѣнія еще не имѣетъ; я же ожидаю высокопочтеннѣйшихъ вашихъ повелѣній для моего впредъ по сему дѣлу руководства въ чиненіи надлежащаго отпора.

Порта имѣла извѣстіе черезъ одного своего подданнаго и пріѣхавшаго изъ Крыма шкипера, что е. св. ханъ Шагинъ-Гирей отреченіе сдѣлалъ отъ ханства, но почла оное за ложь, ибо тотъ шкиперъ утверждалъ, что на его мѣсто возведенъ Россіей султанъ Батырь-гирей.

Пріуготовленія ея здѣсь къ приведенію себя въ оборонительное состояніе попрежнему, но съ меньшимъ жаромъ, продолжаются. Льютъ пушки, учатъ изъ нихъ стрѣлять, отправляютъ ихъ на Дунай и въ пограничныя съ нами и съ Цезарскими крѣпости, починиваютъ флотъ, набираютъ матросовъ, но довольно набрать не могутъ. О движеніяхъ войскъ до Дуная не слышно, а по народному слуху перевезено, сказываютъ, оныхъ нѣсколько изъ Азіи прямо въ Очаковъ.

Изъ приложенной при семъ вѣдомости в. с. усмотрите, сколько и какіе корабли отправлены нынѣшнею весною на Черное море. Здѣсь въ каналѣ стоятъ теперь готовые къ походу по обыкновенію на Бѣлое море четыре корабля, одинъ фрегатъ и три галеры, но кажется не намѣрены ихъ отсюда удалять; въ Архипелагъ отправили сверхъ сего давно два корабля, и капитанъ-паша оставленъ здѣсь на все лѣто.

Недавно вынудилъ я отъ Порты новый актъ, за подписью и печатью визиря, коимъ Порта обязывается не мѣшаться въ Татарскія дѣла. Почитаю за нужное всепокорнѣйше при семъ приложить съ онаго копію.

Вчера умеръ отъ паралича муфти, а сегодня пожалованъ на его мѣсто Дури-Заде - Атауланъ - еффенди, человѣкъ знатной фамиліи, сынъ-муфтія, бывшаго во время заключенія съ нами мира, мужъ миролюбивый и благоразумный. Духовенство и городъ крайне тѣмъ недовольны, но гдѣ бываютъ всѣ довольны выборомъ людей на первыя и важныя мѣста? Сіе посылая въ Аблеополь *), рекомендую оттуда отправить съ нарочнымъ курьеромъ къ в. с., и всепокорнѣйше прошу не оставить меня своими повелѣніями, кои доставляемы ко мнѣ быть могутъ чрезъ оный почтамтъ и скоро и вѣрно.

ВѢДОМОСТЬ

о корабляхъ, отправленныхъ въ прошломъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ здѣшняго флота на Черное море.

№		Имена капитановъ.	Число пушекъ.	Число людей по штату.
1	Инаетъ-ханъ (Милость Божія).....	Заде-Ахметъ.	70	450
2	Тиш-пай (Шестиногой).....	Етендорлы Агліетъ.	54	450
3	Бурджъ-Зафаръ (Полюсъ побѣды)	Фундуилы мегли-али.	60	450
4	Фатихъ-Багри (Морской побѣдитель)..	Гелиболы Заде-Халивъ.	54	450
5	Аяръ-Бахри (Морской ходокъ)	Умюнлы Идрисъ.	60	450
6	Двѣ галеры.....	—	—	отъ 80 до 100 чел.

Сверхъ того, находится на Черномъ морѣ зимовавшій въ Синопѣ корабль о 54 пушкахъ.

Изъ помянутыхъ кораблей два отправлены въ Трапезонтъ для привезенія мѣди, два въ Синопъ за строевымъ лѣсомъ, одинъ въ Варну за хлѣбомъ и по возвращеніи сюда обратно за тѣмъ же пошлются, а галеры останутся въ Синопѣ для чищенія порта.

*

№ 2. Къ кн. Потемкину, 15 (26) Мая 1783.

Отправляя курьера къ высочайшему двору, имѣю честь симъ всепокорнѣйше препроводить копію моей реляціи съ ея приложеніемъ, въ

*) Т. е. въ Овидіополь? П. Б.

которой в. с. изволили усмотрѣть все здѣсь происшедшее со времени послѣдняго моего къ вамъ всенижайшаго письма. Прибавить къ оному ничего нельзя, а ежели угодно, чтобы я продолжалъ и впредъ доставлять симъ образомъ здѣшнія новости, буду ожидать повелѣній.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Прибывъ нынѣ къ войскамъ моей команды и учредя въ Херсонѣ пребываніе мое, долгомъ поставляю васъ о семъ увѣдомить. Я занимаюсь теперь предварительными распоряженіями къ выполненію извѣстнаго высочайше возложеннаго на меня служенія и о произведеніи онаго въ дѣйство извѣстить васъ не умедлю; ожидая же о происходящемъ у васъ увѣдомленій вашихъ, имѣю честь быть съ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашимъ покорнымъ слугою кн. Потемкинъ.

23 Мая 1783 года. Херсонъ.

*

№ 4. Къ князю Потемкину въ Херсонъ, 15 (26) Іюня 1783.

Высокопочтеннѣйшія в. с. два письма, которыми удостоить меня изволили изъ Херсона отъ 23 и 26 Мая, мною получены. Принося всенижайшую благодарность, осмѣлюсь увѣрить, что не пощажу ничего по человѣчеству возможнаго для исполненія повелѣнія въ недопущеніи Порты поступить на крайность. Понынѣ она пребываетъ въ молчаніи противъ меня, хотя уже точно обо всемъ знаетъ; и ежели духовенство и чернь не взволнуются, то надѣюсь, что министерство, въ которомъ первый жаръ былъ опасенъ, будетъ снова стараться уменьшить важность сего происшествія, оставляя будущимъ временамъ тому помочь, ежели найдется въ силахъ; а между тѣмъ дѣло уже будетъ совершено.

Не хотя съ моей стороны завести рѣчи, дабы тѣмъ не отнять у Порты способа извиняться передъ всѣми невѣдѣніемъ и не заставить ее принять какія-либо мѣры, употребляю я однако всѣ посторонніе каналы для чиненія ей нужныхъ внушеній. Однимъ она признается въ своей слабости и страхѣ отъ черни, другимъ говоритъ громко, какъ бы была въ силахъ воспрепятствовать намѣреніямъ высочайшаго двора; но по сіе время вывожу я изо всѣхъ моихъ свѣдѣній то заключеніе, что станетъ она тянуть, стараясь между тѣмъ успокоивать духи. Опасно только, чтобы не нахлынули сюда изъ Крыма Татары, кои всѣ ея миролюбивыя мѣры учинятъ недѣйствительными, возмущая и развращая воплемъ своимъ городъ, какъ то и прежде бывало. Почему и осмѣливаюсь всепокорнѣйше представить, что полезно бы для насъ было никого изъ Татаръ не выпускать по крайней мѣрѣ чрезъ нѣсколько времени.

Прочія здѣшнія новости изволите усмотрѣть изъ приложенной при семъ записки. Хотя извѣстія, въ ней заключающіяся, и маловажны, но часто подаютъ понятіе о настоящемъ расположеніи духовъ. Я и впредъ продолжу представлять къ в. с., ежели то угодно.

Имѣю удовольствіе всепокорнѣйше во 1-хъ донести, что 10 сего мѣсяца подписалъ я и размѣнялъ торговый трактатъ, точно по высочайшей волѣ и предписаніямъ, и уже полное исполненіе по немъ чинится. Краткость времени и отправленіе всѣхъ бумагъ къ высочайшему двору не позволяютъ мнѣ теперь поднести вашему сіятельству копіи съ сего безпримѣрнаго и неописанную пользу нашимъ подданнымъ приносящаго постановленія, но учиню оное скоро и исправлюсь. Порта весьма рада окончанію сей негоціаціи, которая обращается къ успокоенію народа, не смотря на то, что наложила на себя цѣпи, доказывающія совершенно ея слабость.

*

№ 5. Къ кн. Потемкину, 1 (12) Іюля 1783. Буюкдере.

Имѣю честь всепокорнѣйше приложить копію съ заключеннаго мною съ Портою торговаго трактата и съ сегодняшней моей къ высочайшему двору реляціей съ запискою здѣшнихъ происшествій. Ко всему оному не остается мнѣ ничего прибавить, кромѣ просьбы не оставить меня покровительствомъ в. с., къ изъявленію котораго пндаетъ случай окончаніе, учиненное точно по волѣ в. и. в. сего хлопотливаго и невозможнымъ казавшагося дѣла и быть увѣреннымъ о достодолжномъ высокопочитаніи и проч.

*

№ 7. Къ кн. Потемкину, 1 (12) Августа 1783. Буюкдере.

Часъ отъ часу умножающаяся моровая язва пресѣкла почти съ городомъ сообщеніе, а наступившій рамазанъ, въ который днемъ всѣ спятъ, а ночь проводятъ за столомъ, остановилъ дѣла, такъ что не имѣю я ничего особливаго къ всепокорнѣйшему донесенію съ симъ курьеромъ, кромѣ обыкновенной записки здѣшнихъ новостей, которую при семъ имѣю честь приложить. О Крымѣ теперь мало слышно разговоровъ, но приготовленія попрежнему, хотя и съ малымъ уже жаромъ, продолжаются, и Азіатскія войска, переѣзжая въ Галлиполь, тянутся къ Дунаю, куда теперь назначенный ими командовать въ Измаилѣ Абды-паша уповательно уже прибылъ.

*

№ 11. Къ кн. Потемкину, Буюкдере, 1 (12) Октября 1783.

Имѣю честь всепокорнѣйше вашему сіятельству донести, что 21 минувшаго Сентября размѣнялся я съ рейсефендіемъ ратификаціей тор-

говаго трактата и съ сими нумерами Турецкую отправляю къ высочайшему двору.

Здѣсь все по старому, т. е. пріуготовленія продолжаются для своего собственнаго защищенія и, кажется, о Крымѣ спорить не будутъ, ежели не воспослѣдуетъ какого новаго обстоятельства со стороны Европы. Прочія новости изволите усмотрѣть, в. с., изъ включаемаго здѣсь приложенія.

*

№ 12. Къ кн. Потемкину Буюкдере, 15 (26) Окт. 1783.

Всепокорнѣйше при семъ прилагаю сегодняшнее мое доношеніе къ высочайшему двору, изъ котораго в. с. усмотрѣть изволите всѣ новости. Къ оному имѣю только то прибавить, что Турки день-ото-дня, кажется, становятся мягче, и я имѣю немалую уже надежду, что о Крымѣ хлопотать много не будутъ, ежели дастся имъ увѣреніе, что сосѣди не коснутся до ихъ собственныхъ владѣній.

Извѣстный St. Genie, собиравшій въ Италіи войско для завоеванія Траннебара и потомъ сюда пріѣхавшій со своими офицерами помогать Портѣ противъ насъ, получа отъ нея отказъ и находясь въ бѣдности, проситъ у меня пашпорта въ Россію, говоря, что имѣетъ нужду до в. с. Я ему отвѣчалъ, что, не описавшись, дать онаго не могу людямъ непризнаемымъ даже и посломъ отъ двора; но онъ, не могши болѣе здѣсь оставаться по недостатку въ пропитаніи, отправился водою въ Галацъ съ другимъ офицеромъ по имени Censier, дабы чрезъ Польшу какъ ни есть пробраться въ Россію. Зная, что изъ его туда пріѣзда не можетъ выйти никакой намъ пользы, а послужатъ они только шпіонами непріятелямъ нашимъ, почелъ я за долгъ предупредить о томъ в. с., дабы, ежели то заблагоразсудить изволите, могли завременно быть даны по границѣ въ Кіевѣ, Альвіополѣ, Херсонѣ и даже въ Крыму нужныя о непропускѣ сихъ бродягъ повелѣнія.

*

№ 13 Къ кн. Потемкину, 15 (26) Ноября 1783 г. Буюкдере.

Высокопочтеннѣйше и милостивыми свыше моихъ заслугъ выраженіями наполненное письмо в. с. отъ 16 Октября имѣлъ я честь на сихъ дняхъ получить съ курьеромъ, привезшимъ ко мнѣ рѣшительныя высочайшія по Татарскимъ дѣламъ повелѣнія. Нимало не упуская времени, приступлю къ исполненію оныхъ, употребляя притомъ всѣ тѣ наставленія, коими в. с. почтить меня изволили, и счастливъ буду, ежели Богъ позволитъ совершить и сію премудрую монаршую волю съ таковымъ же успѣхомъ, каковымъ увѣнчевалъ Онъ прежніе мои труды. Сколько по человѣчеству и по слабому моему разумѣнію можно было,

предуготовлялъ я всѣ средства и пружины къ сему дѣйствованію и не лишаюсь еще надежды видѣть и въ нихъ пользу, ежели не случится какого новаго посторонняго и непредвидимаго обстоятельства, какъ тому ежедневно въ здѣшней землѣ бываютъ примѣры. Конечно, не премину представлять в. с. обо всемъ, что происходить будетъ; теперь же остается мнѣ донести, что на сихъ дняхъ получено повелѣніе Вѣнскому интернунцію по прежнему мнѣ содѣйствовать, а Англійскому и Французскому посламъ сноситься между собою и соединенными силами отвращать Порту отъ войны. Она рада молчаніемъ признать случившееся въ Крыму и тѣмъ отдѣлаться, но сего намъ недовольно; слѣдовательно вся трудность состоитъ въ подписаніи на то акта, а принудить къ сему визиря почитаю здѣсь невозможнымъ, ибо онъ почти увѣренъ, что вскорѣ тотъ пожертвуетъ головою.

Важныхъ происшествій въ семъ краю нѣтъ, а мелочныя новости изволите усмотрѣть изъ приложеннаго журнала, который всепокорнѣйше препровождаю.

*

№ 14. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (26) Ноября 1783.

Предуготовя всѣ нужныя мѣры, потребовалъ я у министерства конференціи, вручилъ ему на оной, сего мѣсяца меморіалъ и просилъ декларацію. Рейсефендій не могъ ничего отвѣчать и взялъ все на доношеніе. Теперь происходитъ совѣтованіе, а на сихъ дняхъ назначенъ большой совѣтъ. Не могу еще в. с. донести ничего головою *), ибо они сами не знаютъ, что дѣлать и что рѣшить. Между тѣмъ не упускаю я ни самой мелкости, могущей споспѣшествовать доброму концу; дѣло можетъ быть скоро объяснится, и я съ будущимъ курьеромъ о томъ донесу. Мое мнѣніе никогда не перемѣнялось, что не сошедъ съ ума не могутъ они пошевелиться; но иногда сходятъ съ ума и разумные люди. Заботы мои не только съ Турками, но и съ помощниками, которые отъ усердія меня сушатъ, не позволяютъ мнѣ теперь войти въ подробности, кои, я вѣрю, только в. с. наскучили, и я принужденъ кончить сіе, ссылаясь на извѣстія, содержащіяся въ приложенномъ журналѣ и препоручаю себя покровительству вашему.

*

№ 15. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Дек. 1783.

Извѣстясь, что в. с. предпріяло изъ Чернигова путь въ Петербургъ, не осмѣливаюсь больше трудить особымъ донесеніемъ о здѣшнихъ происхожденіяхъ, кои изволите увидѣть изъ всеподданнѣйшихъ

---

*) Т. е. вообще. П. Б.

моихъ реляцій, отправляемыхъ съ симъ курьеромъ, а осмѣлюсь только препоручить себя продолженію милостиваго ко мнѣ покровительства и просить не лишать онаго и впредъ.

*

№ 16. Къ кн. Потемкину, 28 Дек. 1783.

Начатое в. с. Крымское дѣло благополучно приведено къ концу. Сейчасъ подписалъ я и размѣнялъ съ Турецкими полномочными повелѣнной актъ. Спѣша отправить первое о томъ всеподданѣйшее доношеніе, почитаю за долгъ принести в. с. всепокорнѣйшее мое поздравленіе, какъ главному начальнику сего славнаго, счастливаго и безъ потери людей, денегъ и какихъ либо выгодъ совершившагося происшествія.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Свидѣтельствуя благодарность мою за письмо ваше отъ 28 Декабря и преподаемыя во ономъ извѣстія о совершеніи дѣла Крымскаго, взаимно васъ поздравляю съ благимъ окончаніемъ сего возложеннаго на васъ подвига. Крайнія затрудненія и препятство, которыя вамъ преодолѣвать было должно, умножаютъ цѣну заслуги вашей, и я не престану всегда признавать и исповѣдывать пользы и успѣхи, которыя со вступленіи вашего въ настоящеее званіе пріобрѣли дѣла наши при Портѣ, перемѣня совсѣмъ видъ свои и теченіе. Сія есть справедливость, которую отдать вамъ тѣмъ для меня пріятнѣе, чѣмъ искреннѣе къ вамъ почтеніе вашего, милостивый государь мой, покорнаго слуги кн. Потемкина.

Генваря 15 дня 1784 года.

*

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Чистосердечно поздравляю васъ съ окончаніемъ толь *знаменитаго дѣла. Труды ваши останутся въ потомствѣ.* Могу васъ при томъ увѣрить, что ея величество изволитъ отдавать вамъ ту справедливость, которую вы заслуживаете, и не упущу стараться и о томъ, что̀ вы писали. Что̀ если я изъ Крыма на суднѣ пріѣду къ вамъ въ гости? Я безъ шутокъ хочу знать, можно ли сіе сдѣлать. Считать буду за счастіе.

8 Февраля 1784. С.-Петербургъ.

*

Къ кн. Потемкину, Пера, 1 (12) Генв. 1785 г.

Высокопочтеннѣйшее в. с. письмо отъ 16 Октября минувшаго года о дѣлѣ Таганрогскаго жителя Панаіотія Мораита удостоился я получить на сихъ дняхъ. Не хотя безпокоить в. с. долгимъ описаніемъ обстоятельствъ сего дѣла, осмѣливаюсь при семъ всепокорнѣйше приложить ко-

піи съ писемъ моихъ къ ихъ сіятельствамъ вицеканцлеру и гр. Безбородкѣ, изъ коихъ досмотрѣть изволите настоящія по сему дѣлу препятствія. Я во всѣхъ жалобахъ и требованіяхъ нашихъ подданныхъ, гдѣ только хотя тѣнь справедливости находится на ихъ сторонѣ, доставляю имъ удовлетвореніе, не ожидая на то и повелѣній; но просьба Моравитова есть такого рода, что связана съ политическими дѣлами высочайшаго двора и не отъ меня слѣдственно зависитъ въ томъ ему здѣсь помочь.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ.

Отправляя нарочнаго къ вашему превосходительству курьера съ высочайшимъ повелѣніемъ по поводу отзывовъ жителей Очаковскихъ, ваше превосходительство прошу по сдѣланіи надлежащихъ представленій Портѣ и истребованіи удовлетворительнаго ея рѣшенія, возвратить курьера ко мнѣ на томъ же самомъ пакетъ-ботѣ, на которомъ онъ къ вамъ отправленъ. Затѣмъ пользуюсь я симъ случаемъ къ увѣренію васъ объ отличномъ почтеніи, съ коимъ пребываю кн. Потемкинъ,

Іюля 29 дня 1785 г. Царское Село.

Его п-ству Булгакову.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ.

При умножающейся торговлѣ на Черномъ морѣ и по выгодамъ, коими пользуется на сихъ водахъ флагъ Россійскій, можетъ быть, является къ вашему превосходительству купечество, получить оный желающее. Для сего имѣю я честь къ вамъ препроводить двѣнадцать патентовъ на толикое жъ число судовъ. Я прошу ваше превосходительство, въ случаѣ вступающихъ къ вамъ просьбъ о дачѣ флаговъ, снабдѣвать просящихъ патентами, соображаясь однако въ семъ случаѣ съ предписаніемъ прилагаемаго здѣсь въ копіи высочайшаго рескрипта, особливожъ чтобъ получающіе сіи патенты были люди надежные, которые бы ни малѣйшаго не нанесли оному предосужденія, въ чемъ и нужно достовѣрное за нихъ ручательство.

Пребываю я съ отмѣннымъ къ вамъ почтеннымъ кн. Потемкинъ.

Іюля 29 дня 1785 г.

*

По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы Всероссійской и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется черезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что въ сходственномъ всевысочайшаго ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни моей, повелѣнія, коимъ всевысочайше препоручена мнѣ дача флаговъ подданнымъ ея величества на торговыя ихъ суда, въ Черное и Средиземное морѣ отправляемыя, дoз-

волено Херсонскому жителю Антоніу Антуану торгъ въ помянутыхъ моряхъ производить, желающему поднять флагъ Россійской на..... его именуем..... подъемлющей..... и употреблять сей флагъ отъ нижеписаннаго числа въ теченіе трехъ лѣтъ, дабы такимъ образомъ могъ онъ свободное имѣть по тѣмъ водамъ плаваніе и безпрепятственно справлять торговлю, пользуясь всѣми тѣми выгодами и преимуществами, каковыя по силѣ учиненныхъ между имперіей Россійскою, блистательною Портою Оттоманскою и прочими державами трактатовъ Россійскому флагу принадлежатъ. Во удостовѣреніе чего сей отверстый листъ рукою и печатью герба моего утвержденъ. Въ С.-Пб. Февраля 25 дня 1784 года. Sur le vaisseau le Comte de Stackelberg du Tort de DXLVII tonneaux. (подп.) князь Потемкинъ.

(Титулъ князя Потемкина).

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Живущіе въ Константинополѣ Армяне, урожденцы Персидскіе, Николай и Исай Мосѣевы и Моисей Николаевъ имѣютъ желаніе войти въ подданство Ея Императорскаго Величества. Они просятъ о томъ чрезъ письма своихъ здѣсь родственниковъ. Если ваше превосходительство не находите препятствъ къ исполненію желанія ихъ, то покорно прошу надлежащимъ образомъ удовлетворить оному и въ такомъ случаѣ доставить имъ покровительство, каковымъ пользуются Россійскіе подданные, меня же увѣдомить. Кн. Потемкинъ.

P. S. Я бы думалъ приличнѣе имъ назваться купцами Херсонскими.

Августа 26 дня 1785.

*

Къ кн. Потемкину, 30 Авг. (10) Сент. 1785 г.

Въ половинѣ Августа прибылъ сюда изъ Марселіи подъ Россійскимъ купеческимъ флагомъ корабль, называемый «Графъ Штакельбергъ», принадлежащій Херсонскому купцу Антуану и товарищамъ, отправленный въ Херсонъ для забранія мачтъ, вывезенныхъ туда изъ Польши. Оной корабль принадлежалъ недавно къ королевскому флоту, совершенно формы и конструкціи военной, имѣющій на нижней батареѣ мѣста на 24 пушки, сверхъ верхней, и поднимающій до 26 тысячъ киловъ (слѣдовательно превосходящій десятью тысячами постановленія трактата); прежде назывался онъ «La Sirène» и года три назадъ былъ здѣсь въ военномъ видѣ. Появленіе сего огромнаго и впрочемъ знакомаго уже здѣсь судна произвело немалую тревогу. Я заставилъ молчать лиманназира или капитана порта и увѣрилъ разными изворотами министерство, что оный корабль не больше положенія, хотя таковымъ кажется. Фирманъ на пропускъ его былъ уже выданъ, но по несчастію капитанъ бросилъ якорь въ виду, и султанъ прислалъ къ Портѣ за-

просъ, за коимъ послѣдовало повелѣніе отобрать ферманъ и выправить его въ Бѣлое море.

Не желая претерпѣть отсылкою сего корабля, которая, не смотря на частое злоупотребленіе нашими торгующими, была бы самая первая, употребилъ я всѣ отъ меня зависящія побужденія и наконецъ довелъ до того министерство, что оно обѣщалось удовольствоваться, ежели я обязуюсь письменно, что оный корабль возвратится изъ Херсона во Францію и вторично сюда присланъ оттуда не будетъ. Не видя иного способа скрыть предъ публикою непріятности, происходящей отъ безразсудной присылки онаго корабля, согласился я дать оное обязательство, но желалось мнѣ и въ томъ надъ ними взять верхъ. Когда драгоманъ Пизаній принесъ отповѣдь мою, что я даю обязательство о возвращеніи изъ Херсона онаго корабля во Францію и министерство потребовало онаго на письмѣ, то рейсефендій вступился, говоря, что онъ мое слово почитаетъ за трактатъ и, зная меня, головою своею отвѣчаетъ за сдержаніе онаго, чѣмъ всѣ удовольствовались, и ферманъ на пропускъ корабля опять мнѣ былъ выданъ. Но хлопоты тѣмъ не кончились, и корабль вновь остановленъ. Когда послали къ султану репортъ, въ которомъ просто сказали, что я обязался на возвращеніе корабля, то онъ, повидимому поджигаемый кѣмъ нибудь изъ враговъ нашихъ, хотѣлъ конечно видѣть самъ мою бумагу. Почему и надлежало что-нибудь дать; но я, постоянно избѣгая исполнять Турецкія прихоти, поупрямился дать обязательство мною подписанное, дабы не имѣли они доказательства, что трактатъ нарушается съ нашей стороны, а велѣлъ драгоману Пизанію написать слѣдующее на Турецкомъ языкѣ: Touchant le batiment Russe venu en dernier lieu de France, commandé par le capitaine Smillet, destiné d'aller à la Mer Noir pour prendre de Kerson une cargaison de mats, l'envoyé extraordinaire et ministre plenipotentiaire de la Cour Impériale de Russie résidant auprès de la Sublime Porte, a promis avec sa parole, que le susdit batiment ira seulement pour cette fois à Kerson pour prendre la susdite cargaison et reviendra ici (s'entend s'il ne lui arrive pas le malheur de mer) pour retourner en France sans plus revenir. Le 22 Aout 1785.

Симъ способомъ выпутался я со славою изъ хлопотъ. Корабль отпущенъ и отправится съ первымъ попутнымъ вѣтромъ, а съ капитана, дабы Французы не навлекли мнѣ какихъ новыхъ заботъ, я взялъ обязательство, что онъ возвратится сюда съ кораблемъ въ теченіи сего года.

*

Къ кн. Потемкину, 30 Авг. (10 Сент.) 1785.

Удостоился я получить высокопочтеннѣйшее в. с. письмо отъ 29 Іюля съ приложеніемъ 12 патентовъ на толикое же число судовъ для желающихъ торговать подъ Россійскимъ купеческимъ флагомъ. Всенижайшую принося благодарность за сей новый знакъ ко мнѣ довѣренности, осмѣлюсь обнадежить в. с., что конечно злоупотребленія изъ оной не выдетъ, тѣмъ паче, что я по мѣсту своему обязанъ силою трактата отвѣчать за плавающихъ подъ нашимъ флагомъ. Сколь же скоро, на основаніи присланнаго ко мнѣ въ копіи высочайшаго рескрипта, снабжу кого изъ желающихъ онымъ патентомъ, не премину в. с. о томъ донести.

Говоря о сей матеріи, за долгъ почитаю донести, что консулы наши, зависящіе отъ Венеціанскаго поста, присвояютъ себѣ ввѣренную в. с. власть давать флаги, и именно г. Бечили далъ оный двумъ своимъ пріятелямъ, Цефалонскимъ жителямъ. Какъ я, не будучи увѣренъ, не по повелѣнью ли вашему онъ на сіе поступилъ, пропустилъ въ Таганрогъ и писалъ туда разсмотрѣть, могутъ ли они имѣть сіе право, не будучи нашими подданными; то въ отвѣтъ мнѣ сказано только, что сіе разсмотрѣніе мнѣ предоставляютъ. Писалъ я также и къ Г. Ежели сіе продолжится, то для торговли великое злоупотребленіе и вредъ, а министру здѣсь пребывающему безконечныя хлопоты воспослѣдуютъ. Я и теперь насилу вышелъ изъ хлопотъ, причиненныхъ мнѣ купцомъ Антуаномъ, который воспользовался даннымъ отъ в. с. бѣлымъ патентомъ, какъ то изволите усмотрѣть изъ записки, при семъ всепокорнѣйше представляемой. Ежели бы не предуспѣлъ я исправить его проступки, то бы и нашей доброй вѣрѣ въ наблюденіи обязательствъ, трактатомъ утвержденныхъ, причинился ударъ, а онъ бы отъ недопущенія корабля до Херсона въ конецъ разорился.

Принимаю смѣлость всенижайше просить не оставить меня милостивымъ наставленіемъ, могу ли я давать патенты нашимъ подданнымъ, находящимся въ службѣ, какъ напримѣръ, принадлежащимъ къ здѣшнему посту людямъ и зависящимъ отъ него консуламъ, ежели кто изъ нихъ пожелаетъ имѣть свое собственное судно. Сіе тѣмъ мнѣ нужнѣе, что нѣкоторые ко мнѣ уже отзывались.

*

Къ кн. Потемкину, 30 Авг. (10) Сент. 1785.

Получа съ нарочнымъ курьеромъ высокопочтеннѣйшее в. с. повелѣніе отъ 29 Іюля, препровожденное высочайшимъ рескриптомъ, по поводу споровъ съ Агаповцами о Кинбурнской соли, тотчасъ учинилъ я у Порты домогательство и получилъ удовлетворительное рѣшеніе.

Отправляю онаго курьера обратно въ Херсонъ на пакетботѣ Битюгѣ съ сообщеніемъ обо всемъ къ Г. и къ губернатору Коховскому, прося перваго о неукоснительномъ доставленіи сего пакета в. с.

Изъ приложенной копіи со всеподданнѣйшей моей реляціи и перевода отправленнаго въ Очаковъ фермана в. с. усмотрѣть изволите, что̀ мною учинено и какія туда повелѣнія посланы. Турецкому начальнику дана свобода назначить количество соли или изыскать съ общаго, съ нашимъ согласія, какой другой выгоднѣйшій образъ довольствованія жителей солью, почему и надѣюсь, что сіе безпокойное дѣло приведено будетъ вскорѣ къ желаемому концу.

Съ тѣмъ же курьеромъ получилъ я высочайшее повелѣніе о склоненіи Порты назначить пограничнаго комиссара для разбора и рѣшенія мелкихъ споровъ и дѣлъ, и уже началъ о томъ стараться; но краткость времени и забота правительства въ тушеніи пожаровъ не дозволили мнѣ еще добиться отвѣта. Думаю, что чернь, недовольная правленіемъ, поджигаетъ городъ. Правда ли то или нѣтъ, еще точно неизвѣстно; но то правда, что пожары бываютъ ежедневно, а часто по три и по четыре вдругъ, даже и въ Перѣ, гдѣ третьяго дня въ трехъ мѣстахъ огонь появился. По счастію нашему, предуспѣвали не давать онымъ распространяться.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ.

По просьбѣ Россійскаго генерал-консула въ Александріи и въ Египтѣ маіора Тонуса симъ препровождаю къ в. п. два патента на поднятіе Россійскаго флага на собственныхъ его купеческихъ корабляхъ, которые и прошу доставить ему, Тонусу, со взятіемъ обязательства на основаніи высочайшаго Ея Императорскаго Величества мнѣ рескрипта, въ копіи къ вамъ отъ меня отправленнаго.

Ноября 8 дня 1785 года.

*

Божіею милостію мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу, Военной Коллегіи вице-президенту, Новороссійскому, Азовскому, Астраханскому и Саратовскому генералъ-губернатору князю Потемкину.

Мы уже дали знать нашимъ коллегіямъ иностранныхъ дѣлъ и адмиралтейской о соизволеніи нашемъ, чтобы дача Россійскихъ флаговъ на торговыя суда подданныхъ нашихъ, по Черному морю, а изъ того въ Средиземное море плавающія, предоставлена была вамъ; въ слѣдствіе чего нужнымъ мы признали преподать вамъ потребные по сему пункты наставленія, сходствующіе положенію того края и постановленнымъ о томъ правиламъ, повелѣваемъ. *Первое*: Россійскіе флаги на торговыя суда

по Черному морю, а изъ того въ Средиземное плавающія давать подданнымъ нашимъ, какого бъ они народа и закона ни были, наблюдая предписанное въ четвертой статьѣ указа нашего отъ 8 Мая 1780 г. о записывающихся въ подданство наше иностранцахъ. *Второе.* Къ наблюденію вашему относиться долженствуетъ, чтобы флаги наши даны были неинако какъ людямъ извѣстнымъ или же имѣющимъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ или торги свои отправляютъ надлежащія свидѣтельства и одобренія, и чтобы получающіе оные были люди надежные, отъ коихъ флагу и торговлѣ нашей не могло бы послѣдовать никакого предосужденія. *Третіе.* Въ отсутствіи вашемъ отъ губерній вамъ ввѣренныхъ позволяемъ вамъ возложить таковую дачу, если вы разсудите за благо, на кого-либо изъ тамошняго начальства по вашему разсмотрѣнію, но съ тѣмъ, чтобы онъ поступалъ по точности сего предписанія и всякой разъ доносилъ вамъ кому именно и съ какимъ одобреніемъ явившемуся данъ флагъ.

Пребываемъ въ прочемъ вамъ императорскою нашею милостью всегда благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ, Генваря 4 дня 1783.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою: Екатерина.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Греческой купецъ и города Таганрога житель Панаіотъ Мусантовъ въ поданномъ мнѣ прошеніи прописываетъ, что онъ по открытіи по Черному и Бѣлому морямъ Россійской торговли отправилъ въ прошломъ 1778 г. обще съ товарищемъ своимъ судно въ Константинополь. Прикащикъ ихъ, съ дозволенія бывшаго тамъ Россійскаго министра Стахіева и Оттоманской Порты, нагрузилъ оное разными товарами съ заплатою надлежащихъ пошлинъ и, получивъ отъ Порты пропускной ферманъ, а отъ министра пашпортъ, отправился оттуда въ обратный путь; но не успѣлъ доплыть до крѣпости, какъ судно умышленно возвращено въ Буюкдере и задержано подъ арестомъ семь мѣсяцевъ, послѣ чего хотя и отпущено, но какъ настала зима, то едва могъ онъ доѣхать до Балаклавской гавани и тамъ по необходимости зимовать, въ Таганрогъ же прибылъ уже въ 1779 году, въ Маѣ мѣсяцѣ. Отъ таковаго годичнаго съ товарами пребыванія оные пришли въ гибель, и купцы претерпѣли убытку, считая покупку товару, содержаніе судна и починку онаго, на пятнадцать тысячъ восемьсотъ шестьдесятъ одинъ рубль тридцать восемъ копеекъ. Ваше превосходительство, какъ объясняетъ помянутый купецъ, извѣстны уже о семъ дѣлѣ изъ отправленнаго къ вамъ съ высочайшей Ея Императорскаго Величества апробаціи отъ 12 Іюня 1783 года изъ государственной иностранной коллегіи рескрипта и одобрительнаго отъ господина тайнаго совѣтника и кавалера графа Безбородки письма, и потому конечно сдѣлали уже нужныя розысканія. Я также и съ своей стороны, по долгу званія моего, не могши не принять участія въ нанесенномъ убыткѣ жителямъ ввѣренной мнѣ губерніи,

ваше превосходительство покорно прошу о убѣжденіи при Портѣ кого слѣдуетъ къ разобранію сего дѣла и доставленіи обиженному должнаго удовлетворенія.

Октября 16 дня 1785 года.
Его прев-ству Булгакову.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Въ Августѣ мѣсяцѣ сего года жительствующій на Ингулѣ Французской купецъ Фаберъ ограбленъ былъ вышедшими съ Турецкой стороны людьми. Убытокъ при семъ имъ понесенный простирается до пяти тысячъ рублей, а сверхъ того, защищавшіе его служители многіе поранены и одинъ убитъ до смерти. Господинъ генералъ-маіоръ Рѣпнинской, увѣдомивъ о семъ Очаковскаго пашу, требовалъ скорѣйшаго изысканія сихъ злодѣевъ и доставленія ему, Фаберу, удовольствія, которое при началѣ и было обѣщано; но наконецъ сдѣланъ отзывъ, что злодѣи скрылись и потому нѣтъ возможности обиженнаго удовлетворить. Равнымъ образомъ и Херсонской купецъ Карасевъ, имѣвъ въ долгу на Очаковскихъ Туркахъ тысячу восемьсотъ рублей, искалъ себѣ уплаты сихъ денегъ, но послѣ всѣхъ обнадеживаній напослѣдокъ объявлено ему, что заимщики долгу выплатить не въ состояніи. Столь малое уваженіе справедливыхъ требованій, по долгу моего начальства, заставляетъ меня ваше превосходительство просить о исходатайствованіи отъ Порты строгаго предписанія въ Очаковъ, дабы купцамъ Фаберу и Карасеву надлежащее сдѣлано было удовлетвореніе.

Декабря 6 дня 1785 г.
Его п-ству Булгакову.

*

Къ кн. Потемкину, Пера, 15 (26) Декабря 1785 г.

Высокопочтеннѣйшее в. с. письмо отъ 26 Августа съ повелѣніемъ объ Армянахъ Моисеевыхъ удостоился я получить на сихъ дняхъ и, переговоря съ ними, слѣдующее имѣю честь донести.

Хотя они и Персидскіе уроженцы, но давно здѣсь поселились, признаются подданными Порты, платили харачъ, и наконецъ для избѣжанія сего платежа одинъ изъ нихъ сдѣлался Голландскимъ баратеромъ, другой пользуется протекціею Голландскаго же посла, а третій уѣхалъ въ Персію. Слѣдовательно не зависѣло отъ меня исполнить страннаго ихъ желанія, которое въ томъ состоитъ, чтобы, будучи подданными Порты и баратерами Голландіи, пользоваться подъ своимъ именемъ преимуществами Россіянъ въ разсужденіи пошлинъ безъ всякой для Россіи пользы; а войти въ подданство наше они не намѣрены и сами признаются, что не могутъ. Впротчемъ переманить ихъ изъ подъ Голландской

протекціи въ нашу нельзя безъ оскорбленія посла; да ежели бы они и хотѣли поселиться, о чемъ не думаютъ, въ Россіи, то Порта можетъ потребовать ихъ какъ своихъ бѣглыхъ, а по меньшей мѣрѣ не можно имъ будетъ болѣе здѣсь торговать. Въ угодность в. с. предложилъ я имъ, чтобы они товары свои привозили подъ именемъ какого Русскаго купца, но они на то не согласились.

Осмѣливаюсь представить здѣсь прошеніе, поданное мнѣ отъ родственниковъ одного въ Россіи находящагося Армянина Симоніана. Не зная совсѣмъ дѣла, не могъ я имъ никакого точнаго отвѣта дать и всепокорнѣйше прошу, ежели сіе дѣло заслуживаетъ отвѣта или какое уваженіе, повелѣть меня наставить, что̀ просителямъ сказать, дабы впредъ они в. с. не безпокоили.

*

Къ кн. Потемкину, Пера, 15 (26) Генваря 1786.

Высокопочтеннѣйшее в. с. письмо отъ 8 Ноября съ двумя патентами на Россійскій флагъ удостоился я получить, и съ первымъ случаемъ не премину оные доставить къ находящемуся въ Александріи г. к. барону Тонусу въ силу изъявленнаго мнѣ о томъ въ помянутомъ письмѣ повелѣнія.

*

Пера, 1 (12) Марта 1786.

Удостоясь получить съ послѣднимъ курьеромъ высокопочтеннѣйшее в. с. повелѣніе отъ 6 Декабря по поводу ограбленнаго на Ипгулѣ живущаго купца Фабера и имѣющагося на Очаковскихъ Туркахъ долга Херсонскаго купца Карасева, принесъ я Портѣ жалобу на Очаковскаго пашу въ неисполненіи понынѣ посланныхъ къ нему указовъ и съ симъ же курьеромъ отправляю къ г. ген. маіору Репнинскому новые и строгіе ферманы о скорѣйшемъ удовлетвореніи не только сихъ, но и другихъ нашихъ подобныхъ требованій.

*

Къ кн. Потемкину, Пера. 1 (12) Апрѣля 1786 г.

Находящійся здѣсь для учрежденія торговыхъ дѣлъ его Польскаго величества совѣтникъ г. Хржановскій подалъ мнѣ ноту, которую при семъ представляя, всепокорнѣйше прошу в. с. удостоить меня повелѣній, какой ему отвѣтъ дать, который тѣмъ для него нужнѣе, что Польская компанія иного не ожидаетъ, кромѣ просимыхъ ею распоряженій для начатія своихъ операцій симъ лѣтомъ.

*

Къ кн. Потемкину, Пера. 1 (12) Апрѣля 1786 г.

Извѣстный в. с. Агличанинъ г. Итонъ, ищущій всѣми силами способовъ быть Россіи полезнымъ, просилъ меня представить в. с. прило-

женныя при семъ два проекта. Можетъ быть, по обстоятельствамъ и заслужатъ они уваженія, и въ семъ случаѣ осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить удостоить меня своими повелѣніями. Оной Итонъ, независимо отъ сихъ проектовъ и прежней его о консульствѣ просьбы, имѣетъ во многихъ частяхъ наукъ и художествъ столь обстоятельныя знанія, что, думаю, съ немалою пользою могъ бы употребленъ быть вездѣ и особливо въ Таврической области, гдѣ нужда въ разныхъ новыхъ заведеніяхъ. Въ ожиданіи всепочтеннѣйшихъ повелѣній, не угодно ли будетъ, чтобы я его самого прислалъ.

*

Къ кн. Потемкину. Къ вицеканцлеру
къ кн. Безбородку. 12 (23) Мая 1786.

Вручитель сего г. Шевалье-Ворслей, человѣкъ въ Англіи знатный, губернаторъ острова Вейта, тайный совѣтникъ, другъ г. Пита, странствующій изъ любопытства и объѣхавшій не только всю почти Европу, но и другія части свѣта, вознамѣрился предпріять путь чрезъ Тавриду въ Петербургъ и просилъ меня препроводить его письмомъ къ в. с. Хотя я знаю совершенно, что нѣтъ ему въ томъ нужды, не хотѣлъ я однако сдѣлать ему отказа и осмѣлился сіе дать. Онъ отправляется въ Тавриду на пакетботѣ, привезшемъ сюда миледи Кревенъ, которая прославляетъ оказанныя ей отъ в. с. учтивости и не можетъ довольно выхвалить красоту Тавриды и возблагодарить за все для нея учиненное по приказу в. с. тамошнимъ губернаторомъ. Она поѣхала теперь въ Архипелагъ, гдѣ, пробывъ мѣсяца два, возвратится сюда и отправится сухимъ путемъ въ Вѣну.

*

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Отпустя нынѣ сорокъ человѣкъ Татаръ Таврическихъ на поклоненіе въ Мекку, препровождаю къ вашему превосходительству именной оныхъ списокъ съ тѣмъ, чтобы въ слѣдованіи ихъ чрезъ Константинополь не оставили вы безъ примѣчанія отзывовъ ихъ и роду обращенія, каковый имѣть будутъ съ ними Турки, и чтобъ преподали мнѣ о томъ яаше увѣдомленіе.

Іюня 5 дня 1786. Его п-ству Булгакову.

*

Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 15 (26) Августа 1786.

Съ послѣднимъ курьеромъ удостоился я получить высокопочтеннѣйшее в. с. повелѣніе отъ 5 Іюня касательно до отпущенныхъ на поклоненіе въ Мекку сорока Таврическихъ Татаръ и конечно оное исполню, сколь скоро помянутые поклонники сюда прибудутъ. Извѣ-

стія объ нихъ никакого еще нѣтъ, а какъ слышно, что немало подобныхъ Татаръ проѣхало чрезъ Трапезонтъ, то статься легко можетъ, что и сіи путь свой взяли для выигрыша времени чрезъ помянутый городъ.

*

№ 1. Къ кн. Потемкину. 15 (26) Окт. 1786.

Получа высочайшее повелѣніе доносить в. с. о здѣшнихъ дѣлахъ по отправленіи вашемъ изъ С.-Петербурга, за счастіе я поставлю наблюдать съ обыкновеннымъ моимъ усердіемъ сей долгъ, исполнять со всею ревностью приказанія, коими удостоить меня изволите и руководствоваться наставленіями в. с. какъ для моего собственнаго поведенія, такъ и для пользы высочайшей службы.

Дѣло Ахалцыское благополучно кончено на основаніи высочайшихъ повелѣній. Порта отправляетъ къ тамошнему пашѣ нарочнаго чиновника съ строгимъ ферманомъ не касаться и не дозволять безпокоить Лезгинцамъ области царя Иракля, который названъ въ оном ферманѣ уже не подданнымъ, но добрымъ сосѣдомъ Порты. Надѣюсь, что повелѣніе ея будутъ пашею исполнено и спокойствіе на границѣ возстановится.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Ко времени высочайшаго Ея Императорскаго Величества въ Тавриду прибытія, ваше превосходительство прошу приговорить хорошаго туда купца съ алмазными и жемчужными вещьми, также и другихъ купцовъ съ разными Турецкими товарами, которые безъ сомнѣнія не будутъ имѣть причины раскаиваться въ сей поѣздкѣ, а ваше превосходительство можете быть увѣрены объ отличномъ къ вамъ почтеніи, съ коимъ пребываетъ вашего превосходительства кн. Потемкинъ.

Декабря 13 дня 1786 г. Кременчугъ.

*

Его свѣтлости князю Потемкину. „22 Августа 1786“.

Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь!

Съ сердцемъ горестію наполненнымъ утруждаю симъ вашу свѣтлость. Въ теченіе службы моей многія славныя нашей великой Монархини дѣла шли чрезъ мои руки, хотя сначала и подъ начальствомъ другихъ. Выборъ Польскаго короля, диссидентское дѣло, раздѣлъ Польши, Цареградское посольство, Тешинскій миръ, разграниченіе Польши, разныя здѣсь учрежденія, тарифъ, торговый трактатъ, Крымскій актъ служатъ доказательствомъ моего усердія и ревности. Теперь, по 25 лѣтней, безпрерывной и трудной службѣ, атакованъ я и мои подчиненные пришельцемъ, проводившимъ всю жизнь свою въ интригахъ и тюрьмахъ,

во зло употребляющимъ нынѣшнее свое званіе и благотвореніе своихъ покровителей, утопающимъ въ долгахъ, хватая оные у тѣхъ, кого силою своею въ Россіи застращать или адскими выдумками ослѣпить предуспѣваетъ, и наконецъ разстраивающимъ здѣсь дѣла высочайшаго двора, а именно Смирнскимъ генеральнымъ консуломъ Петромъ Ферріеріемъ. Всѣ бумаги посылаю я къ его сіятельству графу Александру Андреевичу Безбородку, почему и не хочу докучать повтореніемъ дѣла, а осмѣливаюсь только прибѣгнуть къ милостивому вашей свѣтлости посредству для поверженія меня къ освященнымъ Ея Императорскаго Величества стопамъ и для исходатайствованія всемилостивѣйшаго Ея правосудія по разсмотрѣніи оныхъ бумагъ въ Совѣтѣ.

Богу единому извѣстно, сколь трудно мнѣ изворачиваться въ нынѣшнихъ критическихъ обстоятельствахъ, когда дѣло идетъ почти не меньше какъ о войнѣ; и въ сіе самое время бродяга, ни вѣры, ни совѣсти не имѣющій, изобрѣтаетъ скаредства для нанесенія дѣламъ большаго вреда. Когда онъ осмѣлился чрезъ меня самого писать ложь и клевету, то безъ сумнѣнія прямо еще больше наплететъ каверзъ; но я, зная правосудіе министерства, надѣюсь, что онымъ вѣра подана не будетъ, по меньшей мѣрѣ не спрося прежде у оклеветаемыхъ отвѣта.

Въ качествѣ стариннаго дворянина и честнаго человѣка, спросился бы я только у одной чести о способѣ прекратить сіи скаредства; но министръ, служащій Государю и Отечеству съ вѣрою, усердіемъ и раченіемъ, защищается и охраняется столпами Имперіи, отъ коихъ зависятъ цѣлость государства и правосудіе подданныхъ. Прибѣгаю слѣдовательно къ вашей свѣтлости и отъ васъ ожидаю моего удовлетворенія.

Имѣю честь съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ и непоколебимою преданностію и пр.

Буюкдере, 1 (12) Августа 1786.

*

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Сіе вручитъ вамъ господинъ канцелярій совѣтникъ Лашкаревъ. Я препоручилъ ему въ проѣздъ чрезъ Букарестъ точнѣе развѣдать поступки господаря Волосскаго и расположеніе къ нему его подданныхъ, въ пользу которыхъ ваше превосходительство и можете полученныя отъ него извѣстія употребить при Портѣ, если обстоятельства того потребуютъ. Сверхъ того господинъ Лашкаревъ, будучи назначенъ главнымъ повѣреннымъ въ Персіи, въ бытность свою въ Константинополѣ узнаетъ вѣрнѣе настоящую связь тамошнихъ дѣлъ съ Портою, въ чемъ и ваше превосходительство сдѣлаете ему нужное способствованіе, преподавъ притомъ и изустно мнѣ чрезъ него всѣ извѣстія къ свѣдѣнію нужныя

и будучи въ прочемъ увѣрены, что съ отличнымъ къ вамъ почтеніемъ и проч. кн. Потемкинъ.

Декабря 13 дня 1786 г. Кременчугъ.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Въ разсужденіи высочайшаго Ея Императорскаго Величества въ здѣшній край путешествія, нужно примѣтить Портѣ обыкновенный между государями въ Европѣ обрядъ, что въ случаѣ приближенія одного государя къ границамъ другого, взаимно въ знакъ дружбы они обсылаются съ комплементами. Ваше превосходительство присовѣтуйте наблюсти сіе Портѣ, интересовавъ тутъ кого нибудь изъ хорошихъ и нужныхъ людей, которому конечно пожалованъ будетъ и подарокъ хорошій.

Декабря 13 дня 1786 г. Кременчугъ.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Препоруча господину канцеляріи совѣтнику Лашкареву покупку разныхъ Турецкихъ вещей въ Константинополѣ, ваше превосходительство прошу на то употребить до 15000 рублей. По первому вашему увѣдомленію возвращу я къ вамъ съ благодареніемъ издержанную сумму.

Декабря 13 дня 1786 г. Кременчугъ.

*

№ 2 Къ Кн. Потемкину, Пера 15 (26) Дек. 1786 г.

Получа извѣстіе изъ Авлеополя *), что в. с. отправиться уже изволили изъ С.-Петербурга, начинаю исполненіе данныхъ мнѣ высочайшихъ повелѣній и при семъ всепокорнѣйше прилагаю дубликаты четырехъ всеподданнѣйшихъ реляцій, двухъ послѣднихъ и сегодняшняго отправленія, прося г. подполковника и г. почтмейстера Пулевича отправить ихъ тотчасъ съ нарочнымъ курьеромъ навстрѣчу къ в. с., ежели другого какого о доставленіи моихъ пакетовъ предписанія не имѣется.

*

№ 4. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (26) Генваря 1787.

Съ г. канцеляріи совѣтникомъ Лашкаревымъ, прибывшимъ сюда 4 сего мѣсяца, удостоился я получить высокопочтеннѣйшее в. с. секретнѣйшее повелѣніе, отправленное изъ Кременчуга отъ 13 Декабря, со всѣми его приложеніями, и тотчасъ ко исполненію оныхъ приступилъ истребованіемъ конференціи съ Турецкимъ министерствомъ. Изъ слѣдующей при семъ реляціи подъ № 4 в. с. подробно изволите усмо-

*) Т. е. вѣроятно изъ Ольвіополя, какъ и выше названъ этотъ городъ. П. Б.

трѣть, что̀ на оной происходило и что̀ мною учинено для успѣха ввѣреннаго мнѣ дѣла. Не повторяя слѣдовательно сказаннаго въ оной реляціи, дабы безполезно не утрудить, прибавлю я здѣсь только то объясненіе, что, исполняя въ совершенной точности всѣ мудрыя в. с. наставленія и повелѣнія, къ предписаннымъ пунктамъ требованій почелъ я за необходимо нужно прибавить на конференціи и другія здѣшнія ненаблюденія трактатовъ, дабы тѣмъ и вину министерства Турецкаго еще больше увеличить, и для переду, истребя вдругъ всѣ поводы къ кривымъ толкованіямъ, избавиться споровъ и хлопотъ ежедневно случающихся и при всякомъ новомъ министерствѣ возобновляемыхъ. Что̀ происходить будетъ, не премину какъ наичаще в. с. доносить и надѣюсь, что безъ нужныхъ и столь обстоятельныхъ, каковы были послѣднія, наставленій, оставить меня не изволите. Имѣю я причину думать, что дѣло станутъ тянуть, но до послѣдней крайности не дойдетъ, а потому льщусь, что и упомянутое мнѣніе мое начать требованіе акта, подписаннаго визиремъ, удостоится милостивой апробаціи.

Присылка г. Лашкарева великую приноситъ мнѣ пользу. Знакомство его съ знатными Турками поможетъ мнѣ для умноженія нужныхъ внушеній, чинимыхъ мною для споспѣшествованія дѣлу. Слухъ о предстоящей войнѣ начинаетъ уже распространяться, и никто скрыть не можетъ, что безъ совершеннаго сумасшествія здѣсь и помыслить нельзя о сопротивленіи.

Въ другой реляціи подъ № 5, всепокорнѣйше при семъ приложенной, в. с. усмотрите прочія здѣшнія происшествія; а въ третьей, подъ № 6, сейчасъ полученныя чрезъ употребляемыхъ мною людей извѣстія, и вслѣдствіе сей послѣдней осмѣливаюсь просить о снабженіи меня нужными повелѣніямн.

*

№ 5. Къ кн. Потемкину. Пера. 15 (26) Генваря 1787.

По другому высокопочтеннѣйшему в. с. письму отъ 13 Декабря не упустилъ я говорить министерству Турецкому по поводу Волошскаго господаря Мавроенія, о коемъ извѣстія, привезенныя г. Лашкаревымъ, совершенно сходственны со всѣми мною оттуда прежде полученными. Сей господарь защищается отъ визиря и рейсефендія пашинской партіи. Новой Молдавской господарь Ипсиланти пожалованъ безъ участія Порты прямо изъ Сераля, и обѣщано ему было Волошское княжество; но какъ Мавроеній платитъ въ Сералѣ шпіона, то по увѣдомленію отъ сего послѣдняго рейсефендій низверженіе Мавроенія требуетъ отвратить, взявъ съ его капи-нечаевъ сто тысячъ піастровъ, и несчастіе пало на Маврокордата. Уповательно однако, что со временемъ Ипси-

ланти переведенъ будетъ въ Бухарестъ, и ожидаю отъ него пользы. Нынѣ онъ мнѣ великія оказываетъ услуги и въ преданности своей къ высочайшему двору даетъ сильныя увѣренія, хотя и то правда, что во всемъ семъ видитъ свою собственную пользу. Кредитъ его здѣсь великъ, а поправленія земли и благодѣяній, учиненныхъ имъ въ Валахіи въ семилѣтнее правленіе, и понынѣ тамъ забыть не могутъ, почему и надежно, что онъ и княжество сохранитъ отъ конечнаго разоренія и намъ услуги оказывать будетъ.

Пребываніемъ здѣсь г. Лашкарева пользуюсь я, сверхъ употребленія его для внушеній, такожъ для объясненія ему разныхъ обстоятельствъ, коихъ всѣхъ трудно и почти невозможно описывать, дабы онъ изустно в. с. обо всемъ донесъ, какъ то повелѣвать изволите. Равномѣрно стараюсь я ему доставить познанія о связи Порты съ Персіей; но оная такъ незначуща и здѣсь столь мало о Персіи слышно, что онъ, думаю, немного умножитъ прежнія свои о ней свѣдѣнія.

*

№ 6. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (26) Генваря 1787.

Прежде еще полученія высокопочтеннѣйшаго в. с. повелѣнія отъ 13 Декабря, стороною внушалъ я Портѣ, что знакомъ дружбы почитается, когда въ случаѣ приближенія одного государя къ границамъ другого обсылаются они съ привѣтствіями; но на сіе отвѣтствовано отъ везиря моему подосланному, что имъ вѣра и политика не позволяютъ того сдѣлать. Нынѣ, узнавъ, что оное будетъ угодно, воспользовался я повторить сіе внушеніе не только чрезъ мои намеки, но даже и на конференціи, говоря о дружбѣ между двумя дворами, примѣтилъ рейсъ-ефендію, что между государями настоитъ обыкновеніе посылать въ такихъ случаяхъ знатныхъ людей для поздравленія. Кажется, что онъ былъ моего мнѣнія; но настоять о томъ я еще не могу, пока главное дѣло не воспримета желаемаго оборота.

*

№ 7. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (27) Генваря 1787.

Въ силу высокопочтеннѣйшихъ повелѣній в. с. отъ 13 Декабря, выдалъ я г. Лашкареву нужныя деньги на порученныя ему покупки до 15000 рублевъ. Онъ уже много забралъ и съ симъ же курьеромъ отправляетъ часть своихъ комиссій. Равномѣрно приговариваю и пришлю или съ собою привезу купцовъ съ алмазными, жемчужными и другими здѣшними товарами. Оные требуютъ только безопасности и чтобы не были принуждены платить пошлины за тѣ товары, кои, не продавъ у насъ, назадъ вывезутъ, что̀, кажется, и не найдетъ затрудненія; а ежели и за проданное не заплатятъ пошлины, то сія милость привлечетъ оныхъ еще больше. О семъ ожидаю в. с. точныхъ повелѣній.

По повелѣнію Е. И. В—ва быть мнѣ въ Херсонѣ ко времени пришествія туда высочайшаго двора, писалъ я къ г. Войновичу въ Севастополь прислать сюда къ 1 Апрѣля два почтовыхъ пакетбота, дабы по причинѣ невѣрнаго пути и карантина не опоздать мнѣ пріѣхать въ Херсонъ къ оному времени. Симъ же осмѣливаюсь всепокорнѣйше в. с. просить пожаловать дать нужныя о томъ повелѣнія. Сверхъ того, что въ отчаяніе меня приведетъ, ежели лишенъ я буду столь близкаго счастія пасть къ стопамъ Е. В—ва, бытность моя при в. с. можетъ рѣшить и кончить дѣлъ въ одинъ день больше, нежели перепискою черезъ годъ, и особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

*

№ 8. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Февраля 1787.

Изъ приложенныхъ реляцій подъ № 9 и 10 в. с. усмотрѣть изволите не только распоряженій, намѣреній и пріуготовленій Порты, но даже разсужденій, мнѣній и подвига Турецкихъ и чужестранныхъ министровъ. Почему, ссылаясь на оные, не хочу здѣсь трудить повтореніемъ, а пріобщу только кратко, что военныя пріуготовленія чинятся изъ страха и для обороны, ежели бъ нужда до того дошла, а не съ мыслію начать войну, которой продолжать здѣсь не въ состояніи. Всѣ такъ мыслятъ. Одинъ только везирь злобствуетъ; ибо, какой бы оборотъ дѣла ни взяли, всегда вина на него упадетъ. Сожалительна смѣна рейс-ефендія. Прежній хотя и былъ правою рукою у везиря и капитанъ-паши, но дѣла разумѣетъ, а съ новымъ, который также другъ капитанъ-пашѣ, но не везирю, никакого толку добиться нельзя. На первой конференціи удостовѣрюсь я, чего ожидать надлежитъ; но думаю, что изъ онаго, кромѣ единаго только пустословія, ничего не выйдетъ.

Высокопочтеннѣйшее повелѣніе в. с. изъ Херсона отъ 25 Декабря, весьма кстати подоспѣло и великую мнѣ въ перебранкахъ принесетъ помощь, служа яснымъ доказательствомъ, что уже и по обѣщаніи, данномъ мнѣ прямо и чрезъ Французскаго посла, оставить въ покоѣ Грузію, Ахалцискій паша не исполняетъ воли Порты.

Г. Лашкаревъ видѣлся съ знакомыми министрами, но какъ самъ о томъ доноситъ, то и осмѣливаюсь сослаться на него о ихъ разговорахъ.

*

№ 9. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Февраля 1787.

Наималѣйшее приказаніе в. с. есть для меня долгъ честной, и ни одно конечно безъ исполненія оставлено не будетъ; но даннаго въ высокопочтеннѣйшемъ письмѣ отъ 7 Генваря сдѣлать шлюпку подобную султанской и прислать въ Севастополь въ Маѣ мѣсяцѣ, исполнить совсѣмъ невозможно. На строеніе ея, рѣзьбу, позолоту и уборку требует-

ся почти годъ; да сверхъ того здѣсь ниже простой министерской лодки безъ фермана нельзя сдѣлать, а на подобную султанской нужно имянное повелѣніе, котораго въ нынѣшнихъ особливо обстоятельствахъ не дадутъ. Во всякой другой землѣ государь за удовольствіе поставитъ въ подарокъ свою собственную послать, но здѣсь закоренѣлыя суевѣрныя мнѣнія въ головахъ столь сильны, что султану за-равно лишиться своей шлюпки или какой провинціи. Я призывалъ мастеровъ, но они дрожатъ, услыша только предложеніе. Буду стараться по меньшей мѣрѣ достать рисунокъ, а ежели удастся и модель, по коимъ у насъ можно будетъ снарядить нѣсколько похоже большую шлюпку. Турки столь странны, что мы съ г. Лашкаревымъ ни за какія деньги не могли достать ни склонить сдѣлать шлюпку, и одинъ слухъ о томъ произвелъ шумъ и кривые толки.

*

№ 10. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (26) Февраля 1787.

Изъ слѣдующихъ при семъ всеподданнѣйшихъ реляцій в. с. усмотрѣть изволите сами, что съ Турками добромъ ничего кончить нельзя. По Ахалцыскому дѣлу обмануть имъ меня никакъ не удалось; но у нихъ твердо положено, какъ-то мнѣ завѣрно извѣстно, никогда не соглашаться на признаніе царя Ираиля нашимъ подданнымъ, а потому и надлежитъ впредь ожидаться всегда къ безпокойствамъ въ той сторонѣ. Упорство министерства основано на обольщеніяхъ другихъ державъ, на надеждѣ пріуготовленіями привести себя въ почтительное состояніе и на ожиданіи сюда капитанъ-паши, на котораго, поруча ему дѣла, другіе всѣ сбираются вину свалить, какъ бы оныя ни обратились, а между тѣмъ никому нужды нѣтъ, чѣмъ все кончится.

Въ жалобахъ Порты изволите найти дѣло одного Трапезонтскаго Грека, у котораго взята данная ему Ханъ-Шагинъ-гиреемъ въ уплату долгу. Объ ономъ я описывался, и по отзывамъ какъ г. губернатора Коховскаго, такъ и г. Лашкарева, кажется, просьба сего бѣднаго человѣка основательна, то и осмѣливаюсь всепокорнѣйше представить приказать разсмотрѣть его дѣло и удовлетворить его, не по уваженію къ заступленію Порты, но для показанія свѣту, что справедливость у насъ всякому безъ отличенія воздается. Сіе, сколь ни маловажно, произвело бы здѣсь великое дѣйствіе, ибо дѣло всѣмъ извѣстно.

*

№ 11. Къ кн. Потемкину. 15 (26) Февраля 1787.

Г. Лашкаревъ, доканчивающій исполненіе повелѣній в. с., сбирается вскорѣ отсюда отъѣхать. Онъ видѣлся съ сумасброднымъ рейсефендіемъ и самъ о томъ доноситъ. Модели шлюпокъ султанскихъ на сей

недѣлѣ будутъ окончены, и я тотчасъ ихъ отправлю. Ожидаю всепочтеннѣйшихъ повелѣній по поводу купцовъ; много есть охотниковъ, но никто ѣхать не отваживается безъ увѣренія, что не принудятъ ихъ заплатить пошлины за всѣ вообще привезенные ими товары, а только за тѣ, кои продадутся, остальные же дозволено будетъ равномѣрно безъ пошлины назадъ вывезть. Многіе также, не могши сами отлучиться, меня просятъ взять съ собою немалое количество дорогихъ вещей.

*

№ 12. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Марта 1787 г.

Высокопочтеннѣйшія в. с. повелѣнія изъ Кременчуга отъ 28 Генваря я имѣлъ честь получить и не оставилъ тотчасъ изъ нихъ сдѣлать употребленіе, учиня новое домогательство у Турецкаго министерства. Изъ приложенныхъ при семъ реляцій изволите усмотрѣть, какой мнѣ данъ отвѣтъ и что здѣсь происходитъ.

Чиновникъ, посланный въ Ахалцыхъ, туда прибылъ, и неуповательно, чтобы былъ гдѣ пріостановленъ по повелѣнію Порты, которая по всѣмъ наружностямъ желаетъ теперь прервать тамошніе набѣги, но это уже выговорилось, что царя Ираклія не признаётъ подданнымъ Россіи. Новое обѣщанное на конференціи туда повелѣніе, по словамъ ея, такожъ отправлено. Но какъ я не согласился на ферманъ, и онаго израженій перемѣнить не хотѣли, то и не могъ настоять, чтобы для бо̀льшей вѣрности во исполненіи вмѣстѣ съ нимъ былъ посланъ кто нибудь съ моей стороны: ибо сіе самое обратила бы она въ свою пользу, утверждая послѣ, что я согласился на все содержащееся въ ферманѣ.

О поведеніи и расположеніяхъ Порты трудно что-либо вѣрное донести. Войны боятся, отовсюду получаютъ худыя вѣсти, но пріуготовленія продолжаютъ и по дѣламъ даже обѣщанное исполняютъ съ непонятною медлительностью.

О кн. Маврокордатѣ совсѣмъ здѣсь замолкли, а наряжаютъ, сказываютъ, въ Яссы для изслѣдованія, кто ему былъ въ томъ помощникомъ; можетъ быть и для того, чтобы объ насъ сказали послѣ, что мы, нарушая трактатъ, подговариваемъ и принимаемъ подданныхъ Порты.

*

№ 13. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Марта 1787.

Съ симъ курьеромъ отправляю къ в. с. двѣ модели шлюпокъ султанскихъ, т. е. фелуки и канчебаса, ибо онъ по этикету въ одной выѣзжаетъ, а въ другой возвращается. Здѣсь же осмѣливаюсь приложить и рисунокъ съ размѣрами, да сверхъ того отправилъ я на казенномъ суднѣ *Пчелѣ* въ Херсонъ образцы обѣихъ сихъ шлюпокъ, по коимъ можно видѣть, какъ основаніе ихъ связано.

Г. Лашкаревъ готовъ къ отъѣзду и дожидается только прибытія обыкновеннаго изъ Аулеополя курьера, съ коимъ не будетъ ли какихъ повелѣній. Онъ обстоятельнѣе можетъ показать и растолковать все до шлюпокъ касающееся.

P. S. Приложенное при семъ безъ надписи письмо посылается къ кн. Маврокордату отъ сестры его, коей мужъ Мишъ-оглу страдаетъ здѣсь невинно. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить приказать оное ему дать, и ежели будетъ отвѣтъ, повелѣть на мое имя прислать, дабы не подвергнуть сихъ несчастныхъ людей большей бѣдѣ.

*

№ 15. Къ кн. Потемкину. Пера, 11 (22) Марта 1787.

На порученныя г. Лашкареву комиссіи выдалъ я ему по повелѣнію в. с. пятнадцать тысячъ рублевъ или 25000 піастровъ, а какъ оныхъ на все недостало, то додалъ я ему еще 5506 п., всего же 30.506 п. Не имѣя своихъ собственныхъ и опасаясь, чтобы до полученія назадъ не претерпѣть нужды въ казенныхъ, коихъ также у меня мало, склонилъ я здѣшняго банкира барона Гипша ссудить за моею порукою сею суммою, въ которой г. Лашкаревъ и подписку ему далъ; почему и осмѣливаюсь всепокорнѣйше в. с. просить дать нужное повелѣніе, чтобы оныя деньги сюда были доставлены.

*

№ 16. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (26) Марта 1787.

Г. Лашкаревъ отправился отсюда въ Аулеополь 12 сего мѣсяца. Въ дополненіе донесеннаго съ нимъ, имѣю честь всепокорнѣйше при семъ представить дубликаты сегодняшнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ реляцій, содержащихъ все здѣсь по отправленіи сего курьера происшедшее. Привязки и дерзость рейсефендія доказываютъ только, что у нихъ воли и желанія много, но силъ нѣтъ шумъ съ нами зачать и что добромъ едва ли мы съ ними раздѣлаемся по прочимъ дѣламъ; а что принадлежитъ до Ахалцыхскаго, то уже и теперь видно намѣреніе ихъ идти до крайности.

По написаніи доношеній моихъ Порта разглашаетъ о полученіи двухъ курьеровъ отъ капитана-паши съ извѣстіемъ, что войска его разбили беевъ, что онъ головы трехъ пришлетъ и что самъ вскорѣ сюда будетъ. Привыкнувъ къ подобнымъ баснямъ, мало кто сему вѣритъ, и всѣ ожидаютъ подтвержденія.

*

№ 17. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Апр. 1787.

Всепокорнѣйше имѣю честь приложить дубликаты сегоднишнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ доношеній, кои, ежели противной вѣтеръ не

продолжится, повидимому будутъ послѣднія. Я сбираюсь отправиться тотчасъ въ путь и для многихъ причинъ предпочелъ ѣхать въ Севастополь, откуда проберусь въ Херсонъ сухимъ путемъ для выиграныя времени. По повелѣнію в. с. везу съ собою богатыхъ купцовъ со многими хорошими вещьми. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить приказать послать въ Севастополь нужныя повелѣнія о карантинѣ и о пошлинѣ, какъ о томъ и г. Лашкаревъ безъ сумнѣнія доносилъ.

Интернунцій баронъ Гербертъ торопится ѣхать въ Херсонъ, а оттуда на встрѣчу къ Императору; но станется, что выѣдемъ мы вмѣстѣ. Ежели я въ дорогѣ и въ карантинѣ не замѣшкаюсь и въ Херсонъ поспѣю гораздо прежде прибытія высочайшаго двора, то не повелѣно-ли будетъ мнѣ ѣхать и далѣе, о чемъ ожидать буду тамъ милостивыхъ повелѣній.

*

№ 18. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Апр. 1787.

Между прочими озорничествами и насиліями наряжаемыхъ на войну людей случилось въ Буюкдере происшествіе съ однимъ изъ Французскихъ купеческихъ судовъ подъ нашимъ флагомъ, принадлежащихъ купцу Антуану, которое едва не кончилось совершеннымъ несчастіемъ. Обстоятельства всего в. с. изволите усмотрѣть изъ приложенныхъ при семъ списковъ. Порта, узнавъ о томъ, прежде предварила меня своею жалобою, которую я испровергнулъ, сильно настоявъ о наказаніи озорниковъ. Хотя дѣло начало свое возымѣло не отъ точнаго намѣренія ихъ напасть на Россіянъ, ибо сіи же бродяги здѣсь въ Портѣ стрѣляли во Французскія суда и дорогою по каналу вездѣ насилія дѣлали, но торопливость или безразсудность капитана Мареня могла бы до того довести, чтобы всѣ Русскіе экипажи въ Буюкдере были перерѣзаны, а особливо ежели бъ ядро попало въ судно Сеферликъ. По другому счастію, вскорѣ вѣтръ сдѣлался благополучный и какъ наши суда, такъ и Турецкіе военные наряды отправились въ море. Рейсефендію сильно желалось привязаться и почесть выстрѣлъ за непріятельское дѣйствіе съ нашей стороны, но принужденъ былъ, выслушавъ мои толкованія, успокоиться, и я не допустилъ, дабы не дать худого примѣра для переду, посадить для вѣрности на наши суда Турецкихъ унтеръ-офицеровъ, а велѣлъ только капитану Мареню тотчасъ возвратиться въ городъ, откуда онъ прямо уже на Черное море отправился.

*

№ 19. Къ кн. Потемкину. Севастополь, 20 Апр. (1 Мая) 1787 г.

Изъ вчерашняго моего всепокорнѣйшаго письма изволили в. с. видѣть, что наконецъ я сюда доѣхалъ. Сегодня, отправляя всеподданнѣй-

шія доношенія и не зная, гдѣ они застанутъ дворъ, осмѣливаюсь всепокорнѣйше при семъ ихъ приложить подъ открытою печатью и просить о дальнѣйшихъ доставленіяхъ, не могши къ в. с. за неимѣніемъ писцовъ послать дубликатовъ, кои впрочемъ, кажется, и не были бъ нужны. Ежечасно ожидаю повелѣній о себѣ и о пріѣхавшихъ со мною.

*

№ 20. Къ кн. Потемкину, 8 (19) Іюня 1787.

Получа изъ Константинополя новыя извѣстія и отъ генеральнаго консула Северина сообщенія, осмѣливаюсь препроводить симъ всепокорнѣйше пакетъ подъ открытою печатью, содержащій всеподданнѣйшія мои доношенія и адресованный на имя в. с. изъ Бухареста. Равномѣрно представляю записку Цареградскихъ новостей, выбранныхъ изъ партикулярныхъ мною полученныхъ писемъ. Въ ожиданіи скораго сюда высочайшаго прибытія, не смѣю трудить пространнѣйшимъ письмомъ.

*

Къ кн. Потемкину. Бахчисарай, 18 Мая 1787 г.

Получа Константинопольскую почту, принимаю смѣлость симъ препроводить къ в. с. доношеніе драгомана Пизанія и записку всѣхъ новостей. Изъ первыхъ изволите усмотрѣть, что министерство Турецкое, а именно везирь и рейсефендій, зачинщики всѣхъ нынѣшнихъ сумасбродствъ, находятся теперь сами въ критическомъ положеніи, и послѣдній, хотя и продолжаетъ свои къ намъ привязки, старается пособить пропшедшему въ Канеѣ.

Не хочу трудить больше какими либо изъясненіями, кои сдѣлать могу словесно, ежели будутъ нужны.

*

№ 22. Къ кн. Потемкину. Симферополь, 2 (13) Іюня 1787 г.

Получа изъ Константинополя обыкновеннаго курьера, имѣю честь при семъ всепокорнѣйше представить в. с. привезенныя съ нимъ доношенія надворнаго совѣтника Пизанія и секретаря посольства Яковлева. Изъ оныхъ изволите усмотрѣть худое положеніе капитанъ-паши въ Египтѣ, назначеніе новаго командира надъ флотомъ, ежедневныя по дѣламъ нашимъ привязки рейсефендія, отчасу больше умножающіяся, новую заботу Портѣ со стороны Марока, которая, кажется основательна; непріятныя ей вѣсти изъ Босніи и Албаніи, и, наконецъ, послѣднія извѣстія о всѣхъ Турецкихъ пропшествіяхъ и безпорядкахъ. Равномѣрно прилагаю всепокорнѣйшее письмо отъ вицеконсула Селунскаго о Яфскомъ ханѣ Шагингиреѣ, о которомъ и изъ Царяграда ко мнѣ пишутъ, что будто велѣно его отвезти въ ссылку на островъ Родосъ.

Я здѣсь ожидаю курьера съ высочайшими повелѣніями, какъ то

приказано было, по полученіи котораго тотчасъ отправлюсь въ Севастополь и далѣе.

Позвольте мнѣ, св. князь, воспользоваться симъ случаемъ для принесенія вамъ всенижайшей благодарности за всѣ милости, оказанныя мнѣ въ бытность мою при в. с. Оныя никогда не истребятся изъ моей памяти, равно какъ останутся вѣчно въ сердцѣ моемъ.

*

Къ кн. Потемкину. Симферополь, 5 (16) Іюня 1787.

Вчера съ возвратившимся сюда г. губернаторомъ Каховскимъ удостоился я получить, вмѣстѣ съ высочайшими по дѣламъ наставленіями, знаки монаршей милости, а именно табакерку и позволеніе принять орденъ Бѣлаго Орла. Зная, что сими неожиданными мною отличностями обязанъ я единственно покровительству в. с., принимаю смѣлость принести всепокорнѣйшую благодарность, для изъявленія которой не могу и довольно словъ найти.

Получа теперь всѣ нужныя бумаги, ѣду въ Севастополь и оттуда немедленно отправляюсь въ мой путь. Изъ Константинополя никакихъ новыхъ извѣстій здѣсь я не получалъ.

*

Къ кн. Потемкину. Симферополь, 5 (16) Іюня 1787.

Присланный ко мнѣ въ Константинополь для разныхъ нужныхъ покупокъ Керченской цолнеръ Клефровъ, желая быть полезенъ въ службѣ, перевелъ на Греческій языкъ торговый нашъ съ Портою трактатъ Осмѣливаюсь оной переводъ симъ всенижайше препроводить въ той надеждѣ, что, можетъ быть, в. с. изволите найти за благо повелѣть, по освидѣтельствованіи вѣрности его съ Русскимъ подлинникомъ, напечатать для пользы нашихъ торгующихъ. Оной Клефровъ, человѣкъ молодей, прилежной, воспитанной преосвященнымъ Евгеніемъ, желаетъ предпочтительнѣе нынѣшнему его служенію и, кажется, способности имѣетъ, къ занятію учительскаго мѣста въ Таврическихъ училищахъ, когда оныя откроются, или въ Греческомъ кадетскомъ корпусѣ, почему и осмѣливаюсь при семъ случаѣ о томъ всепокорнѣйше донести.

*

№ 23. Къ кн. Потемкину. Севастополь, 19 (30) Іюня 1787.

Получа изъ Константинополя курьера отъ 1 сего мѣсяца, имѣю честь при семъ всепокорнѣйше представить в. с. привезенныя имъ ко мнѣ два письма отъ перваго драгомана Пизанія и одно отъ секретаря посольства Яковлева, съ его приложеніями. Изъ оныхъ в. с. изволите усмотрѣть, что сумасбродства Турецкаго министерства продолжаются попрежнему и что я лишился послѣдняго въ ономъ добраго человѣка,

служившаго мнѣ подпорою, чрезъ отрѣшеніе кегая-бея Гаири-ефендія. Тамъ все отъ часу идетъ хуже, правосудія добиться нельзя, и придирки ежедневно возобновляются.

Упоминаемый въ письмѣ г. Яковлева планъ сдѣланъ Французскимъ подполковникомъ Брентаномъ (который въ Краковѣ былъ взятъ съ конфератами генераломъ Суворовымъ, а потомъ служилъ въ Турецкой арміи на Дунаѣ и года съ три назадъ опять присланъ изъ Парижа въ Константинополь), сообщенъ ему отъ Польскаго совѣтника Хржановскаго, находящагося въ дружбѣ съ Пр. посл. г. Дицомъ. Оной Брентано, человѣкъ впрочемъ изрядной, не всегда будучи одинаковыхъ мыслей съ своимъ посломъ, немного былъ имъ терпимъ и теперь, думаю, уже возвратился во Францію.

Между привязками рейсефендія наиосновательнѣйшая относится до взятой въ казну соли у одного Трапезонтскаго Грека, а ему данной въ уплату за товары ханомъ Шагинъ-Гиреемъ. Принимаю смѣлость всепокорнѣйше в. с. просить дать повелѣніе г. губернатору Коховскому о удовлетвореніи сего человѣка, который не даетъ покоя самому султану, а можетъ быть и подущается къ тому рейсефендіемъ, дабы въ государя вселить мнѣніе, что съ нашей стороны не могутъ они получить правосудія даже и въ подобныхъ мелочахъ.

Я понынѣ не могъ выѣхать изъ Севастополя за противными вѣтрами. По счастію, дѣламъ въ Константинополѣ отсутствіе мое остановки причинить много не можетъ, ибо оныя и безъ того теперь дѣлаться не могутъ по причинѣ рамазана, который уже въ половинѣ.

*

№ 24. Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 1 (12) Іюля 1787 г.

Не успѣвъ още осмотрѣться по моемъ сюда пріѣздѣ, въ дубликатѣ всеподданнѣйшей моей реляціи и ея приложеніяхъ всепокорнѣйше в. с. представляю тѣ извѣстія, кои были до меня собраны; съ первымъ же курьеромъ надѣюсь быть въ состояніи донести о точномъ здѣшнемъ положеніи. По словамъ другихъ везирь и рейсефендій пребываютъ въ намѣреніи дѣла до крайности довести и войну воспалить, не зная, какъ и чѣмъ оправдаться въ вооруженіяхъ безполезно предпринятыхъ, когда отъ нихъ зависѣло все миролюбно кончить, исполня справедливое требованіе высочайшаго двора. Обстоятельства здѣшнія по прежнему худы, можетъ быть хуже нежели были. Капитанъ-паша въ отчаянномъ положеніи; Магмудъ-паша побиваетъ войска Порты; Бакорою завладѣлъ начальникъ одного сильнаго племени; во многихъ мѣстахъ голодъ, въ другихъ бунты, а здѣсь въ деньгахъ недостатокъ. Все сіе предвѣщаетъ скорой переломъ, но ни въ какомъ случаѣ везирь и рейсефендій не

видятъ для себя спасенія, а потому и предпочитаютъ лучше бѣсноваться, нежели остановить вооруженія и согласиться на мѣры умѣренности.

*

Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 15 (26) Іюля 1787.

Года съ полтора назадъ Мурза-бей, одинъ изъ главнѣйшихъ Египетскихъ беевъ, писалъ ко мнѣ, по прибытіи нашего въ Египтъ консула, что посылаетъ ко мнѣ лошадь съ уборомъ. Лошадь издохла въ Александріи, а уборъ, по причинѣ начавшихся тамъ замѣшательствъ, только на сихъ дняхъ ко мнѣ привезенъ. Находя его не столь богатымъ, сколь страннымъ, осмѣлился я отправить, какъ вещь нѣсколько любопытную, къ в. с., адресовавъ для дальнѣйшаго доставленія ящикъ съ нимъ къ г. контръ-адмиралу гр. Воиновичу въ Севастополь на привезшей меня сюда шкунѣ Измаилъ, а здѣсь всему убору реестръ всепокорнѣйше прилагаю.

*

№ 25. Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 15 (26) Іюля 1787.

Сегодня буду я имѣть требованную рейсефендіемъ конференцію и донесу объ ней хотя кратко еще съ симъ курьеромъ, а между тѣмъ всепокорнѣйше имѣю честь при семъ представить дубликаты всеподданнѣйшихъ реляцій. Послѣ держанія 10 Іюня большого совѣта у муфтія, котораго не можно было никому проникнуть, вдругъ зачали говорить о войнѣ, посылать новые наряды войскъ, переписывать тимары и заиметы, разглашать, будто везирь идетъ на войну и будто султанъ приказалъ подать себѣ вѣдомость, во что стало поднятіе санджакшерифа. Правда, что сіи послѣднія двѣ вѣсти знаю я только отъ одного интернунція, а онъ и прежде сильно увеличивалъ Турецкія пріуготовленія и старался мнѣ всегда стращать. Можетъ быть, конференція обнажитъ причину таковыхъ разглашеній, выдуманныхъ, какъ кажется, подлинно для одного только устрашенія: ибо министерство не знаетъ что̀ дѣлать въ случаѣ, когда вся сволочь, собранная на границѣ и на корабляхъ, начнетъ сюда приходить и по сей причинѣ намѣренъ, сказываютъ, не возвращать флота съ Чернаго моря, а держать его тамъ всю зиму.

На сихъ дняхъ пронеслось, что Бекиръ-паша, не могши съ флотомъ своимъ во время случившейся погоды удержаться въ Чинганскелеси, на Европейскомъ берегу, пустился въ море, и снесло его на Азіатскую сторону въ Генеболь, гдѣ онъ и сталъ на якорѣ.

*

№ 26. Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 16 (27) Іюля 1787.

Всепокорнѣйше имѣю честь приложить реляцію мою о вчерашней конференціи. Содержаніе ея удивитъ в. с., ибо наглость министерства

Турецкаго выходитъ изо всѣхъ предѣловъ, и никто здѣсь тому пособить не можетъ, слѣдовательно все зависитъ отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, кои могутъ свергнуть везиря и его партію. Между тѣмъ опасно, чтобъ на границахъ и особливо около Кинбурна не произошло какой шалости. Ежели предуспѣю я что больше открыть на обѣщанной конференціи, всепокорнѣйше донесу съ нарочнымъ курьеромъ, котораго надѣюсь отправить въ будущій Понедѣльникъ, 19 сего мѣсяца.

*

№ 27. Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 22 Іюля (2) Авг. 1787.

Здѣсь все день ото дня становится хуже, и ниже старанія моихъ помощниковъ не дѣйствуютъ. Везирь всѣ силы напрягаетъ, чтобы скорѣе дѣло довести до явнаго разрыва. Изволите увидѣть в. с. обстоятельно все происходящее изъ реляцій, при семъ всепокорнѣйше приложенныхъ. Стремленіе его и злость удерживаются однимъ только султаномъ, но на твердость его положиться нельзя. Спѣшу симъ отправленіемъ, почитая, что необходимо принять нужныя по границамъ мѣры, и думаю, что первый шумъ начнется отъ Очакова или на берегахъ Тавриды, а можетъ быть и въ обоихъ мѣстахъ вдругъ. Нѣтъ возможности описать безумія везиря и рейсефендія и трусости прочихъ большихъ Турковъ, кои не смѣютъ ни за нихъ, ни противъ нихъ говорить. 1-го Августа отправилъ обыкновеннаго курьера; но опасаюсь, чтобы не пресѣкли у меня наконецъ и сей дороги.

*

№ 28. Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 1 (12) Авг. 1787 года.

Изъ нынѣшнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ доношеній, при семъ всепокорнѣйше приложенныхъ, в. с. изволите усмотрѣть, что по отправленіи моего послѣдняго курьера дѣла нѣсколько здѣсь поправились и духи гораздо поуспокоились; но чѣмъ все кончится, еще отгадать нельзя.

Имѣю честь всепокорнѣйше при семъ приложить записку, содержащую планъ, сдѣланный Французами, который одинъ изъ моихъ пріятелей имѣлъ случай видѣть; сей планъ отданъ министерству тому мѣсяца два назадъ и хотя не одобренъ посломъ, но, кажется, Турки держаться его намѣрены въ случаѣ войны.

* *
*

Къ кн. Потемкину. 29 Іюля 1790.

Не хотѣлъ я безпокоить в. с. изъ Петербурга, пока не окончилось совсѣмъ мое отправленіе *); теперь же, пріѣхавъ въ Москву для учреж-

*) Т. е. посломъ въ Варшаву, на мѣсто переведеннаго въ Стокгольмъ графа Штакельберга. П. Б.

денія домашнихъ моихъ дѣлъ, по всемплостивѣйшему на то дозволенію, осмѣливаюсь начать доношеніе мое принесеніемъ наивсепокорнѣйшей благодарности за милостивое обо мнѣ представленіе. Вслѣдствіе онаго я и всѣ мои бывшіе подчиненные осыпаны щедротами и награжденіями свыше нашихъ заслугъ и претерпѣній. Я уже и безъ того всѣмъ добромъ былъ обязанъ в. с.; а нынѣшнее благотвореніе, не могши болѣе умножить моей искренней привязанности, чинитъ благодарность мою безконечною.

Инструкція, данная мнѣ, соображена съ наставленіемъ, полученнымъ мною отъ в. с.; а вообще велѣно мнѣ держаться предписаній, посланныхъ къ послу гр. Штакельбергу, съ которымъ видѣлся я въ Петербургѣ. Хотя угодно было дать мнѣ дозволеніе не только здѣсь учредить мои дѣла, да и въ деревни заѣхать, но, помня приказаніе в. с. спѣшить пріѣздомъ въ Варшаву, тороплюсь я исполнить сію вашу волю и прямо на сихъ дняхъ ѣду къ моему посту, дабы не потерять времени, котораго много пропало безполезно и въ Петербургѣ, несмотря на всѣ мои старанія и скорость, съ каковою все рѣшимо было въ Царскомъ Селѣ.

Остается мнѣ всенижайше просить васъ, милостивый государь, продолжить ко мнѣ ваше столь необходимо мнѣ нужное покровительство и не оставить своими повелѣніями и наставленіями, ибо одного усердія въ нынѣшнемъ дѣлъ-положеніи довольно быть не можетъ.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 14 (25) Сентября 1790.

Короткость времени не дозволила мнѣ еще много собою изслѣдовать, но что я могъ узнать отъ людей довольно надежныхъ, но для доставленія в. с-ву начертанія, въ какомъ теперь Польша или, справедливѣе, столица ея, находится положеніи, осмѣливаюсь донести.

Всѣ вообще чуждаются Россіи, многіе за скосырство [1]) почитаютъ называться явно ея непріятелями, а намъ преданные таятся и, кажется, не объявятся прежде, нежели мы дѣйствовать начнемъ. Всѣ думали, что я тотчасъ начну шумѣть, а враги того только и ждали, дабы скорѣе виды свои въ дѣйствіе производить. Прусская партія, какъ меня увѣряютъ, гораздо ослабѣла, не видя ничему обѣщанному исполненія. Шведской миръ и забвеніе о Полякахъ въ Рейхенбахѣ [2]) отворяютъ многимъ глаза; но начальникамъ ея трудно перемѣнить поведеніе. Они боятся впасть въ презрѣніе, а можетъ быть подвергнуться и мщенію. Сверхъ

[1]) Слово исчезнувшее изъ употребленія. Хвастовство, фордыбачество. П. Б.

[2]) Гдѣ тогда былъ конгрессъ у Австріи съ Пруссіею. П. Б.

того новые прописки и ухищреніи Пруссаковъ удерживаютъ ихъ въ развращеніи. Послѣ опаго обмана льстятъ ихъ теперь, что они заключатъ выгодно союзъ съ Портою, что сія послѣдняя, сдѣлавъ миръ съ Австрійцами, нападетъ на Россію всѣми силами, что имъ возвратятъ Кіевъ, Бѣлоруссію и пр. По симъ внушеніямъ Поляки обратили съ Австрійскихъ границъ къ нашимъ свои войска. Сказываютъ, что оныхъ собралось тамъ уже 25 тысячъ человѣкъ, а 20 еще готовы; что отсюда отправлено 40 пушекъ, да въ Каменцѣ припасено немало. На сей походъ деньги отсюда выданы тотчасъ и безъ всякаго спора.

Прусской дворъ употребляетъ деньги; въ самомъ дѣлѣ, здѣсь и по провинціямъ больше видно Прусской, нежели Польской монеты. Слышалъ я, что въ Варшавѣ роздано полтораста тысячъ червонцевъ, а какъ всѣ присягали не брать денегъ отъ чужихъ дворовъ, то Прусскія раздавалъ маршалъ Потоцкой. Съ получающихъ, дабы навсегда ихъ связать, берутся расписки. Самому Лукезинію изъ сей суммы подарено 30 или 40 тысячъ червонцевъ. Симъ образомъ они такъ перепутались, что и говорить не смѣютъ, когда ихъ и обманываютъ. Маршалъ Потоцкой заплатилъ недавно долгу 60 т. злотыхъ Русскими полуполтинниками; видно, что ихъ дѣлаютъ въ Пруссіи *).

Король въ дурномъ положеніи: долгу на немъ больше милліона червонныхъ; беретъ онъ, сказываютъ, съ кого и сколько можетъ. Окруженъ Итальянцами, а они теперь большею частью Пруссаки и пріятели Лукезинію. О наслѣдникѣ престола всѣми силами старается, хотя и не имѣетъ надежды оставить корону племяннику; но твердятъ, что король Прусской, желая сдѣлать Полякомъ сына своего Лудовика, обѣщалъ ему оплатить долги, или по меньшей мѣрѣ дать милліонъ червонныхъ. Тоже обѣщаніе носится и о Саксонскомъ курфирстѣ, коего министръ и пріятели сильно суетятся. Здѣсь всѣ такъ разорились, что многіе сеймующіе, не имѣя чего ѣсть, разъѣзжаются и черезъ то оставляютъ все въ рукахъ у тѣхъ, кто живетъ Прусскими деньгами. Слѣдовательно можно думать не безъ основанія, что на деньги всѣ будутъ падки, не исключая и Его Величества. Теперь опасно, чтобы по провинціямъ не подкупали (а къ сему, можетъ быть, уже и мѣры приняты) и не привели на согласіе выбрать тотчасъ наслѣдника. Наши пріятели, кои еще мало ко мнѣ являются, желаютъ, чтобы учиненъ былъ какой-нибудь подвигъ съ нашей стороны въ пользу Польши, за который бы могли они ухватиться, ободрить теряющихъ отвагу и привлечь къ себѣ колеблющихся; а сверхъ того нужны имъ и деньги, безъ коихъ невозможно составить партіи для перевѣса Прусской. Я обо всемъ оном донесъ

*) Вспомнимъ про фальшивые талеры Фридриха II-го. П. Б.

всемилостивѣйшей Государынѣ; о гетманѣ Браницкомъ именно писалъ слѣдующее: «долженъ я отдать справедливость „....образъ своихъ мыслей“ (изъ письма къ Государынѣ отъ 12 (23) Сент.). Вотъ, м. г., все то, о чемъ могу я теперь донести съ нѣкоторымъ основаніемъ. Здѣсь ждутъ нетерпѣливо заключенія союза у Польши съ Портою, и въ семъ случаѣ, даже и благоразумные опасаются, чтобы сумасшедшіе въ первомъ жару не попустились на какую бы наглость. Разбитіе Турецкаго флота, съ которымъ осмѣливаюсь нижайше поздравить, крайне здѣсь непріятно.

*

Секретно.

15 (26) Сентября 1790.

P. S. Маршалъ Сапѣга и мать его начинаютъ слушать правду, и я не отчаяваюсь мало-по-малу довести ихъ до прямой дороги, въ чемъ мнѣ много поможетъ и гетманъ Браницкій. Для нея надобны будутъ, думаю, и деньги, а онъ, сказываютъ, и отъ Пруссаковъ набралъ, что̀ и лучше. Что же касается до маршала Потоцкаго, изъ письма изволили видѣть, какъ онъ запутанъ съ Пруссаками, не говоря уже о злости противъ насъ, которая имъ управляетъ; ибо я не увѣренъ еще ни объ одномъ изъ нихъ здѣсь, кому бы служила правиломъ одна только любовь къ отечеству: у всѣхъ свои личные виды, намѣренія и корысти, а отъ сего-то ничто и не идетъ даже и тогда, когда намъ только вредить хотятъ. Потоцкой по сію пору бѣгаетъ отъ меня, не встрѣчается, не кланяется, хотя и знакомъ былъ. Можетъ быть, боится Лукезинія [1]). Я употреблю всѣ мѣры съ нимъ сблизиться.

Долженъ я предупредить в. с. о слѣдующемъ. Полковникъ Мощинскій сказывалъ мнѣ въ Яссахъ, что посолъ Штакельбергъ неоднократно у него спрашивалъ, что̀ со стороны двора нашего можетъ польстить генерала-артилеріи Потоцкаго [2]) и его жену; что онъ отвѣта на то тогда не давалъ, а теперь мнѣ открывается, что графинѣ Потоцкой было бы лестно имѣть орденъ Св. Екатерины. Я ему отвѣчалъ, что о семъ необходимо нужно изъясниться съ в. с., но за скорымъ моимъ отъѣздомъ и другими дѣлами не успѣлъ я тогда донести. Въ бытность въ Петербургѣ представился мнѣ случай доложить о семъ Государынѣ черезъ гр. А. А. [3]) съ тѣмъ примѣчаніемъ, что̀ теперь дать орденъ принесло бы и дѣламъ и ей больше вреда, нежели пользы, а можно обѣщать, если они продолжатся быть преданы и въ дѣлѣ помогать станутъ, что̀ мнѣ и

---

[1]) Прусскаго посланника въ Варшавѣ. П. Б.

[2]) Это знаменитый Феликсъ (Щенсный)? П. Б.

[3]) Т. е. черезъ графа Безбородку. П. Б.

повелѣно. Безъ сумнѣнія Мощинскій, который, не смотря на всѣ обѣщанія, со мною еще здѣсь не видался, возобновитъ сей вопросъ. Я не учиню употребленія изъ позволенія, а отошлю его къ в. с. и скажу только, что сіе единственно отъ васъ зависитъ.

*

Замыселъ о государственномъ соединеніи Польши съ Пруссіею [1]).

Voici ce que j'ai pu sçavoir (la plus grande partie de ceci) du *colonel*, ce qui assurement forme la base, peut-être même le total, du secret de l'homme à 15 m. pistoles; et quoique la chose paraisse extravagante, cependant il y en a qui l'approuvent, sur tout les *parents du chef*, et *le colonel même.*

Le chef [2]), il y a environ trois semaines, a été dans la maison de la dame votre voisine, où après quelques discours analogues avec circonstances, *il a dit*: que depuis longtemps il lui roulait dans la tête un plan, qui assurément pour la prospérité de la Pologne et sa splendeur était le seul convenable, mais qu'il craignait qu'actuellement il serait difficile et trop tard pour le faire accepter au roi de Prusse, auquel, a-t-il ajouté, on avait manqué et qu'on avait désobligé et pas sçu ménager, tandis qu'il, y a deux ans, ce même roi de Prusse par une certaine inclination adorait les Polonais, leurs façons et leurs usages. Le plan est simple, a-t-il dit. Il s'agirait de faire de notre pays un des premiers royaumes et de plus formidables du monde. L'occasion nous est favorable, puisque la nation veut un successeur au roi. N'avons nous point fait jadis un acte d'union entre la Pologne et la Lithuanie? Pourquoi ne pourrions nous pas faire un acte pareil avec la Prusse, qui est un royaume puissant, rempli d'industrie, de manufactures, de ports, craint et respecté? Quant aux avantages, ils seraient immenses pour toutes les deux nations animées d'un intérêt commun. On aplanirait les difficultés que la nature de la chose pourrait faire naître. Par exemple on ferait un *état convenable à notre maître*, le gouvernement établi par la diète actuelle, et les Pacta Conventa, *que l'on ferait*, seraient à jamais conservés. Le roi de Prusse s'établirait en Pologne. Un tiers de catholiques Polonais ou Lithuaniens occuperait des charges en Prusse. Un tiers des

---

[1]) Это приложеніе къ письму Булгакова печатается съ современнаго списка. Сочинитель намъ неизвѣстенъ; вѣроятно Французъ. Вспомнимъ, что мать сыновей Булгакова была Француженка Имбѣръ, отецъ которой, богатый торговецъ, имѣлъ дѣла съ кн. Потемкинымъ. По времени записка должна быть отнесена ко второй половинѣ 1790 года. П. Б.

[2]) Графъ Игнатій Потоцкій, великій маршалъ Литовскій. П. Б.

Dissidents pourrait réciproquement occuper des charges en Pologne et en Lithuanie. Les Prussiens pourraient occuper des charges dans nos palatinats et districts, de même que les nôtres dans les provinces de la Prusse. Nos terres augmenteraient du double, puisque les Prussiens, alors nos concitoyens, pourraient en acheter. Tous les ports de la Prusse deviendraient les nôtres, ainsi que ses armées, ses trésors, son industrie, ses alliances. On pourrait aussi stipuler des conventions pour les armées et les trésors de la république, pour une administration des impôts. Quelque privilège de plus et de plus de conséquence, qu'on accorderait au roi de Prusse, lui ferait oublier un pouvoir absolu, que son caractère bon et humain abhorre. D'ailleurs il serait plus riche et plus puissant, quoique moins absolu. Il s'obligeroit ensemble avec la nation de recouvrir la Galicie et toutes les autres provinces, qui jadis ont appartenu à la république et qui présentement sont dans les mains de l'Autriche et de la Russie.

Le colonel interrogea le chef, comment pourrait être reglé l'article de la religion par rapport à la personne du roi; il répondit: que si l'on pourrait le persuader à l'union, l'article de la religion serait le moindre des obstacles. Il le questionna sur les moyens d'exécution; il répondit, que pour l'exécution, il fallait la regarder sous deux points de vue, c'est à dire, intérieurement et extérieurement; que, quant à l'intérieur l'occasion de la nomination d'un successeur au roi était la plus opportune, et que la nation, venant à être bien instruite *après* et éclairée par des citoyens prudents, il était plus que sûr, qu'elle connaîtrait ses propres avantages et consentirait de bon coeur. Quant à l'extérieur, que, la chose étant conduite avec beaucoup de secret et circonspection, aucune puissance ne serait en état de s'opposer à la force réelle de la Prusse et de la Pologne unies, capables alors de faire trembler l'Europe entière. Que d'ailleurs il y aurait mille moyens d'endormir ou de contenter la Russie et l'Autriche; que, selon les circonstances, on pourrait ou être l'allié de la Porte, ou la sacrifier et permettre son démembrement; que d'ailleurs l'agrandissement de ces deux puissances ne ferait que les affaiblir, en divisant et éloignant leur forces dans des pays éloignés et stériles, et qu'il viendrait encore plus aisement un temps favorable pour les ruiner et reprendre tout ce qui appartenait à la Pologne et à la Lithuanie. Il détaillait plus au long son plan, quoique, au vrai il ne le communiquait que comme un canevas et une idée, disant toujours, qu'il était persuadé de la difficulté de faire consentir le roi de Prusse. Voilà pour quoi, ajoutait-il, il aurait été de notre intérêt pour bien de raison de ne pas désobliger le roi et son ministère en lui refusant Dantzig et Thorn, qui nous sont au reste inutiles, tandis que lui les aurait mises en état de défense, et

au cas de l'exécution du plan et des obstacles de la part de la Russie, ou de quelqu'autre puissance maritime, Dantzig, dans les mains du roi de Prusse aurait beaucoup décidé pour la chose. Il finit pas répéter, qu' aujourd'hui le roi de Prusse peut-être n'accepterait pas un plan si utile et si glorieux pour la Pologne, en répétant, qu'on avait mal fait de l'avoir désobligé.

Le colonel ajouta, que le chef, lorsqu'il a parlé à la diète pour s'opposer à l'exclusion, que l'on voulait faire des puissances limitrophes à la couronne de la Pologne, s'était dejà malheureusement laissé échaper un mot rélatif à ce plan, qui avait donné bien à penser à quelqu'un de nos concitoyens. Cela m'a donné l'idée de demander au colonel, si le roi était au fait de ce plan; il me répondit: Je n'en sais rien, mais je sais que le roi cherche à finir ses jours tranquillement et content, persuadé déjà qu'aucun de sa famille ne sera passur la trône de Pologne. En outre, ajouta-t-il, quel plus grand bien et profit ne pourrait-il résulter pour son pays?

Voilà tout ce qu'il m'a été possible de savoir, et je vous nomme celui chez lequel j'ai vérifié le plus la chose, afin que de votre côté vous puissiez aussi la suivre, mais avec du ménagement, pour qu'il ne s'apperçoive d'où cela vient, et ne pas les effaroucher, car *l'homme aux roubles* est fort lié avec le colonel et parent de nous tous, et pour tout au monde je ne voudrais pas qu'il me soupçonne avoir été à la piste de son secret, et d'avoir peut-être été l'instrument de faire avorter l'affaire; il pourrait croire, que j'ai voulu profiter seul. A part aussi la fureur du chef.

Actuellement je vais vous communiquer mes observations, qui peut-être pourront vous servir à vous en faire développer de plus sûres et de plus justes.

Le plan paraît extravagant et chimérique au premier abord; mais en portant un oeil attentif sur le caractère du roi de Prusse, sur l'esprit et goût de ce monarque porté et dompté presque par des choses extraordinaires et souvent illusives, sur le caractère de ses favoris, sur le système de rapacité, aussi de son cabinet, sur les inclinations fanfaronnes et violentes de la nation qu'il gouverne, cette réflexion vous fera voir, que de ce côté-là l'objection pourrait être bien faible. Quant aux Polonais, je veux bien que la rage dont est animé le chef contre la Russie, l'aie porté à enfanter un plan extravagant; mais la nation en soi-même est bien capable sans rage d'en enfanter de plus extravagants encore que celui-ci, et dans un moment de fermentation des têtes, de les exécuter par étourderie, irréflexion et ignorance. L'exécution, selon moi, je l'avoue, ne me paraît pas impossible, quoiqu'environnée de

difficultés. Si le secret aurait été gardé, examinant le dehors et regardant sans partialité la situation de l'Europe, je trouve que tout coup extraordinaire et surtout ce qu'on appelle coup de main, est actuellement possible et fait pour la circonstance du temps. La France seule, la malheureuse France peut fournir de quoi contenter les vues de l'Angleterre, de la Hollande et du Danemark, soit aux Indes, soit en Amerique. Les provinces en Europe peuvent contenter les autres puissances tant de l'Allemagne que du Midi: il est toujours doux quand il s'agit de prendre, et bien plus doux lorsque cela ne coûte que peu de peines. A part les vues des souverains, aujourd'hui malheureusement il faut mettre aussi en balance l'esprit que sous le nom de liberté ont pris les peuples de l'Europe. Deux nations indépendantes qui veulent se joindre et n'en faire qu'une seule; un roi, qui descendrait en apparence du trône du despotisme pour monter celui des loix, une nation-frère, qui demande pour chef et se donne à ce roi magnanime, qui quitte de bon gré le pouvoir absolu, que de motifs pour l'exaltation des têtes de l'Europe qtue d'extravagances! Mais aussi que de moyens on en peut tirer pour soutenir ce plan! Et si meme il faudrait se battre, que coûterait à la Prusse le sang d'un million d'habitants de la Pologne et de la Lithuanie? Mais que d'embarras en attendant pour les voisins! Les réflexions même du chef seront à observer, ou la Russie et l'Autriche accepteraient, ou n'accepteroient pas des arrangemens sur les états de la Porte. Si elles les acceptaient, ces mêmes acquisitions pour bien d'années leur seroient sûrement à charge, et ces puissances s'exposeraient aux résultats du chef. Si elles ne les acceptaient pas, il en résulterait une guerre sanglante, et que dirait-on pour motif? Que l'on ne voudrait pas que deux nations libres s'unissent ensemble, que l'on ne voudrait pas purger l'Europe des Turcs, et l'on ne voudrait pas que la balance de l'Europe fût conservée telle, qu'elle était avant l'union. Voilà tout ce que l'on pourrait dire. Mais l'Europe alors ne dirait-elle pas aussi, que la Prusse avait raison lorsqu' elle a sonné le tocsin contre les vues des deux cours qui paraissaient vouloir être les seules prépondérantes en Europe. Réflechissez à ceci. En outre, pour vous convaincre encore plus que l'exécution de ce plan ne serait pas impossible, observez qu'une partie de la Pologne, de la Lithuanie, de la Samogitie et de la Courlande est environnée de corps de trouppes Prussiennes. Faites attention que Riga et la Livonie peuvent être des prétextes pour offusquer les yeux, et que ces trouppes pourront tout d'un coup être au milien du pays et maîtriser, sil le faudrait, les diétines et la diète. Examinez la marche de celle-ci; les constitutions faites à baton rompu, mais où cependant vous trouverez un fil d'approximité au plan. Les mouvements d'insurrection des

bourgeois, les lois que l'on veut porter en faveur des paysans, ne pourraient-ils pas être des préparatifs sourds et éloignés pour s'en servir en cas de besoin et en cas que l'on rencontrait une forte opposition du côté de la noblesse? Enfin, je ne puis pas dire autrement, si non que je trouve, malgré l'extravagance du plan, la possibilité de l'exécution, puisque les circonstances fournissent des moyens en abondance.

Il est inutile que je vous fasse sentir de quelle conséquence son exécution servit pour votre cour. Tous les états Ottomans ne vous dédommageraient pas de la Pologne, d'autant plus unie en corps de nation avec la Prusse. Actuellement que leurs ideés sont connues, il n'y a, selon moi, rien à craindre. Ce même plan, dont je vous ai fait sentir les conséquences et la possibilité dans l'exécution, fournit assez de moyens contre lui. Le meilleur et le plus court serait de le faire ébruiter dans quelques jours, de lui donner le plus grand ridicule, de ne pas négliger cependant d'inspirer une certaine allarme au clergé et aux bigots, mais avant tout ceci, approfondissez de votre côté autant qu'il vous sera possible, la chose. Je vous ai nommé les personnes exprès pour vous faciliter les moyens à cela. Seulement employez des personnes sûres et prudentes par les raisons que je vous ai marqueés plus haut. Peut-être on abandonnera ce plan, peut-être celui en fera éclore d'autres; de ceci je ne vous réponds pas. Peut-être aussi le chef a-t-il voulu sonder le terrain; peut-être ne pensa-t-il qu'au prince Louis de Prusse, pous lequel le frère du chef est beaucoup porté, comme aussi pour la succession: deux points auxquels le colonel est totalement contraire. Enfin, quelle que soit la chose, quelles que soient ses ideés, approfondissez les toujours; car tout ce que je vous mande est sûr et de pleine vérité, et je me flatte qu'alors vous saurez aussi rendre justice à mon zêle respectueux pour tout ce qui régarde les intérêts de votre Auguste Souveraine.

P. S. Comme je n'ai rien épargné pour savoir ceci, et que j'ai rémué tout ce qu'humainement il m'a été possible de remuer, j'ai sçu que l'idée de ce plan était venue au chef sur un projet à peu près semblable qu'il a découvert que N. avait envoyé en Russie à N. N. il y a 14 ou 15 ans, et dont on assure qu'il a en une copie d'un des gens du premier, ce que vous pourrez sçavoir aisement; car, si cela est vrai, N. ne pourra pas avoir oublié un projet semblable.

N'oubliez pas aussi de faire attention à l'assurance qui de nouveau règne dans les actions du chef, et aux menaces au soupé de sa parente. Et quant à la Prusse, rappellez vous la fable de l'Homme et du Cheval.

Переводъ. Вотъ самая большая часть того, что я могъ узнать отъ полковника; тутъ конечно основа, даже, можетъ быть, вся сущность тайны, хра-

нящейся у человѣка въ 15 тысячъ пистолей, и хотя дѣло повидимому сумасбродное, но нѣкоторые его одобряютъ, въ особенности родственники маршала и самъ полковникъ. Недѣли три тому назадъ маршалъ былъ въ домѣ вашей сосѣдки и тамъ, поговоривъ о современныхъ обстоятельствахъ, онъ сказалъ, что уже давно въ головѣ у него мысль, которая конечно одна только пригодна для благосостоянія Польши и ея возвеличенія, но что въ настоящее время, пожалуй, будетъ трудно и слишкомъ поздно склонить Прусскаго короля къ осуществленію оной. Этого короля, прибавилъ онъ, обидѣли и не съумѣли его привлечь къ себѣ, тогда какъ, два года тому назадъ, по извѣстному своему настроенію, онъ очень любилъ Поляковъ, ихъ нравы и образъ жизни. Дѣло просто, сказалъ онъ. Оно клонится къ тому, чтобы страна наша содѣлалась однимъ изъ первыхъ и могущественнѣйшихъ въ мірѣ державъ. Обстоятельства намъ благопріятствуютъ, такъ какъ народъ хочетъ преемника королю. Развѣ не совершилось у насъ нѣкогда соединеніе Польши съ Литвою? Отчего намъ не вступить въ таковое же съ Пруссіею, державою сильною и уважаемою, богатою своею промышленностью, фабриками, пристанями? Польза была бы безмѣрная для обоихъ народовъ, одушевленныхъ общими выгодами. Затрудненія, которыя могутъ возникнуть по сущности дѣла, устранимы. Напр., для государя нашего можно устроить пригодное ему положеніе; учрежденное нынѣшнимъ сеймомъ правленіе и выработанныя ограничительныя условія сохранялись бы навсегда. Король Прусскій жилъ бы въ Польшѣ. Треть Польскихъ или Литовскихъ католиковъ получили бы должности въ Пруссіи; въ свою очередь треть диссидентовъ заняли бы должностныя мѣста въ Польшѣ и Литвѣ. Прусаки могли бы служить въ нашихъ палатинатахъ и уѣздахъ, а наши въ Прусскихъ областяхъ. Наши земли удвоились бы въ цѣнѣ, потому что Прусаки, будучи нашими согражданами, стали бы покупать ихъ. Всѣ пристани Пруссіи сдѣлаются нашими, равно какъ ея войска, казна, ея промышленность и союзы. Можно будетъ также войти въ соглашеніе относительно войскъ и казны республики и учрежденія податей. Королю Прусскому предоставлено будетъ нѣсколько побольше правъ и льготъ, и онъ забудетъ о власти неограниченной, до которой, по своему доброму и человѣколюбивому нраву, онъ вовсе не охотникъ. Къ тому же онъ будетъ богаче и сильнѣе, оть и сократится въ самовластіи. За одно съ народомъ онъ обяжется возвратить Галицію и всѣ другія области, нѣкогда принадлежавшія республикѣ и нынѣ находящіяся въ рукахъ Австріи и Россіи.

Полковникъ спросилъ маршала, какъ можетъ быть разрѣшенъ вопросъ относительно вѣроисповѣданія короля. Тотъ ему сказалъ: лишь бы склонить его къ соединенію, а вѣроисповѣданіе представитъ наименѣе затрудненій. На разспросы, какъ все это сдѣлать, онъ отвѣчалъ, что тутъ надо имѣть въ виду двѣ стороны, внутреннюю и внѣшнюю. Относительно внутренней, дѣлу вполнѣ благопріятствуетъ выборъ преемника королю, и когда потомъ народу благоразумные сограждане хорошо растолкуютъ, въ чемъ суть, то онъ несомнѣнно пойметъ свои прямыя выгоды и согласится охотно. Что̀ касается до стороны внѣшней, то лишь бы вести дѣло тайно и осторожно,

ни одна держава не въ силахъ будетъ воспротивиться наличной силѣ Пруссіи и Польши, которыя, соединившись, будутъ страшны всей Европѣ. Впрочемъ есть тысячи способовъ усыпить или удовольствовать Россію и Австрію. Смотря по обстоятельствамъ, можно либо вступить въ союзъ съ Портою, либо пожертвовать ею и допустить ея раздробленіе. Оба эти государства ослабѣютъ отъ своего распространенія, будучи поставлены въ необходимость раздѣлять свои силы и держать ихъ въ земляхъ отдаленныхъ и безплодныхъ, и тогда еще скорѣе наступитъ время для ихъ погубленія и для возвращенія всего того, что̀ принадлежало Польшѣ и Литвѣ. Онъ входилъ въ подробности, но собственно сообщалъ только одну рамку и главную мысль, повторяя, что по его мнѣнію трудно получить согласіе Прусскаго короля. Вотъ почему, твердилъ онъ, намъ слѣдовало для нашего блага не огорчать короля и его министерство отказомъ уступить Данцигъ и Торнъ, которые для насъ безполезны, тогда какъ онъ привелъ бы ихъ въ положеніе оборонительное, а въ случаѣ удачи соединенія и препятствій со стороны Россіи или какой другой морской державы, Данцигъ въ рукахъ Прусскаго короля имѣлъ бы значеніе рѣшающее. Въ заключеніе онъ сказалъ, что теперь король Прусскій, можетъ быть, и не рѣшится на дѣло столь полезное и славное для Польши, и что сдѣлали худо, не согласившись на его домогательство.

Полковникъ прибавилъ, что, по несчастію, когда на сеймѣ хотѣли постановить, чтобы корона Польская не доставалась никому происходящему изъ державъ сосѣднихъ, маршалъ, воспротивившись этому, уже проговорился неосторожнымъ намекомъ о своей мысли и тѣмъ заставилъ задуматься нѣкоторыхъ согражданъ. Тогда мнѣ пришло въ голову спросить полковника, извѣстна ли королю эта мысль. Не знаю, отвѣчалъ онъ, но знаю, что королю хочется кончить дни свои въ спокойствіи и довольствѣ и онъ уже пришелъ къ убѣжденію, что на престолѣ Польскомъ не будетъ никого изъ его родныхъ. Да развѣ что-либо лучшаго и выгоднѣйшаго можетъ произойти для его страны?

Вотъ все, что̀ я могъ узнать, и я вамъ называю человѣка, у котораго я тщательно провѣрилъ изложенное, для того, чтобы съ вашей стороны вы могли слѣдить за дѣломъ, но съ осторожностью, дабы онъ не догадался, откуда оно идетъ и чтобы ихъ не раздражить; ибо *рублевый господинъ* весьма друженъ съ полковникомъ и всѣмъ намъ родня, а я ни за что на свѣтѣ не желалъ бы, чтобы онъ меня заподозрѣлъ въ выпѣдываніи его тайны и, можетъ быть, послужилъ неуспѣху дѣла; онъ, пожалуй, вообразитъ, что я хотѣлъ одинъ воспользоваться плодами. Не говорю уже о негодованіи маршала.

Теперь сообщу я вамъ мои замѣчанія, которыя, можетъ быть, послужатъ вамъ сдѣлать выводы наиболѣе точныя и вѣрныя.

На первый взглядъ мысль кажется сумасбродною и химерическою; но обратите вниманіе на характеръ Прусскаго короля, на умоначертаніе и вкусы этого государя, охотника до вещей необыкновенныхъ и не рѣдко мечтательныхъ, почти одержимаго ими, на характеръ его любимцевъ, на его и его кабинета повадки къ алчности, на хвастливость и насильственность народа,

которымъ онъ управляетъ, и вы поймете, что съ этой стороны сумасбродный замыселъ до нѣкоторой степени основателенъ. Что до Поляковъ, то мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ былъ вызванъ ненавистью, которую маршалъ питаетъ къ Россіи; но и безъ того самъ народъ весьма способенъ къ замысламъ еще болѣе сумасброднымъ, а по своему пустозвонству и невѣжеству и къ приведенію ихъ въ исполненіе, какъ скоро замутятся головы. Признаюсь, мнѣ дѣло не представляется невозможнымъ, если вести его въ тайнѣ хотя и сопряжено съ затрудненіями. Глядя безпристрастно на положеніе Европы, я думаю, что всякая чрезвычайность и особенно то, что называютъ взрывомъ (coup de main), въ настоящую минуту возможна и будутъ современна. Одна Франція, несчастная Франція можетъ доставить чѣмъ поживиться Англіи, Голландіи Даніи, и въ Индіи, и въ Америкѣ. Другія державы, Германія и южныя, удовольствуются ея Европейскими владѣніями: завладѣвать всегда пріятно, а еще пріятнѣе, коль скоро завладѣніе не особенно трудно, помимо намѣреній государей. По несчастію, въ наши дни надобно считаться съ мятежнымъ духомъ, который, подъ именемъ свободы, распространился въ народахъ Европы. Два независимыя государства хотятъ соединиться и управляться заодно; король, повидимому, мѣняющій самодержавство на подзаконность; народъ-братъ, желающій имѣть главу и обращающійся для того къ этому великодушному королю, который добровольно отказывается отъ деспотической власти: есть отъ чего воспламениться умамъ въ Европѣ. Сколько сумасбродства, но въ тоже время сколько возможностей осуществиться замыслу! И даже, если придется воевать, развѣ Пруссіи сколько нибудь дорога кровь, пролитая милліонами жителей Польши и Литвы? Но между тѣмъ сколько затрудненій для сосѣдей! Обратите вниманіе на разсужденія маршала. Россія и Австріа займутъ или не займутъ владѣнія Порты. Если займутъ, то самыя эти пріобрѣтенія на много лѣтъ окажутся имъ въ тягость, и тѣмъ самымъ замыселъ приблизится къ осуществленію. Если же не займутъ, начнется кровопролитная война, и поводами къ ней объявятъ то, что не допустили соединенія двухъ свободныхъ народовъ, что не захотѣли очистить Европу отъ Турокъ, не захотѣли сохранить Европейскаго равновѣсія, каковое было до соединенія. Вотъ что могутъ сказать. Также и Европа скажетъ, что Пруссія справедливо забила набатъ противъ намѣреній двухъ императорскихъ дворовъ, захотѣвшихъ исключительно преобладать въ Европѣ. Подумайте объ этомъ. Чтобы еще болѣе убѣдить васъ въ возможности осуществленія замысла, обращу ваше вниманіе, что части Польши, Литвы, Самогитіи и Курляндіи окружены Прусскими войсками. Рига и Лифляндія могутъ послужить предлогами для отвода глазъ, и эти же войска могутъ внезапно очутиться въ срединѣ Польши и обуздать, буде окажется нужно, и сеймики и сеймъ. Замѣтьте, что на нихъ дѣлается: конституціи сочиняются безъ оглядки, и однако съ чертами, способствующими замыслу маршала. Предначертанные законы въ пользу крестьянъ не выдутъ ли тайною подготовкою къ тому, чтобъ воспользоваться крестьянами въ случаѣ нужды и когда придется противодѣйствовать дворянству? Словомъ, я утверждаю, что какъ ни сумасброденъ замыселъ, онъ исполнимъ, благодаря многимъ обстоя-

тельствамъ, которыя ему пособствуютъ. Нечего вамъ представлять, какія могутъ оказаться послѣдствія для вашего двора. Всѣ Оттоманскія области не имѣли бы для васъ такого значенія, какъ Польша, особливо соединенная воедино съ Пруссіею. Теперь, когда мысли ихъ извѣстны, опасаться чего либо, по моему, не слѣдуетъ. Самый замыселъ, возможность исполненія котораго и послѣдствія показалъ я вамъ, даетъ противъ себѣ средства. Наилучшимъ и самымъ короткимъ было бы разгласить его въ нѣсколько дней, выставить его въ самомъ смѣшномъ видѣ, не забывъ поднять тревогу въ духовенствѣ и у людей набожныхъ; но прежде всего сами вы, сколько возможно болѣе, познакомьтесь съ нимъ. Въ облегченіе ваше я вамъ назвалъ участниковъ. Только, по причинѣ выше изложенной, дѣйствуйте черезъ людей надежныхъ и благоразумныхъ. Можетъ быть, замыселъ этотъ будетъ брошенъ, можетъ быть изъ него возникнутъ другіе; за это я вамъ не отвѣчаю. Можетъ быть также, что маршалъ захотѣлъ попробовать; можетъ быть, у него въ виду только принцъ Людвигъ Прусскій, къ которому очень приверженъ братъ маршала, какъ и къ наслѣдству, а тому и другому совершенно противенъ полковникъ. Наконецъ, какъ бы то ни было, каковы бы ни были мысли, вдумайтесь въ нихъ, ибо все, что̀ я вамъ сообщаю, вѣрно и полно истины. Я же надѣюсь, что тогда вы воздадите справедливость моему почтительному усердію ко всему, что̀ касается выгодъ вашей Августѣйшей Государыни.

P. S. Я ничего не щадилъ для развѣдокъ, разузналъ и разыскивалъ сколько по человѣчеству было возможно, и узналъ, что маршалъ возымѣлъ свой замыселъ на основаніи одной найденной имъ записки похожаго содержанія, которую лѣтъ 14 или 15 тому назадъ N. посылалъ въ Россію къ N.N.; списокъ съ нея, какъ увѣряютъ, нашелся у одного изъ людей перваго. Вамъ легко узнать, такъ какъ, если это правда, N. не могъ позабыть про подобную записку.

Не позабудьте также обратить вниманіе на то, что маршалъ снова обнаруживаетъ увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ и на угрозы за ужиномъ у его родственницы. Касательно же Пруссіи, припомните басню про Человѣка и Лошадь.

*

Секретно.

25 Сентября (6 Октября) 1790.

P. S. Князь Жозефъ Понятовскій, командующій Польскими войсками къ нашей границѣ, представилъ сюда, что онъ нашелъ способъ имѣть при в. с. шпіона, чрезъ котораго въ состояніи открывать всѣ ваши предпріятія и намѣренія, и требовалъ денегъ. Сему крайне здѣсь обрадовались, велѣли скарбовой комиссіи отпустить насчетъ войсковой восемь тысячъ червонныхъ, и деньги отправлены къ Понятовскому въ прошлое Воскресенье. Ежели не употребленъ сей вымыселъ для выманки денегъ на что-нибудь другое, сожалѣю я о ихъ легковѣрности. Несмотря на великую тайну, узналъ я тотчасъ о дѣлѣ, но никакъ про-

вѣдать не могъ, кто бъ былъ сей шпіонъ. Король, можетъ быть, о немъ знаетъ, но другому никому еще неизвѣстно. Стану добиваться всячески, а по суммѣ надлежитъ заключить, что онъ не изъ мелкихъ людей, и конечно имѣетъ вольный доступъ къ в. с.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 25 Сентября (6 Октября) 1790.

Дѣла здѣсь весьма запутываются. Прусская партія забрела такъ далеко, что не знаетъ, какъ и развязаться, а составлена она большею частію изъ Барскихъ конфедератовъ или людей, напоенныхъ тѣми же мыслями; теперь всѣми силами старается продолжить сеймъ на цѣлый годъ и далѣе, ежели будетъ нужда, надѣясь и принимая мѣры, чтобы нынѣшніе послы были подтверждены, а не новые выбраны, ибо въ послѣднемъ случаѣ выпустила бы изъ рукъ своихъ власть и, можетъ быть, подверглась бы разнымъ непріятностямъ. Но теперь наступаетъ дѣло гораздо важнѣе, а именно выборъ новаго короля. Сеймики назначены 5 (16) Ноября; на нихъ народъ рѣшитъ, выбрать ли наслѣдника и рѣшится безсумнѣнно на выборъ, ежели не помѣшаетъ тому противная партія, то есть наша, которой еще нѣтъ. Сверхъ того предложенъ Саксонской курфирстъ. Это пріятно народу; но я думаю, что сіе служитъ только маскою, а будутъ стараться выбрать сына Прусскаго короля Лудовика. Здѣсь ропщутъ уже на Саксонскаго министра, что онъ не радѣетъ объ интересахъ своего государя, то есть что не даетъ никому денегъ. Ежели выборъ исполнится, Польша для насъ потеряна, и добронамѣренные даже говорятъ, что когда мы ничего не начинаемъ, то лучше имъ пристать къ самой партіи, дабы для переду спасти себя и свое имѣніе. Что̀ теперь отвратить можно пятьюдесятью тысячами червонныхъ, того послѣ милліономъ и безъ войны не передѣлаешь. Надобно намъ имѣть на своей сторонѣ шестнадцать или хотя двѣнадцать сеймиковъ, конхъ инструкціи сдѣлаютъ перевѣсъ, составляя больше четверти въ числѣ всѣхъ сеймиковъ. Гетманъ Браницкій беретъ на себя Кіевское и Волынское воеводства. Отвѣчаетъ онъ также за воеводу Сирадскаго, Валевскаго, за еп. Кочановскаго. Надобно будетъ призвать примаса, еп. Виленскаго, маршала Рачинскаго, вице-канцлера Хрептовича (коп всѣ разъѣхались), а особливо воеводу Русскаго Потоцкаго. Я повторяю, что время очень коротко и буду ожидать, что̀ изволите приказать. Здѣсь теперь начинаютъ образумливаться, но не знаютъ еще что дѣлать; боятся, чтобы мы не стали мстить, въ чемъ я ихъ успокаиваю. Всѣмъ таковымъ хочется, чтобы съ нашей стороны учинена была какая декларація въ пользу Польши, что̀ еще рано, но всего по-

лезнѣе деньги. Многимъ нечего ѣсть, и можно таковыхъ подъ рукою и подъ разными предлогами ссужать, дарить и снабжать. Маршалъ Потоцкой начинаетъ быть обходительнѣе, но трудно его поставить на истинный путь; можетъ быть, со временемъ поисправится и онъ. Маршалъ конфедераціи Сапѣга перемѣняетъ поведеніе, день ото дня становится лучше, а мать его почти уже готова бросить Пруссаковъ. Для нея также всего нужнѣе деньги. Всего важнѣе имѣть на нашей сторонѣ короля: о семъ должно всячески стараться. Примасъ и Хрептовичъ могутъ въ томъ помочь. Первый разгонитъ Итальянцевъ, кои всѣ Пруссаки и водятъ короля какъ хотятъ. Онъ состарѣлся, ослабѣлъ, наскучилъ, а они толкуютъ ему, какъ слышно, чтобы онъ по выборѣ наслѣдника сдалъ ему правленіе и поѣхалъ отдохнуть въ Италію, гдѣ лучше здѣшняго жить будетъ той пенсіей, которую дастъ ему новый король. Я уже доносилъ, что изъ Берлина обѣщаютъ заплатить его долги, коихъ больше милліона червонцевъ, ежели выберется Прусской принцъ; тоже самое можетъ ему дать и Саксонской курфирстъ, ежели бъ взялъ верхъ. Король перебивается деньгами какъ можетъ. Дорого и не за что дать ему милліонъ червонныхъ, но давать по часту и по немногу, обѣщая и впредъ не оставить, было бы весьма полезно и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ удержало бы его отъ многихъ вредныхъ намъ сеймовыхъ учрежденій. Онъ на все соглашается, какъ ребенокъ и кажется оправдываетъ мнѣніе, что хочетъ все бросить и уѣхать, лишь бы дали чѣмъ жить. Со мною еще очень холоденъ и объ дѣлахъ не говоритъ. Засѣданія на сеймѣ продолжаются цѣлый день; ассамблей нигдѣ нѣтъ, ибо всѣ устали, даже по Воскресеньямъ нѣтъ съѣзда у двора. Сіе причиною, что рѣдко его видѣть можно.

Больше теперь донести ничего не имѣю, а буду ожидать повелѣній вашей свѣтлости. О содержащемся въ семъ письмѣ не писалъ я въ Петербургъ въ той мысли, что ежели изволите найтить что изъ сказаннаго мною нужнымъ, мнѣніе свое туда представите, а инаково могла бы выйти какая-нибудь несообразимость въ принимаемыхъ мѣрахъ.

Нехудо, ежели бы постарались у насъ о смѣнѣ Шведскаго здѣсь министра Енгестрома. Благопристойность, ежели не дружба, не позволяетъ его здѣсь оставить. Поведеніе его противъ насъ было столь скаредно, злость столь неограниченна, что не отъ него зависитъ говорить теперь противно прежнему. Онъ даже выпускалъ печатныя сочиненія противъ самой Государыни, достойныя послѣдняго наказанія. „На сихъ дняхъ женился онъ здѣсь на одной Полькѣ» *).

*

*) Поставленныя въ кавычки слова были въ подлинникѣ зачеркнуты. П. Б.

Секретно.

Къ кн. Потемкину. Отъ 12 (23) Окт. 1720.

Nous sommes bien loin de ce qu'a cru le trésorier Dziekonsky au sujet du chef. Pas plus tard qu'hier, il a dit: que plutôt il veut que toute sa famille périsse et que le pays soit à feu et à sang, que de voir que de son vivant non seulement l'influence Russe réprenne, mais même qu'il puisse rester à cette puissance le moindre espoir. Son plan est la chose qui lui tient à coeur; et à quelqu'un qui lui à parlé du prince Louis, il a répondu, qu'il sera assez bien dans ses affaires lorsqu'il sera l'électeur de Brandebourg et seigneur d'une demi - douzaine de fiefs souverains. Il ajouta: il n'y d'autre moyen pour faire perdre en Europe toute l'influence à la Russie et préparer sa destruction, que de faire une seule nation de la Polonaisse et de la Prussienne. Il a fait voir un avis, qu'il avait réçu par lequel on lui faisait savoir que la Grande Dame [1]) voulait à l'occasion de la nouvelle nomination d'un roi en Pologne, faire proposer le prince N. N. [2]), s'obligeant à joindre la Vallachie et la Moldavie à la Pologne. En parlant du général d'artillerie, il a dit: qu'il y a un moyen et qu'il espère par ce moyen de le faire révenir de sa prévention. Il n'a pas plus paru si persuadé, ou fait semblant de l'être, sur les difficultés et refus du roi des Prusse; au contraire, il a paru plutôt sûr de son fait; ainsi vous voyez, qu'il n'y a rien a négliger ou a mépriser sur l'article de son plan. Ce qui à présent l'intéresse, est de changer les commissaires du trèsore de Lithuanie; voilà une des choses qu'il prétend lui être nécessaire. Il faut qu'il aye ses raisons, car il intrigue beaucoup, et aussi en peu de jours on passera à l'examen du trésor de Lithuanie [3]).

---

[1]) Т. е. Екатерина. П. Б.

[2]) Т. е. князя Потемкина. П. Б.

[3]) Относительно маршала мы весьма далеки отъ того, о чемъ думалъ казначей Дзеконскій. Недалѣе какъ вчера онъ говорилъ, что для него легче гибель всего семейства его и опустошеніе Польши огнемъ и мечемъ, чѣмъ не только возобновленіе Русскаго значенія, но и слабѣйшая возможность онаго. Онъ носится съ своимъ планомъ и когда кто-то ему сказалъ о принцѣ Людовикѣ, онъ отвѣчалъ, что дѣла его пойдутъ довольно хорошо, когда онъ будетъ Бранденбургскимъ курфирстомъ и станетъ владѣть полдюжиною самостоятельныхъ помѣстій. Другаго нѣтъ средства, прибавилъ онъ, положить конецъ всему Русскому значенію въ Европѣ и пріуготовить ея паденіе, какъ связать во едино населенія Польши и Пруссіи. Онъ предъявлялъ полученное имъ извѣстіе о томъ, что Великая Женщина, по случаю выбора новаго Польскаго короля, желала предложить князя N. N., обязуясь за то присоединить къ Польшѣ Молдавію и Валахію. Говоря о

14 Окт. 1790.

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ.

Мнѣніе ваше нахожу я весьма справедливо, чтобъ достать короля на свою сторону. Долги его платить Россіи тяжеловато, но можно сыскать способъ, что нація, разложа на термины, заплатитъ.

Отвращать выборъ наслѣдника вы должны стараться. За воеводство Волынское я почти отвѣчаю и надѣюсь, что сосѣднія послѣдуютъ. Литву поручить Касаковскому. О деньгахъ я доносилъ, но на всякой случай теперь можете взять отъ Теппера двадцать тысячъ червонныхъ подъ видомъ отправленія ко мнѣ.

Сапѣжинѣ кстати скажите отъ меня поклонъ.

Продолжайте ласкать Потоцкаго маршала. Примасъ былъ бы нуженъ, но какъ его достать изъ Италіи? Браницкаго старайтесь помирить съ королемъ.

На записку вашу о взятыхъ деньгахъ королемъ ради подкупленія при мнѣ довѣреннаго человѣка въ отвѣтъ скажу, что вы знаете, какъ у меня легко узнавать. Я могу сказать, что по сихъ поръ еще и угадать никому не удалось. И такъ его величество денежки выманилъ для себя. При всякомъ случаѣ вы можете увѣрять, что я имѣю высочайшія предписанія соблюдать къ Польшѣ самыя дружественныя расположенія и что отъ насъ они кромѣ добраго ничего ожидать не должны. Я теперь ѣду обозрѣвать посты передовые. Черезъ три дня возвращусь и начну вступать въ зимовыя квартиры.

Съ отличнымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть и пр.
Кн. Потемкинъ Таврическій.

Октября 14 дня 1790 г. Бендеры.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину. 12 (23) Окт. 1790.

Съ подполковникомъ Глазенапомъ отправилъ я къ в. с. обнажающійся планъ маршала Потоцкаго, за которымъ у меня присматриваютъ, а теперь имѣю честь приложить продолженіе сего дѣла, въ которомъ участвуетъ и самъ король. На сихъ дняхъ многіе изъ сеймующихъ,

---

генералѣ артиллеріи, онъ выразился, что есть средство, которымъ можно его разубѣдить и что онъ надѣется на это средство. Относительно препятствій и отказа со стороны Прусскаго короля онъ, повидимому, колеблется, или прикидывается менѣе прежняго убѣжденнымъ, но кажется увѣренъ въ успѣхѣ. И такъ вы видите, что надобно считаться съ его замысломъ. Въ настоящее время занятъ онъ тѣмъ, чтобы перемѣнить комисаровъ казначейства въ Литвѣ, и увѣряетъ, что ему это нужно. Надо думать, что у него тутъ есть виды; ибо онъ весьма проныривъ, и вотъ черезъ нѣсколько дней начнется провѣрка Литовскаго казначейства. (Писано не своеручно. П. Б.).

ѣдучи по домамъ для сеймиковъ, откланивались ему, и онъ напдовѣреннѣйшимъ говорилъ, что кто идетъ противъ сукцессіи престола, идетъ противъ него. Нѣкоторые чинили ему возраженіе, и онъ довольствовался отвѣтствовать, что уже вступилъ въ обязательство (разумѣя Прусскаго короля) и никакъ отстать отъ онаго не можетъ. Одинъ изъ самыхъ старыхъ его друзей Грохольскій, кастелланъ Брацлавскій, представилъ между прочимъ, что онъ, получа корону отъ Государыни, не можетъ отдать ее другому безъ ея согласія, не обнажая своей неблагодарности; что сія корона и выборъ новаго короля будучи обезпечены трактатами съ нею и конституціями, не можетъ онъ всего самъ собою нарушить и что подвергнетъ Польшу всѣмъ несчастіямъ. На сіе онъ вздыхая и почти со слезами сказалъ, что онъ то чувствуетъ, всѣми силами будетъ стараться не допустить, чтобы здѣсь воспослѣдовало что-либо непріятное для Государыни, но что по поводу сукцессіи вошелъ онъ въ такія обязательства, коихъ нарушителемъ и перепадчикомъ быть не можетъ. Въ семъ мѣстѣ приходящіе перервали ихъ разговоръ, но довольно уже и сего для объясненія его мыслей и выведенія слѣдствій, могущихъ произойти изъ столь безумнаго, но важнаго предпріятія.

Тѣ самые, которые видѣли въ маршалѣ Потоцкомъ податливость изъ перемѣненія мыслей, которые утверждали, что онъ скоро исправится, теперь говорятъ, что онъ ихъ обманулъ и, забредши уже такъ далеко, навсегда пребудетъ въ нынѣшнихъ расположеніяхъ, хотя бы то стоило ему всей фамиліи и пагубы Польши, какъ онъ самъ изъяснялся. Со мною онъ обходится учтиво, равно какъ и король, но о дѣлахъ не говорятъ ни слова.

Княгиня Сапѣжина уже дала мнѣ слово, что она готова съ нами дѣйствовать и отвѣчаетъ за своего сына, лишь бы мы польстили чѣмъ Польшу, не трактовали ее какъ прежде, не препятствовали держать положеннаго нынѣ войска. Она чрезвычайно зла на короля и на Штакельберга, и ежели все то правда что̀ мнѣ сказывала о претерпѣнномъ отъ нихъ, то и дивиться нечему. Не спускаетъ также Пруссакамъ. Я ей набилъ въ голову, что нужно помѣшатъ нынѣшнимъ интригантамъ, кои, собравшись на сеймъ въ 20 или 30 только лицахъ, могутъ республику, вольность и ихъ всѣхъ закабалить на вѣки, и слѣдовательно лучше бы всего было, ежели сеймъ теперь лимитованъ былъ. Она за сіе ухватилась, но не знаю, предуспѣетъ-ли; ибо пріемъ ея противъ Пруссаковъ много у нея отнялъ кредита.

Я получилъ на сихъ дняхъ отъ всем. Гос. письмо отъ 25 Сент. Она изволитъ предписывать мнѣ поведеніе, котораго одного я уже и держался, т. е. тихое, скромное и ласковое, дабы привлекать къ себѣ умы, пока нашъ миръ съ Турками заключенъ не будетъ; кто избѣгаетъ обращенія

со мною, начиная отъ короля, за тѣмъ не бѣгать; говорить, что я ни денегъ, ни повелѣнія не имѣю, а самъ я только пассивный смотрѣтель происходящаго и единственно стараюсь о сохраненіи добраго согласія между Россіей и республикою. Государыня довольна расположеніями гр. Браницкаго, приказываетъ сестру его и племянника подкрѣплять въ наступившей перемѣнѣ и образѣ ихъ мыслей. Я благодарю Бога, что по сю пору такъ поступалъ, какъ бы все повелѣнное мнѣ зналъ наперед. Система пріятелей нашихъ есть та, чтобы сдѣлать реконфедеренцію, выдать манифестъ, въ которомъ изъяснится нарушеніе закона и даже акта нынѣшней конфедераціей ею самою. Но боятся къ сему приступить, не имѣя за плечами Россійскаго войска [1]) и денегъ въ карманѣ. Въ самомъ дѣлѣ, имъ въ три дня головы перерубить могутъ. Вотъ все, м. г., что теперь могу я донести. Потоцкой не отступитъ отъ своего плана; король ему содѣйствуетъ; они находятъ себѣ помочниковъ. Всего досаднѣе, что диссиденты противъ насъ. Прусской повѣренной въ дѣлахъ есть племянникъ генер. Гольца, бывшаго маршаломъ диссидентской конфедераціи въ Коронѣ [2]), а посолъ Волковыской Грабовской, племянникъ маршала же конфедераціи Литовской Грабовскаго. Послѣдній говорилъ противъ насъ на сеймѣ страшнымъ образомъ, а теперь разглашаетъ, что когда курфирстъ Саксонской торгуется, то можно взять Прусскаго короля. Они собираются послать депутацію на сеймъ, дабы ихъ правы (ибо гарантія и трактаты съ Россіей уничтожены) были имъ подтверждены отъ республики. Сіи люди, вмѣсто благодарности, похожи на ренегатовъ, кои несравненно злѣе на христіанъ, нежели сами Турки.

Къ кн. Потемкину. 13 (24) Окт. 1790.

P. S. Изъ прежнихъ моихъ всепокорнѣйшихъ доношеній в. с-ть изволили видѣть, что находящійся въ Константинополѣ здѣшній министръ Потоцкой писалъ въ депутацію чужестранныхъ дѣлъ, что онъ трактатъ съ Портою тотчасъ заключитъ, не ожидая отсюда повелѣнія и отвѣта; что онъ такой же патріотъ, какъ и они; что интересы отечества своего знаетъ не меньше ихъ и что потому нѣтъ ему нужды дожидаться ихъ повелѣній и проч. Сіе было причиною разглашенія отъ Потоцкихъ, что трактатъ конечно получится недѣли черезъ двѣ; но скосырской голосъ министра сильно не полюбился депутаціи. Великій канцлеръ коронный Малаховскій склонилъ ее отправить скоропостижно и никому не сказавши повелѣніе къ Потоцкому, чтобы онъ трактата союза не

[1]) Передъ тѣмъ Россія, нуждаясь въ войскахъ на Югѣ и на Сѣверѣ, вызвала свои полки изъ Польскихъ владѣній. П. Б.

[2]) Т. е. въ Польшѣ. П. Б.

заключалъ иначе какъ вмѣстѣ съ трактатомъ торговымъ, и сверхъ того ничего бы съ Портою также не рѣшилъ, не отнесясь напередъ въ депутацію и не получа на то отъ нея повелѣнія. Пакетъ отправленъ съ отъѣхавшимъ въ Вѣну полковникомъ Мощинскимъ къ Польскому министру Воинѣ, а сему велѣно его тотчасъ же и скорѣйшею дорогою отослать въ Константинополь. Я хотя и чинилъ внушенія о вредѣ для Польши подобнаго трактата, но не ожидалъ толикой твердости. Сего еще не довольно. Канцлеръ донесъ о томъ королю, извиняясь, что поведеніе Потоцкаго принудило ихъ скорѣе послать къ нему запрещеніе, и потому не имѣлъ онъ времени доложить напередъ е. в-у. Вмѣсто сердца и неудовольствія король его похвалилъ и сверхъ того прибавилъ, что имѣетъ государственную причину, о которой сказать теперь не можетъ, быть одного съ канцлеромъ мнѣнія; что тотчасъ пошлетъ за княземъ Адамомъ и поручитъ ему сказать маршалу Потоцкому, что онъ самъ на сеймѣ говорить будетъ противъ его сродника и принудитъ отозвать его, ежели онъ продолжитъ поступать противъ здѣшнихъ повелѣній. Желательно, чтобы здѣшнее повелѣніе поспѣло прежде, нежели Потоцкой совершитъ свое сумасбродство. Есть надежда та, что по здѣшнимъ слухамъ Пруссаки, желая, чтобы союзъ Порты съ Польшею черезъ ихъ руки и подъ ихъ медіаціею былъ заключенъ, дѣлаютъ затрудненія и препятствія Потоцкому въ окончаніи его дѣла.

Вчера повѣренный въ дѣлахъ Цесарскій получилъ объявительную грамоту объ избраніи и коронованіи короля Леопольда императоромъ Римскимъ и поднесъ ее королю на ужинѣ у маршала Мнишека, гдѣ угощалась Курляндская герцогиня и гдѣ мы всѣ были.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину. Ноября 1790.

P. S. Посылаемая пьеса *Разговоръ между Солономъ и Кадіемъ* есть сочиненіе епископа Коссаковскаго, который написалъ и другія подобныя, произведшія немалое дѣйствіе; но разговоръ такъ живо представляетъ лицы, что каждый себя узналъ, начиная отъ короля. Интересованные старались угадать автора и думали даже обо мнѣ, но по сію пору не нашли еще, чѣмъ возразить. Я осмѣливаюсь приложить примѣчанія, съ помощью которыхъ в. с. сами, думаю, отдать изволите справедливость автору *Отвѣта на отповѣдь Потоцкому*, сочиненную Колантаемъ и также его пера. *Снятая маска и Сукцессія или Елекція* писаны однимъ мною употребляемымъ человѣкомъ.

Прилагаю еще одну пьесу подъ титуломъ: *Чтожъ-то дѣлается съ нашимъ несчастливымъ отечествомъ?* Приписывается она князю Адаму и маршалу Потоцкому, вмѣстѣ ее сочинявшимъ. Я стараюсь, чтобы и сія

не осталась безъ отвѣта. Дѣло архіерея Слуцкаго, содержащагося подъ карауломъ, думаю, рѣшится хорошо. Король спрашивалъ комиссію его судящую, заклиная правду сказать. Главный его непріятель Залѣсскій отвѣчалъ, что, по совѣсти говоря, не находитъ въ немъ вины. Сіе король заставилъ его повторить при маршалѣ Малаховскомъ, послѣ чего приняли намѣреніе рѣшить дѣло епископа, т. е., разсмотря для формы, выпустить его на волю, ежели новое какое обстоятельство не перемѣнитъ сихъ добрыхъ расположеній.

Сейчасъ получено извѣстіе, что князь Радзивиллъ, воевода Виленскій, умеръ въ Бялой.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, къ № 7.

P. S. Маіоръ Чаплицъ повезъ отвѣтъ отъ маршала Потоцкаго къ Коссаковскому, которой безъ сомнѣнія его показывалъ в. с., коего на всякій случай имѣю честь при семъ приложить переводъ.

Онъ, не смотря на красивыя свои слова, насъ ненавидитъ и можетъ быть до смерти ненавидѣть будетъ за худой пріемъ, учиненный ему, какъ самъ изъяснился своимъ друзьямъ, въ Россіи. Злости его есть множество доказательствъ; но что я теперь открылъ о его намѣреніяхъ, не оставляетъ уже никакого въ томъ сомнѣнія. Приложенная пьеса есть письмо отъ одного изъ нашихъ пріятелей или попросту сказать, шпіоновъ, вчерась писаное къ барону Ашу, ибо ко мнѣ онъ еще не очень имѣетъ довѣренности, пока не вызнаетъ меня короче. Оное письмо стоитъ не только прочтенія, но и уваженія. Предпріятіе Потоцкаго кажется тѣмъ вѣроподобнѣе, что все происходящее здѣсь легко съ нимъ соображается. Не препровождаю я сей бумаги иными разсужденіями, ибо въ ней уже ихъ найтить изволите. Собираніе войскъ Прусскихъ противъ насъ я самъ почитаю только за претекстъ, ежели нѣтъ подлинно какого адскаго противъ насъ съ Англіею, Голландіею и пр. заговора, и я не увѣренъ, чтобы Прусской король объявилъ намъ войну. Дѣлаетъ онъ съ одной стороны, чтобы Турковъ принудить не заключать мира, лаская ихъ, что съ нами драться будетъ и втянетъ въ тоже Польшу, а съ другой легко станется, что вдругъ введетъ свою армію въ Литву дабы принудить выбрать его сына, что уже и составитъ часть плана Потоцкаго. Всему сему конецъ положить можетъ нашъ миръ съ Турками, но можно ли оного въ сихъ обстоятельствахъ скоро ожидать?

Недавно маршалъ Потоцкой съ братомъ своимъ уговаривалъ маршала конфедеранціи князя Сапѣгу, видно, приступить къ ихъ плану, но, находя въ немъ упорство, разсердился и отходя отъ него сказалъ: такъ надобно приняться за Французскій способъ, разумѣя, что надлежитъ

чернь взволновать. Въ самомъ дѣлѣ при мнѣ уже нѣсколько разъ бунтовали работники у разныхъ мастеровъ и усмирены военными командами.

Съ матерью кн. Сапѣги имѣлъ я уже переговоры, и дѣло идетъ на ладъ, но точнаго не могу еще ничего сказать. Я ее уговариваю, толкую. Она начинаетъ бранить Пруссаковъ, жалуется на худой пріемъ сына ея въ Кіевѣ, приписываетъ оный Штакельбергу, а всего въ недѣлю переломать нельзя. Сверхъ того надобны деньги для всѣхъ и рѣшеніе в. с-ти по письму моему отъ 25 (6) Мая.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину. 15 (26 Ноября) 1790.

Замедлилъ я отвѣтомъ на высокопочтеннѣйшее в. с. письмо отъ 14 Окт., полученное мною 4 Ноября, дожидаясь извѣстій, кои бы могли удовлетворить любопытство ваше по здѣшнимъ дѣламъ, и особливо по сеймамъ. О сихъ послѣднихъ доношу особыми письмами. Кажется, идетъ вездѣ довольно хорошо. Повелѣніе в. с. получилъ я поздно, то-есть за три дня до сеймиковъ, а дабы дѣйствовать деньгами, сего времени не довольно бы было и на здѣшній, но не пренебрегъ я однако и безъ денегъ ничего негдѣ. Епископъ Коссаковскій повсюду, гдѣ могъ въ Литвѣ, по нашему желанію, принялъ мѣры и ждетъ теперь отвѣтовъ. Гетманъ Браницкой, который еще изъ Любомля не возвратился, повсюду почти предуспѣлъ, кромѣ Кіевскаго воеводства, и выбралъ рѣзуновъ, противъ коихъ не всѣ посмѣютъ здѣсь спорить. Княгиня Сапѣжина также, надѣюсь, не попусту отсюда поѣхала.—Теперь осмѣлюсь отвѣчать на содержаніе вышесказаннаго повелѣнія отъ 14 Октября. Король не знаетъ, что̀ дѣлаетъ, со мною избѣгаетъ о дѣлахъ говорить, но подсылаемымъ отъ меня, коимъ вѣритъ, оказываетъ отчаяніе: блѣднѣетъ, плачетъ, когда слышитъ, что Россія хочетъ добра Польшѣ, почитаетъ себя погибшимъ, но не говоритъ почему. Видно, что обязательства, данныя имъ и безсумлѣнно на письмѣ, приводятъ его въ сіе отчаяніе. О маршалѣ Потоцкомъ донесу, что я исполняю повелѣнія в. с.; но позвольте мнѣ сказать между тѣмъ, что я знаю,—дай Богъ, чтобы мнѣніе мое не оправдалось!—онъ уже нѣсколько разъ насъ обманулъ. Писалъ къ Государынѣ чрезъ Штакельберга, что на всегда намъ преданъ и станетъ дѣйствовать въ нашу пользу, а недѣлю спустя сдѣлалъ все противное. Послѣ опять сближился съ Штакельбергомъ и надѣлалъ еще хуже. Надежно, что съ новыми послами *) потеряетъ кредитъ. Партію за собою онъ, конечно, не повлечетъ, а безъ нея совершенно будетъ че-

*) Съ новыми участниками сейма? П. Б.

ловѣкъ безполезный. Онъ начинаетъ суетиться. Письмо отъ Коссаковскаго и свой ему отвѣтъ, переведя по фрацузски, отдалъ королю, говоря, что оно отъ Рибаса. Симъ хотѣлъ онъ застращать короля, показывая, что его пщутъ. На сихъ дняхъ получилъ онъ другое преумное отъ Коссаковскаго письмо. Не знаю еще, какое изъ того выйдетъ слѣдствіе. Я повторяю, что не упущу ни малѣйшаго случая его уловить и настроилъ мои пружины, но не вижу большой надежды.—Когда всѣ деньги приму, дамъ кн. Шаховскому расписку, а в. с-ти донесу.—По сю пору курфирстъ Саксонской увѣряетъ, что короны избирательной не хочетъ, а наслѣдственной не приметъ безъ согласія трехъ дворовъ. Я все думаю, что онъ служитъ маскою партіи Прусской, а теперь все стремленіе обращается на Брауншвейгскаго герцога; но ежели король Прусской не введетъ тысячъ пятьдесятъ войска и милліона червонныхъ, мало ему надежды предуспѣть. Я сужу по мыслямъ здѣшнимъ и по извѣстіямъ получаемымъ о сеймикахъ.

Сапѣжина рада будетъ памяти в. с-ти. Надобно правду однако сказать, что она и сынъ ея теряютъ кредитъ съ того времени, какъ она со мною переболталась, но полезна быть можетъ.

Графъ Браницкой не откажется, можетъ быть, примириться съ королемъ, когда сей будетъ пашъ, чего трудно ждать, судя по его слезамъ и горести. Всего однако предвидѣть нельзя. Теперь гетманъ съ нимъ изрядно, по меньшей мѣрѣ нѣтъ между ними ссибокъ и непріятностей. Отважусь ли я утрудить в. с. донесеніемъ еще объ одной особѣ, которая истинно полезнѣе теперь Россіи, нежели ея министры? Графиня Александра Васпльевна столь здѣсь почитается, что тому нѣтъ другого примѣра *). Она одна, о которой никто ничего предосудительнаго выдумать не смѣетъ, и всѣ единогласно говорятъ объ ней хорошо. Мнѣ она такою помощницею и даже покровительницею, что я не нахожу словъ для возданія ей должнаго.

О человѣкѣ, на подкупу котораго взяты здѣсь деньги, не могъ я ничего болѣе провѣдать, ибо князь Жозефъ даже въ письмѣ къ королю его не назвалъ; но деньги, какъ меня потомъ увѣряли, переведены чрезъ одного банкира. Сумнѣнія нѣтъ, что в. с-ть угадаете, но здѣсь повѣрятъ тому, что̀ изъ Украйны напишутъ; ибо надобно что нибудь сплесть, когда деньги взяли.

Съ отправленія послѣдняго курьера накопилъ я много секретныхъ извѣстій, кои при семъ всепокорнѣйше прилагаю. Они не требуютъ дальнѣйшаго объясненія.

*

*) Въ одномъ изъ писемъ къ ней (въ „Архивѣ Князя Воронцова“) Екатерина сравниваетъ Польшу съ соловьемъ, не замѣчающимъ, что надъ нимъ готовая поглотить его жаба. П. Б.

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 26 Ноября (7 Декабря) 1790.

Вчерась получена здѣсь штафета отъ курьера, отправленнаго изъ Константинополя и на дорогѣ занемогшаго, съ письмами отъ Польскаго министра Потоцкаго отъ 13 Ноября. Доноситъ онъ, что съ Портою трактатъ заключилъ и 20 Ноября пошлетъ его съ другимъ курьеромъ уже подписанный. О содержаніи его говоритъ, что онъ есть только оборонительной съ Портою на будущее время и по окончаніи нынѣшней между ею и Россіею войны; но ежели бы Прусскій король объявилъ теперь войну Россіи для интереса Порты, то и Польша должна ему помогать яко находящаяся in casu foederis. Прибавляетъ, что Порта обѣщала ему за сіе заключить также трактатъ торговый съ великими выгодами для Польши, и что онъ его подпишетъ и также пришлетъ.

Когда маршалы Малаховской и Потоцкой о семъ донесли королю, онъ весьма огорчился, говорилъ, что запретилъ Потоцкому заключать трактатъ безъ здѣшняго повелѣнія, что не приметъ его и проч.; но какъ маршалъ Потоцкой истолковалъ, что трактатъ не есть наступительный, а только оборонительной, то онъ удовольствовался сказать: посмотримъ.

По отправленіи сего не могъ я еще обстоятельнѣе развѣдать, но въ самое же то время графъ Герцбергъ прислалъ сюда новую жалобу на онаго дѣлателя трактатовъ Потоцкаго, что онъ ни въ чемъ не хочетъ соглашаться съ Прусскимъ и Англійскимъ министрами въ Константинополѣ и дѣлаетъ все по своей головѣ.

Не препровождаю сихъ новостей донесеніемъ, какое онѣ произведутъ здѣсь дѣйствіе и будутъ ли трактатъ ратификовать, ибо еще того по короткости времени знать нельзя; но ожидать должно, что, получа оной при самомъ открытіи сейма съ новыми послами, противные воспользуются симъ обстоятельствомъ для своихъ видовъ и употребятъ всѣ силы для распаленія головъ и безъ того еще не совсѣмъ охладѣвшихъ.

Станиславъ Потоцкой, посланный въ Вѣну для уговариванія генералъ-артилеріи Потоцкаго и для свиданія съ Лукезинѝемъ, возвратился съ письмами отъ перваго къ королю и къ маршалу Малаховскому, весьма благоразумно и съ твердостію писанными. Сей Станиславъ Потоцкой разсказываетъ, что Цесарь недоволенъ замѣшательствами, кои старались Поляки завести въ Галиціи; а князь Кауницъ изъяснялся, что Цесарь не намѣренъ мѣшаться во внутреннія Польскія дѣла, но желаетъ также, чтобы и никто изъ сосѣдей въ оныхъ участія не бралъ.

Польской въ Вѣнѣ министръ Война жалуется на депутацію чужестранныхъ дѣлъ, которая даетъ ему повелѣнія, несообразныя съ положеніемъ дѣлъ въ Вѣнѣ и послѣ за неисполненіе пишетъ ему выговоры, и намѣренъ просить объ своемъ отзывѣ. Здѣсь уже приготовляютъ на

его мѣсто одного камергера Гутаковскаго, имѣющаго деревни въ Бѣлой Россіи, но дѣйствовавшаго даже и нынѣ письмами на Оршанскомъ сеймикѣ въ угодность и въ пользу противной партіи.

Кончу сіе приложеніемъ извѣстій до нынѣ много собранныхъ.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину. 11 (22) Дек. 1790.

По повелѣніи в. с. отъ 14 Октября принялъ я отъ кригсцалмейстера кн. Шаховскаго двадцать тысячъ червонныхъ Голландскихъ, для употребленія мнѣ предписаннаго. Послѣ удостоился получить высочайшее повелѣніе за собственноручнымъ подписаніемъ, отъ 6 Ноября, и съ приложеніемъ кредитива на пятьдесятъ тысячъ червонныхъ для употребленія на умноженіе прилѣпляющихся къ видамъ нашимъ, даже и по провинціямъ. Въ ономъ же повелѣніи предписано мнѣ принятые отъ в. с. 20000 червонныхъ возвратить въ суммы, вѣдомству вашему принадлежащія. Почему и испрашиваю повелѣнія, куда и какъ прикажете доставить тѣ 20000 червонныхъ. Сожалѣтельно, что все сіе пришло ко мнѣ уже послѣ сеймиковъ; но теперь надобно изворачиваться здѣсь для умноженія нашей партіи.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 11 (22) Декабри 1790.

Все то, что̀ по сей день произошло здѣсь, все то, что̀ могъ я провѣдать касательно до трактата, заключаемаго между Портою и Польшею, содержится въ приложенныхъ при семъ копіяхъ двухъ моихъ писемъ къ е. с. вице-канцлеру, слѣдовательно и безполезно бы было утруждать в. с. повтореніемъ вышесказаннаго; но имѣю честь въ прибавокъ къ тому приложить еще другія извѣстія, собранныя мною съ разныхъ сторонъ и изъ разныхъ писемъ Потоцкаго, еще прежде нежели досталъ копію трактата, и могущія послужить къ объясненію.

Потоцкимъ здѣсь недовольны, равно какъ и Прусскимъ королемъ, къ которому отправляютъ курьера съ запросомъ или больше съ жалобою на Кнобельсдорфа. Я между тѣмъ отворяю глаза кому могу о гибели Польши, которая бы, конечно, послѣдовала ей отъ заключенія сего трактата.

На сеймѣ ничего еще не дѣлается. Партія Потоцкихъ, которой держится и король, боится, что съ новыми послами не управится, боится по получаемымъ извѣстіямъ, чтобы у насъ скоро не воспослѣдовало мира съ Турками и вслѣдствіе того торопиться станетъ окончить дѣла на сеймѣ, а способомъ къ сему почитаетъ назначить делегацію въ маломъ числѣ, которая бы все уложила и принесла на апробацію сейму,

какъ то было въ 1768 и 1773 гг.; но со всѣмъ тѣмъ опасается сама предложить, не будучи вѣрна въ успѣхѣ, а ищетъ, чтобы то вышло отъ другихъ.

Вся почти Польша желаетъ въ короли Саксонскаго курфирста. Министръ его увѣрялъ меня, что старается отвратить отправленіе отъ сейма депутаціи къ его государю и что сей пребываетъ въ прежнихъ мысляхъ, то есть, что не приметъ короны безъ согласія сосѣднихъ державъ.

Имѣю честь приложить особую записку о разныхъ здѣшнихъ слухахъ и происшествіяхъ. Ежедневныя побѣды в. с., о конхъ слухъ сюда доходитъ скорѣе вѣтра, сильно тревожатъ неблагонамѣренныхъ: боятся они мира, съ которымъ владычество ихъ должно кончиться, а между тѣмъ терпѣніемъ и молчаливостью съ нашей стороны выигрывается время и головы прохладѣваютъ, чѣмъ они крайне недовольны.

P. S. При самомъ отправленіи сего курьера получилъ я изъ Константинополя новыя извѣстія, кои всепокорнѣйше прилагаю, равно какъ и другую записку, содержащую новости изъ Вѣны и здѣшнія, сейчасъ до меня дошедшія.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 13 (24) Января 1791.

Всенижайшую приношу благодарность за своеручный апостиль отъ 24 Декабря. Я сдѣлалъ все нужное и полезное употребленіе изъ предписаній в. с. Со мною начинаютъ лучше обходиться послѣ сего извѣстія; но надобно правду сказать, что пока не узнаютъ о заключеніи мира, дѣла пребудутъ въ томъ же положеніи или, можетъ быть, тянуть ихъ станутъ на сеймѣ. Маршалъ Потоцкой робѣетъ, но злость его вся таже. Помогаютъ ему въ распаленіи духа Пруссаки и Англичане, кои льстятъ здѣсь, что весною Прусскій король объявитъ намъ войну, а Англійскій дворъ пошлетъ эскадры въ Балтійское и Черное моря; что Гишпанцы и Датчане къ нимъ пристанутъ; что миръ нашъ со Швеціею не продолжится и прочее тому подобное. Я толкую несообразимость всего онаго; изъясняю, что ежели бы оно и подлинно случилось, то изъ сего выдетъ вредъ только Пруссакамъ, Англичанамъ и Полякамъ, а намъ большого сдѣлать они всѣ не могутъ, ибо мы на все уже готовы, а имъ далеко еще до насъ идти. Пріятели наши въ томъ увѣрены, жалуются только на то, что подобными разглашеніями содержатъ Потоцкіе въ развращеніи здѣшнюю мелочь, и желаютъ, чтобы мы не соглашались на отдачу Гданска и Торуня, думая, что единымъ увѣреніемъ о сохраненіи Польшѣ сихъ городовъ партія наша сильно возрастетъ.

Король обѣщался не допустить заключенія трактата съ Турками. Предписанія Потоцкому даны такія, что и заключить онаго Турки и сами не захотятъ, а подъ приказаніемъ Потоцкому ѣхать на конгрессъ скрывается, по моему мнѣнію, желаніе короля выжить его изъ Константинополя; когда же оттуда выѣдетъ, то легче ему будетъ и совсѣмъ его отозвать. Не смотря на все сіе, ввѣриться королю нельзя. Со мною онъ ласковъ; я съ нимъ часто ужинаю, онъ охотно со мной разговариваетъ, но никогда не зачиналъ о Польскихъ дѣлахъ. Потоцкой часто блѣднѣетъ, когда видитъ меня съ нимъ въ разговорѣ. У него опять съ партіею его возобновилось желаніе ввести здѣсь сукцессію. Они имъ такъ завладѣли, что и онъ ихъ боится. Со временемъ и терпѣніемъ до всего однако дойти можно.

Всепокорнѣйше прилагаю особую записку разнымъ секретнымъ извѣстіямъ, собраннымъ мною по отправленіи послѣдняго курьера.

Г. Кассини выдалъ сочиненіе, при семъ приложенное. Мысль и основаніе въ немъ хороши, но не довольны здѣсь только тѣмъ, что слишкомъ горячо за Россію онъ говоритъ. Осмѣливаюсь такожъ послать появившіяся здѣсь лучшія Польскія сочиненія и, между прочимъ, новую комедію, столько шуму произведшую, хотя и мало значущую.

Сейчасъ я получилъ изъ Лондона письмо отъ 28 (8) Декабря. Увѣдомляютъ, что гр. Огинскій на сихъ дняхъ возвратился въ Гагу. Сказываютъ, что онъ пріѣзжалъ предлагать Лондонскому двору, дабы оный приступилъ къ союзу, заключаемому между Польшею и Турціею, но что въ Лондонѣ отклонили сіе предложеніе.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 10 (21) Февраля 1791.

Стараясь завести для полученія вѣрныхъ извѣстій повсюду надежные каналы (коихъ ниже слѣда не осталось мнѣ послѣ моего предшественника), былъ я столько счастливъ, что между прочимъ нашелъ таковой у самаго маршала Потоцкаго, который тѣмъ важнѣе, что всѣ каверзы дѣлаются отъ него или у него. Хотя еще недавно сдѣлалъ я сіе пріобрѣтеніе и хоть великую осторожность долженъ имѣть, но досталъ я уже многія бумаги, заслуживающія прочтенія и при семъ всепокорнѣйше ихъ прилагаю, а именно: 1) описаніе поведенія его съ начала нынѣшнихъ дѣлъ; 2) инструкція, посланная къ Потоцкому, въ Константинополь отъ 1 Апрѣля прошлаго 1790 г.; 3) выписка изъ новой инструкціи, посланной къ нему же въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго года; 4) копія послѣдняго отъ посланника Потоцкаго на сихъ дняхъ полученія; 5) проектъ артикуловъ торговаго трактата

между Пруссіей и Польшею, сочиненный нынѣ вмѣстѣ Потоцкимъ, Гельсомъ и Піатоліемъ, дабы Поляковъ уловить и склонить къ уступкѣ.

Окончa сіе, долженъ я еще донести в. с., что получилъ странное письмо отъ барона Гибша, которое при семъ прилагаю. Зная его короткую связь съ султаномъ, который при мнѣ еще нѣсколько разъ къ нему присылалъ своихъ любимцевъ спрашивать новостей, когда чужестранные министры обманывали Порту, и требовать объясненій по дѣламъ, я былъ готовъ повѣрить содержанію сего письма, тѣмъ болѣе, что самъ чрезъ него многія внушенія допускалъ до Сераля; въ привязанности его къ намъ никогда сумнѣнія не имѣлъ и что онъ когда и въ гоненіи былъ отъ Юсуфъ-паши за насъ, поведенія своего однако не перемѣнялъ. Но какъ поступокъ его по сю пору ожиданнаго имъ дѣйствія не произвелъ, то и не знаю, что̀ объ немъ думать. В. с. лучше изволите развязать сей узелъ. Можетъ быть, и то, что хорошія намѣренія перемѣнились послѣ; ибо тамъ ничто долго не держится, особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда злодѣи наши не видятъ для себя иного спасенія, какъ въ развращеніи Турковъ. Послѣ отправленія послѣдняго курьера собиралъ я черезъ секретные мои каналы извѣстія и при семъ всепокорнѣйше прилагаю. P. S. Всепокорнѣйше еще прилагаю одну пьесу, а именно письмо аббата Піатоли къ маршалу Потоцкому. Изъ онаго видно новый ихъ планъ. Дѣло идетъ о введеніи сукцессіи трона. Маршалъ Мнишекъ былъ въ деревнѣ и уже сюда пріѣхалъ. Сперва король хотѣлъ послать Піатолія, но теперь уговариваетъ самого Потоцкаго. Не знаю еще, чѣмъ кончится, а и того меньше произведутъ ли какой успѣхъ въ Берлинѣ его интриги. Потоцкій велѣлъ приготовить дорожную карету, сказавъ, что ѣдетъ въ Литву на короткое время, но поѣдетъ въ Берлинъ и Дрезденъ. P. S. Его Польское величество поручилъ мнѣ просить в. с., чтобы маіора Пумана не оставили своимъ покровительствомъ. Онъ къ сему прибавилъ, что уже самъ васъ объ немъ просилъ въ Каневѣ. Прежде короля писала ко мнѣ сестра онаго маіора, баронесса Шутеръ, что онъ служитъ 22 года и нынѣ обойденъ; что потерялъ здоровье и, имѣя жену и дѣтей, желалъ бы быть комендатомъ въ Таганрогѣ, гдѣ надѣется поправить и здоровье и состояніе. Я ее утѣшилъ, что произвожденіе у насъ идетъ по всей арміи, а не по полку и если въ его полкъ помѣщенъ какой посторонній премьеръ-маіоръ, то сіе не значитъ, чтобы онъ былъ обойденъ; что въ Таганрогѣ комендантское мѣсто важно и занимается обыкновенно полковникомъ или генераломъ, а потому огорчаться не можно, ежели брату ея не дадутъ сего мѣста. Прошу всепокорнѣйше однако удостоить меня повелѣніемъ, что̀ въ отвѣтъ сказать королю?

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 11 (22) Февр. 1791.

P. S. Г. Коссаковскій говоритъ здѣсь громко и хорошо о нашихъ арміяхъ, о положеніи дѣлъ и пр.; до того доходило, что за обѣдомъ у короля маршалъ Потоцкой вступился было за Турокъ и за Лукезинія, но онъ его отдѣлалъ такъ, что Потоцкой, не зная, что̀ отвѣчать, всталъ изъ-за стола и ушелъ, извиняясь начатымъ на сеймѣ.... *), на которомъ ему быть надобно. Послѣ сего король ежедневно видается и говоритъ наединѣ съ Коссаковскимъ, а сей меня увѣряетъ, что онъ поссорилъ совершенно его съ Потоцкимъ; но послѣ изъявленій благодарности в. с., послѣ всѣхъ похвалъ, вчерась былъ онъ у меня и, разсказавъ все свое похожденіе въ бытность въ арміи, объявилъ мнѣ въ заключеніе, что, бывъ только волонтеромъ, не почитаетъ себя за Русскаго генерала, ибо о немъ ни приказа не было отдано, ни въ списокъ его не внесли, ни при отпускѣ не назначили срока для возвращенія, ни пашпорта не дали; что впрочемъ хотятъ для него здѣсь сдѣлать въ Литовской арміи новое мѣсто генерала-поручика, но онъ его не приметъ, а будетъ жить дома, не мѣшаясь никакъ въ политическія дѣла. Сколь ни старался онъ прикрывать краснорѣчіемъ и говорить съ униженностью и сожалѣніемъ, что не можетъ служить, но было довольно видно его неудовольствіе. Между прочимъ съ оскорбленіемъ отзывался, что за Килію не дали ему креста и не снизошли на просьбу его быть съ командою при взятіи Измаила. Всѣ оныя причины кажутся мнѣ маловажны, а станется, что или не имѣлъ онъ никогда истиннаго намѣренія остаться въ нашей службѣ, или здѣсь его уже развратили какими обѣщаніями для его многолюдной фамиліи. Со временемъ, можетъ быть, узна̀ю я истину. Письмо отъ него при семъ всепокорнѣйше прилагаю.

*

Къ кн. Потемкину въ С.-Пб., 12 (23) Марта 1791.

Пользуясь проѣзжающимъ изъ Вѣны курьеромъ, имѣю честь всепокорнѣйше представить в. с-ти копію съ письма отъ г. Лукезинія изъ Шистова къ маршалу Потоцкому, которую удалось мнѣ достать. Не хотя курьера задержать больше часа, не имѣю времени пространно донести о происходящемъ здѣсь, а ссылаюсь на заготовленныя мои и съ нимъ отправляемыя доношенія къ е. с. вицеканцлеру, въ которыхъ есть много любопытнаго. Сейчасъ получилъ я короткое изъ Константинополя письмо отъ 10 Февраля, въ которомъ между прочимъ пишутъ ко мнѣ слѣдующее: посолъ Англійскій хвастаетъ, что онъ сдѣлаетъ миръ съ Россіею, а Прус-

*) Не можемъ разобрать одного слова. П. Б.

ской утверждаетъ, что Государыня не инако поступитъ, какъ Императоръ. Польша пойдетъ по слѣдамъ Пруссіи, а между тѣмъ султанъ ожидаетъ отвѣта отъ своего министра изъ Берлина.

*

Къ кн. Потемкину въ С.-Пб., 26 Марта (6 Апрѣля) 1791.

Ссылаясь на доношенія мои къ высоч. двору, на бумаги, особо доставляемыя къ гр. Безбородку, изъ которыхъ в. с. изволите увидѣть всѣ здѣшнія происшествія, не хочу утруждать повтореніемъ, а донесу всепокорнѣйше только о слѣдующемъ.

Не преставалъ я стараться объ обращеніи короля на истинный путь и до того было довелъ, что онъ почти уже обѣщалъ писать къ в. с-ти, чтобы стараніемъ вашимъ возвращены ему были прежнія милость и покровительство всемилостивѣшей Государыни; но все сіе перемѣшалось въ три дни: онъ вдругъ такъ предался Прусской партіи, что безъ воли маршала Потоцкаго ничего не дѣлаетъ.

Я самъ не ожидалъ столько отваги и смѣлости, какъ оказали наши пріятели и особливо канцлеръ Малаховскій, человѣкъ съ природы робкой; но надѣяться должно, что сей первый опытъ умножитъ въ немъ еще больше храбрости, какъ уже то и случилось въ Понѣдельникъ 24 сего мѣсяца. Теперь Прусскіе пріятели пользуются меморіалами г. Беренсдорфа, стараются ими доказать, что Россія не удалена и отъ подѣла Польши и симъ ищутъ очернить и сдѣлать ненавистными въ землѣ нашихъ друзей и насъ самихъ. Всепокорнѣйше прилагаю копіи послѣднихъ писемъ отъ Потоцкаго изъ Константинополя.

*

Къ кн. Потемкину, 12 (23) Апр. 1791.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ изъ Константинополя курьеръ, отправленный отъ Польскаго посланника Потоцкаго, 29 Марта по новому штилю; слѣдовательно, не можетъ быть откуда извѣстій свѣжѣе имъ привезенныхъ. Изъ всѣхъ его депешъ при семъ всепокорнѣйше прилагаю выписку. Съ Польшею ничего еще тамъ заключено не было.

Здѣсь господствующая партія принимаетъ тайное намѣреніе, при начатіи засѣданій 2 Мая, не кончить проэкта о сеймахъ, какъ того порядокъ дѣлъ требуетъ, а заниматься другими дѣлами, въ концѣ же Мая отложить сеймъ на два мѣсяца, но уложа прежде стражу или подъ другимъ какимъ именемъ правительство. Сіе значитъ диктатуру, которою у Потоцкаго голова набита; не хочетъ также выбирать новыхъ скарбовыхъ комиссаровъ, дабы, обѣщая мѣста многимъ, держать всѣхъ въ своей зависимости.

Къ кн. Потемкину, 22 Апр. (3 Мая) 1791.

Спѣшу отправленіемъ сего курьера съ доношеніемъ ко всемилостивѣйшей Государынѣ о нечаянномъ здѣсь происшествіи почти подобномъ на Шведское. Станиславъ вздумалъ быть самодержавнымъ, силою превратилъ корону въ наслѣдственную, выбралъ Саксонскаго курфирста, дочь его и будущаго зятя въ преемники, учредилъ новую форму правленія, и все сіе сдѣлано съ помощію черни. Нечего было дѣлать нашимъ пріятелямъ, и опасно, чтобы они не пострадали. Теперь здѣсь всѣ внѣ себя, и трудно сказать что-либо основательное. Сколь скоро буду въ состояніи, обо всемъ донесу. Наибольшее волнованіе произвели скаредныя доношенія Деболія *). Сіе отправляю въ полночь. Дай Боже, чтобы курьеръ проѣхалъ счастливо.

*

Къ кн. Потемкину, 30 Апр. (11 Мая) 1791.

Съ симъ курьеромъ доношу къ высочайшему двору съ наиподробнѣйшими обстоятельствами все здѣсь случившееся, а потому и не буду утруждать в. с-ь повтореніемъ. Гетманъ Браницкой былъ въ опасности потерять голову и имѣніе и, дабы его спасти, согласились мы съ нимъ, какъ и другіе наши пріятели, коимъ впрочемъ нечего было дѣлать, чтобы они притворились уступая насилію, и даже ввести его въ стражу. Послѣ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ онъ сложить чинъ, когда то будетъ нужно и полезно. Я было его примирилъ съ королемъ, и начали уже звать его въ замокъ на ужины. Маршалъ кн. Сапѣга также нашъ, но всѣмъ имъ нечего дѣлать.

Генерала артиллеріи стараются склонить. Можетъ быть, Станиславъ Потоцкой изъ Берлина поѣдетъ въ Англію его уговаривать. Отъѣздъ его, Голландскаго и Англійскаго посланниковъ, за коими всѣ отправились по просьбѣ короля, заставляетъ подозрѣвать, что ведутся какія интриги съ Прусскимъ королемъ, и вошедшія въ Польшу Пруссія войска едва ли не призваны оттуда, что̀ скоро обнажится.

Чинъ канцлера коронаго предлагалъ король князю Адаму Чарторыскому, а потомъ маршалу Потоцкому, маршальство же Литовское послѣ него князю Адаму; но они не приняли. Ничто еще въ устройство не приходитъ, и на сихъ дняхъ нѣкоторые послы говорили даже дерзкимъ образомъ противъ короля, называя его просто безъ единаго титула Станиславомъ-Августомъ и грозя, что подобныхъ имъ найдется тотчасъ пятьдесятъ тысячъ и пр. Никто не смѣлъ ихъ прервать.

Теперь всѣ смотрятъ, какая будетъ принята резолюція у насъ и у прочихъ сосѣдей; недовольныхъ много, но духъ вольности въ Польшѣ

*) Польскаго въ Петербургѣ посланника. П. Б.

унылъ. Никто не вѣритъ, чтобы разглашеніе о подѣлѣ Польши было основательно; большая часть увѣрена, что Россія къ оному не приступитъ и потому одному желаетъ съ нами сближаться. Я ожидаю повелѣній, какъ мнѣ поступить, а между тѣмъ ободряю, поддерживаю, совѣтую дѣлать манифесты, что̀ и продолжается.

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 24 Сент. (5 Окт.) 1791.

Открываю я здѣсь новые и весьма важные замыслы и почитаю за долгъ предупредить объ оныхъ в. с.

Поведеніе курфирста Саксонскаго заставляетъ здѣсь почитать за дѣло почти невозможное, чтобы онъ приняль Польскую корону безъ желаемыхъ отъ него перемѣнъ въ новой конституціи, а перемѣны имъ требуемыя, яко немогущія исполниться безъ разрушенія оной, только за увертку и политическій отказъ. Мнѣ только извѣстно, что король Польской тайно предупрежденъ отъ самого курфирста, что принятіе короны чинится для него невозможнымъ и что медленность его въ даніи рѣшительнаго отвѣта есть выдумка его для выиграніа времени. Извѣстно мнѣ также, что сіе положеніе дѣлъ причиняетъ королю великую заботу, ибо обманулп народъ, разглася, что все дѣлается съ согласія курфирста и что дабы положить вдругъ конецъ всѣмъ препятствіямъ, король Польской негоцируетъ не чрезъ министровъ Польскихъ, а посторонними людьми у Императора и у Прусскаго короля, дабы они сами согласились и склонили курфирста выдать инфанту за кн. Ст. Понятовскаго. Увѣряли меня, что негоціація идетъ поспѣшно и, можетъ быть, уже кончена. Ежели она удастся, то въ семъ случаѣ планъ короля въ томъ состоитъ, чтобы собрать подъ Варшавою нѣсколько войска (къ чему безъ сумнѣнія употребятъ лагерь кн. Виртембергскаго) и въ назначенный день прокламировать его, Понятовскаго, королемъ Польскимъ и наслѣдникомъ нынѣшняго короля. Сколь ни скрытно сіе производится, предуспѣлъ я проникнуть ихъ тайну. Они сильно торопятся, и ежели пойдетъ на дѣло, надѣятся выборъ кончить скоро и, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, употребя и насилія и всевозможные способы.

Перемѣна въ доведеніи кн. Станислава все сіе также подтверждаетъ. Онъ начинаетъ обходиться ласково со всѣми и давать подъ рукою деньги, дабы составить партію для подкрѣпленія сего проекта. Дѣломъ управляетъ аббатъ Піатоли, и кн. Станиславъ имѣетъ съ нимъ свиданіе послѣ полуночи, хотя оба они живутъ въ замкѣ. Сей Піатоли выговорился на сихъ дняхъ одному своему пріятелю, докучающему испросить одну милость у короля: «Лучше подождать; что̀ нынѣ просятъ у короля яко милость, то черезъ мѣсяцъ будетъ имѣть право отъ

него требовать. Я теперь занимаюсь учиненіемъ ему и фамиліи его такой услуги, каковой ни одинъ человѣкъ ему еще не оказалъ. Терпѣніе на малое время: дѣло мое скоро будетъ сдѣлано, и тогда я ваше сдѣлаю».

Другое намѣреніе не меньше важное вчиняется также въ головы зачинщиковъ революціи. Недовольствуясь тѣмъ, что ежедневно умножаютъ привиллегіи мѣщанъ, дабы имѣть въ нихъ подпору, вздумали они, не уважая могущихъ слѣдствій, въ случаѣ волнованія по воеводствамъ или вступленія чужестранныхъ войскъ въ Польшу для подкрѣпленія противящихся новой конституціи, дать вдругъ неограниченную и Французской подобную вольность всѣмъ крестьянамъ, кои и безъ того уже во многихъ мѣстахъ шевелятся. Сіе легко станется отъ нынѣшняго сейма, на которомъ малое число благонамѣренныхъ не только не въ силахъ воспротивиться, а, напротивъ того, боится и съ основаніемъ, чтобы изъ мщенія и ненависти не назначили ихъ въ жертву распаленнымъ вольностью крестьянамъ, какъ было то случилось 3 Мая съ мѣщанами.

Впрочемъ здѣсь продолжается ферментанція и, несмотря на угрозы, не проходитъ дня на сеймѣ безъ вылазки противъ новой конституціи.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 10 (21) Окт 1791 *).

Въ продолженіе всенижайшаго моего доношенія отъ 24 Сент. о здѣшнихъ замыслахъ, имѣю честь всепокорнѣйше прибавить слѣдующее: 1) Негоціяція въ Вѣнѣ и въ Дрезденѣ по поводу кн. Станислава Понятовскаго кончилась безъ всякаго успѣха. Оба сіи двора нашли ее противною своимъ выгодамъ и интересамъ. Видно, вслѣдствіе сего извѣстія, оной князь началъ говорить, что ѣдетъ въ Италію. 2) Послѣдній способъ у короля будучи сею неудачею отнятъ, опасно, чтобы онъ не пустился на крайность и самъ собою насильно, скоропостижно, съ помощью войскъ, или возмутя крестьянъ вольностью, не выбралъ въ короли одного или другого изъ своихъ племянниковъ; но кажется съ другой стороны, что дождется прежде рѣшенія отъ курфирста, приметъ ли онъ корону или нѣтъ, и сверхъ того уповательно также, что и въ провинціяхъ встрѣтитъ какое сопротивленіе.

---

*) Писано, когда князя Потемкина уже не было въ живыхъ. Вскорѣ Я. И. Булгаковъ замѣненъ былъ графомъ Я. Е. Сиверсомъ и вышелъ въ отставку. П. Б.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

I.

Письмо Цесаревича къ графу И. И. Дибичу, 3 (15) Марта 1828 г., № 103, изъ Варшавы.

Получивъ дополненіе къ высочайшему приказу, отданному въ 17 день прошедшаго Февраля, въ которомъ сказано, что Его Императорское Величество при осмотрѣ 16-го Февраля 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ и ученіи баталіона дворянскаго полка, найдя примѣрный во всѣхъ частяхъ порядокъ, чистоту въ одеждѣ, выправку, отличную осанку, благовидную наружность и знаніе своего дѣла кадетъ и дворянъ, изволилъ объявлять совершенную свою признательность мнѣ и прочимъ г.г. начальникамъ, принимая всегда съ особеннымъ благоговѣніемъ монаршее ко мнѣ благоволеніе и зная въ полной мѣрѣ цѣну онаго, но въ теперешнемъ случаѣ, какъ я по фронтовой части не видалъ кадетъ и дворянъ съ самаго 1817 года, то-есть болѣе десяти лѣтъ, и сіе всѣмъ извѣстно: то таковое монаршее благоволеніе я не могу къ себѣ отнести, какъ мнѣ не принадлежащее. Почему и имѣю честь просить вашего сіятельства всеподданнѣйше доложить Государю Императору, что я прошу повелѣть отмѣнить насчетъ меня вышеозначенный высочайшій приказъ, дорожа всемилостивѣйшимъ Его Императорскаго Величества благоволеніемъ, когда, дѣйствительно, могу оное заслужить, но не желаю, дабы имя мое было упомянуто въ такомъ случаѣ, который не слѣдуетъ отнести ко мнѣ, и о послѣдующемъ почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ.

*

Въ отвѣтномъ письмѣ графъ Дибичъ, 7 Марта 1828 г., № 698, писалъ:

Государь Императоръ, приписывая нынѣшнее отличное состояніе сихъ корпусовъ тому твердому основанію, которое Ваше Императорское Высочество дать имъ изволили, почелъ обязанностію изъявленную въ приказѣ начальникамъ сихъ корпусовъ благодарность отнести также и къ особѣ Вашей, какъ главному виновнику благоустройства сихъ военно-учебныхъ заведеній: ибо Его Величество поставилъ себѣ за правило всегда приписывать успѣхи по какой бы то ни было части тѣмъ именно, кои трудами своими и попечи-

тельностію положили основаніе существующему порядку. По сей причинѣ Его Величество находитъ уже неудобнымъ отмѣнить объявленнаго Вашему Высочеству въ высочайшемъ приказѣ благоволенія; но, какъ Ваше Высочество не желаете принимать изъявленій признательности за устройство и порядокъ въ кадетскихъ корпусахъ, при высочайшихъ смотрахъ замѣчаемые, то впредъ въ подобныхъ случаяхъ, согласно волѣ Вашего Высочества, таковой монаршей благодарности объявляемо уже не будетъ.

*

II.

Всеподданнѣйшее письмо ген.-лейтенанта Иловайскаго 1-го, 27 Іюля 1828 г.

Содѣлавшись жертвою злобы, я лишенъ твоихъ милостей, Государь благодушный. Воля твоя подвергла меня суду по законамъ; сердце твое требуетъ истины; но я уже чувствую надъ собою тяготѣющую руку неправды. Святость намѣреній твоихъ подтвердила законы, предоставляющіе подсудимому всѣ способы къ оправданію; но судъ царей не есть судъ Царя моего, и я къ оправданію своей невинности вижу только одинъ способъ: быть судимымъ тамъ, гдѣ не вполнѣ страшна власть личныхъ моихъ враговъ и гонителей въ видѣ службы. Графъ Чернышевъ мститъ мнѣ за противорѣчія по Донскому Комитету; графъ Гурьевъ, для защищенія поступка отца своего и для избавленія самого себя отъ платежа за него нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей Донскому войску суммы, старался въ томъ винить другихъ, межъ коими и меня; генералъ Богдановичъ по давнишней враждѣ за мою на него взыскательность; а графъ Дибичъ, за мнимое оскорбленіе его всемогущества, тѣмъ, что не чрезъ него получилъ я высочайшее Вашего Императорскаго Величества назначеніе въ 1826 г. по пріѣздѣ моемъ въ столицу въ первый разъ представиться особѣ твоей, Государь милосердный, и симъ случаемъ его безпредѣльное властолюбіе поразилось столь сильно, что онъ въ пылу своего неукротимаго гнѣва не могъ скрыть гибельныхъ для меня своихъ чувствъ и намѣреній, сказавъ: „я уничтожу и тебя, и твоихъ совѣтниковъ!“ И сей убійственный глаголъ угрозы властительнаго вельможи уже совершается: онъ есть источникъ моихъ бѣдствій въ минувшемъ и настоящемъ и указатель будущей участи моей по суду, подъ непосредственнымъ его вліяніемъ: ибо немногіе осмѣлятся исполнить долгъ чести, совѣсти и присяги къ моему оправданію, зная, что сія многомощная особа жаждетъ моей гибели. И вотъ образцы сей истины: слѣдствіе произведено вопреки узаконеннаго порядка во всѣхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ я ни о чемъ не былъ спрашиванъ; свидѣтели были спрашиваны безъ присяги; сами подученные претенденты были приняты въ родѣ свидѣтелей, а личные мои враги составляли собственныя комиссіи при двухъ рабочихъ полкахъ, и вслѣдствіе того меня судятъ и за то, что въ 1825 г. для пріема блаженныя памяти Государя Императора казаки помогли мнѣ очистить и усыпать пескомъ дворъ и садъ. Меня судятъ и за владѣніе

тѣмъ, что я издавна получилъ по наслѣдству или пріобрѣлъ еще до назначенія меня войсковымъ атаманомъ; меня судятъ и за то, что я войску подарилъ изъ моей собственности; меня судятъ даже и за то, что указомъ Правительствующаго Сената въ 1826 г. объявлено мнѣ высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе! Притомъ меня изнуряютъ и переѣздами: сперва я вытребованъ изъ Новочеркасска въ Москву для сужденія при главной квартирѣ 1-й арміи, оттоль отправленъ въ Калугу, потомъ въ Кіевъ, а теперь ѣду въ Тулу, подъ команду младшаго генерала Набокова.

Монархъ правосудный! Удостой внять отчаяннымъ мольбамъ старца, во бранѣхъ за царей и отечество посѣдѣвшаго, а въ преклонности лѣтъ гонимаго мщеніемъ и очерненнаго клеветою сильныхъ, съ пособіемъ ихъ угодниковъ; дозволь по благости своей воспользоваться правомъ избранія мѣста сужденія; повели чрезъ особу не страшающуюся ни явнаго, ни тайнаго мщенія графовъ Дибича и Чернышева и не имѣющую съ ними, какъ и съ прочими моими врагами, никакихъ связей, переслѣдовать дѣло при мнѣ и прочихъ вмѣстѣ со мною подсудимыхъ, и тогда, буде окажется надобность, судить меня подъ непосредственнымъ начальствомъ Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, гдѣ будетъ угодно Его Императорскому Высочеству.

Съ надеждою милосерднаго монаршаго благовоззрѣнія, имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшій Алексѣй Иловайскій.

*

Отзывъ Цесаревича Константина Павловича графу И. И. Дибичу, 7 Октября 1828 г., № 328.

Я имѣлъ честь получить отношеніе вашего сіятельства отъ 26-го прошедшаго Сентября за № 408, при коемъ, по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, прилагая всеподданнѣйшее прошеніе войска Донского ген.-лейт. Иловайскаго 1-го, изволите спрашивать меня: найду-ли я удобнымъ исполнить желаніе его, ген.-лейт. Иловайскаго, чтобъ судъ надъ нимъ произведенъ былъ подъ непосредственнымъ моимъ надзоромъ.

Прося вашего сіятельства повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшую мою благодарность за всемилостивѣйшее вниманіе и довѣріе ко мнѣ, слѣдствіемъ коихъ Государю Императору благоугодно имѣть по сему предмету мое мнѣніе, я имѣю честь изъяснить оное со всею откровенностію и искренностію.

Читая всеподданнѣйшее прошеніе ген.-лейт. Иловайскаго, съ перваго взгляда замѣчаю я укорительныя выраженія противу начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества и управляющаго Военнымъ Мини-

стерствомъ, товарища сего начальника. Всякому позволено объяснять дѣло, приносить жалобы или оправданія и просить о чемъ-либо въ свою пользу, но запрещается прибѣгать къ укоризнамъ, а наипаче, говоря о начальникахъ и лицахъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ Государя Императора; слѣдственно, въ моемъ понятіи, по одному уже сему ген.-лейт. Иловайскій есть виновенъ, не касаясь тѣхъ винъ его, за которыя онъ состоитъ подъ судомъ, ибо я совершенно не знаю, въ чемъ заключается его дѣло и за что онъ судится.

Желаніе ген.-лейт. Иловайскаго, чтобъ судить его подъ моимъ непосредственнымъ надзоромъ, есть обидно для всей Россійской арміи, потому что доказываетъ недовѣрчивость его къ ней и обидно равномѣрно для меня тѣмъ, что въ понятіи его я и состоящія подъ моимъ начальствомъ войска будто бы не принадлежимъ къ общему составу, но составляемъ что-нибудь отдѣльное, тогда какъ, по разуму образованія главнаго штаба Его Императорскаго Величества, и я, и командуемыя мною войска зависятъ отъ одного и того же управленія, какъ и прочія, и исполняютъ въ точности всѣ онаго распоряженія. Въ семъ послѣднемъ предметѣ свидѣтельствуюсь какъ бывшимъ начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества ген.-адъют. княземъ Волконскимъ, такъ и вашимъ сіятельствомъ; да и въ продолженіе тридцатитрехлѣтней службы моей, я вмѣнялъ себѣ въ священную обязанность быть точнымъ исполнителемъ распоряженій начальства и даже горжусь тѣмъ, когда исполню волю его поспѣшнѣе другихъ.

Хотя ген.-лейт. Иловайскій и имѣетъ къ лицу моему довѣріе, но судить его дѣла я самъ не могу, и должно бы составить военный судъ изъ войскъ, подъ начальствомъ моимъ состоящихъ; президъ однако и ассессоры онаго суда были бы изъ лицъ, принадлежащихъ къ однѣмъ и тѣмъ же войскамъ, кои состоятъ подъ управленіемъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества: ибо во всей Россійской арміи нѣтъ ни одного лица, которое бы не зависѣло отъ начальства начальника онаго штаба и товарища его; слѣдственно, желаніе ген.-лейт. Иловайскаго не достигло бы своей цѣли. При томъ въ войскахъ, подъ начальствомъ моимъ состоящихъ, всѣ генералы суть моложе его, Иловайскаго, и для того, если бы учредить изъ нихъ военный надъ нимъ судъ, то въ президы онаго должно бы назначить или командира Литовскаго отдѣльнаго корпуса ген.-адъют. барона Розена 1-го, или начальника главнаго штаба моего генерала отъ инфантеріи графа Куруту, что̀ сдѣлать едва ли допуститъ возможность. За симъ, если бы Государю Императору благоугодно было оказать ген.-лейт. Иловайскому снисхожденіе, въ такомъ случаѣ, по моему мнѣнію, переслѣдованіе и разсмотрѣніе дѣла его можно бы возложить на особую комиссію, изъ Сената составленную: ибо мѣсто, изъ коего была бы она составлена, ни по чему не подчинено управленію главнаго штаба Его Императорскаго Величества.

Въ прочемъ, обращаясь къ лицамъ, на связи коихъ ген.-лейт. Иловайскій жалуется, я долженъ сказать, что вашего сіятельства знаю я съ пору-

чичьяго чина и всегда, по настоящее время, состою съ вами въ одинаковомъ соотношеніи, ежели говорилъ иногда правду, то и выслушивалъ всегда оную, но безъ личностей и безъ непріятностей. Ген.-адъют. графа Чернышева знаю менѣе, нежели вашего сіятельства, графа Гурьева только видѣлъ, а генералъ Богдановичъ вовсе мнѣ незнакомъ.

Изъяснивъ такимъ образомъ мнѣніе мое и повергая оное на высочайше благосоизволеніе Его Императорскаго Величества, я во всякомъ случаѣ поставляю себѣ священнымъ долгомъ исполнять со всею готовностію то, что̀ Государю Императору благоугодно будетъ повелѣть, а не желаніе ген.-лейт. Иловайскаго. При чемъ насчетъ его просьбы непзлишнимъ вахожу присовокупить мое замѣчаніе, что на принесеніе оной въ такомъ смыслѣ, какъ она писана, не имѣла ли вліянія какая постороняя интрига, происходящая по растратѣ войска Донского суммъ? Прошеніе его при семъ къ вашему сіятельству имѣю честь препроводить обратно, прося о послѣдующемъ почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ.

*

Рапортъ графа А. И. Чернышева Цесаревичу Константину Павловичу, 9 Ноября 1828 г., № 1756.

Начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества представилъ Государю Императору подлинный отзывъ Вашего Императорскаго Высочества отъ 7 Октября № 328, послѣдовавшій по всеподданнѣйшему письму войска Донского ген.-лейт. Иловайскаго 1-го о порученіи производящагося надъ нимъ при главной квартирѣ 1-й арміи слѣдствія непосредственному надзору Вашего Императорскаго Высочества.

Его Императорское Величество, по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи сего отзыва, находя какъ основанія, такъ и заключенія онаго совершенно сообразными съ настоящимъ существомъ дѣла и преисполненными правоты и отличительнаго безпристрастія, высочайше повелѣлъ мнѣ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества, что Его Величество столь сильно раздѣляетъ чувства Вашего Высочества, въ семъ отзывѣ изъясненныя, что не можетъ не радоваться, что и въ семъ случаѣ сошелся съ мнѣніемъ Вашего Высочества и что вообще Его Императорскому Величеству благоугодно припять себѣ за правило не отказывать никогда въ просьбахъ прибѣгающихъ къ защитѣ Вашего Императорскаго Высочества, въ томъ убѣжденіи, что лица сіи услышатъ правду отъ Вашего Высочества гораздо сильнѣе, нежели при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ. При чемъ Государь Императоръ соизволилъ повелѣть помянутое мнѣніе Вашего Императорскаго Высочества, поколику можно, сообщить генералу Иловайскому; самое же письмо его приложить къ дѣлу.

*

Двѣ приведенныя записки, имѣющія значеніе исторіографическаго матеріала въ освѣщеніи личности Цесаревича Константина Павловича, характеризуютъ отношенія двухъ братьевъ. Императоръ Николай I всегда видѣлъ въ Цесаревичѣ Константинѣ старшаго брата и пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ подчеркнуть свое къ нему уваженіе. Наоборотъ, Цесаревичъ Константинъ, еще въ царствованіе императора Александра I, сталъ на оппозиціонную сторону и скептически относился къ многимъ военнымъ порядкамъ того времени. Достаточно по этому поводу припомнить его переписку съ Н. М. Сипягинымъ.

Цесаревичъ пишетъ, что онъ десять лѣтъ не видалъ фронтовыхъ кадетскихъ занятій. Да и мудрено ему было поспѣть всюду при многочисленныхъ его должностяхъ. Стоя во главѣ Польскаго войска, или, какъ онъ самъ выражался, во главѣ Русскаго авангарда, Цесаревичъ подписываетъ свои Польскіе военные приказы скромнымъ сравнительно званіемъ генералъ-инспектора кавалеріи; это званіе растворило въ себѣ всѣ прочія, и лично мнѣ, не взирая на непрестанныя архивныя розысканія, не удалось отыскать его подписи съ званіемъ генералъ-адъютанта. Мало того, не удалось установить даже приблизительной даты полученія имъ свитскаго званія. Можетъ быть, кто-либо изъ занимающихся исторіей не откажетъ оповѣстить на страницахъ „Русскаго Архива“ объ установленной имъ датѣ указаннаго пожалованія, каковая имѣетъ значеніе въ Исторіи Государевой Свиты, такъ какъ Цесаревичъ Константинъ былъ первымъ генералъ-адъютантомъ изъ Августѣйшаго дома.

Поразила Цесаревича рѣзкость выраженій въ письмѣ Иловайскаго, не пощадившаго густыхъ красокъ для обрисовки личности всесильнаго П. П. Дибича. Какъ сторонникъ дисциплины, даже, пожалуй, суровой муштры, напоминающей строгость Павловскаго режима, Цесаревичъ не могъ не отнестись отрицательно къ характеру заявленія Иловайскаго, которое не выдерживаетъ требованій дисциплины.

Любопытно, что оба письма Цесаревича не встрѣтили противодѣйствія со стороны Государя, ставившаго интересы службы выше личныхъ отношеній и личныхъ удобствъ, хотя бы послѣднія касались наиболѣе высокопоставленныхъ чиновъ.

Михаилъ Соколовскій.

ДВА ПИСЬМА АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА КЪ К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВУ.

I.

Милостивый государь Константинъ Петровичъ.

Мы встрѣтились съ вами въ первый разъ въ Сергіевой пустынѣ, при общемъ нашемъ говѣніи, и теперь опять встрѣчаемся въ Кіевѣ, колыбели нашего Православія *). И такъ не удивитесь, если первое мое слово къ вамъ будетъ о предметѣ религіозномъ. Мнѣ весьма прискорбно, что несчастіе, постигшее нашего генералъ-губернатора, не дало ему времени переговорить со мною въ назначенный имъ часъ о приготовляемыхъ празднествахъ; гражданскому же губернатору трудно измѣнять то, что̀ было уже однажды предположено его ближайшимъ начальникомъ и принято Государемъ Наслѣдникомъ. Но я, въ этомъ случаѣ, не могу умолчать, зная съ одной стороны мнѣніе о томъ митрополита, а съ другой стороны опасаясь, чтобы несвоевременныя празднества, наканунѣ великихъ торжествъ церковныхъ, не произвели непріятнаго впечатлѣнія.

Мнѣ кажется, что каждое мѣсто на Руси должно имѣть свою характеристическую особенность, и потому мы обязаны предлагать вниманію дорогихъ гостей собственно то, что̀ составляетъ исключительно достояніе наше, по Русской пословицѣ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, оставляя въ сторонѣ все прочее. Что же собственно принадлежитъ нашему Кіеву, отличаетъ поразительно отъ прочихъ городовъ Русскихъ? Это его святыня, древности и мѣстная красота природы; вотъ на что предпочитательно должно быть обращено все вниманіе.

Но къ предполагаемымъ осмотрамъ древности и святыни примѣшаны и свѣтскія увеселенія: театръ и народное гулянье, которыя должны уже стоять на второмъ планѣ. Здѣсь же, напротивъ, народному гулянью близъ Китаевой пустыни должно уступить одно изъ величайшихъ праздествъ Кіевскихъ—торжественная всенощная наканунѣ двунадесятаго праздника Рождества Богородицы, которую служитъ самъ митрополитъ

*) К. П. Побѣдоносцевъ сопровождалъ тогда Великаго Князя Наслѣдника въ его путешествіяхъ. За торжественнымъ обѣдомъ въ Кіевѣ Александръ Александровичъ спросилъ митрополита Арсенія: Кто этотъ Муравьевъ? Какую должность онъ занимаетъ?—Это оберегатель Православія, отвѣчалъ митрополитъ (Слышано отъ М. В. Юзефовича). П. Б.

въ каѳедральномъ соборѣ Софійскомъ, древнѣйшемъ всея Руси. Въ то самое время, когда въ соборѣ и Лаврѣ и во всемъ Кіевѣ будетъ совершаться торжественное богослуженіе, близъ самой той пустыни будутъ народныя пляски и игры, какъ бы во времена до-Владимировы, и потѣшные огни обратнаго шествія по водамъ. Такая несвоевременность не можетъ не произвести тяжкаго впечатлѣнія на благочестивыхъ людей въ Кіевѣ, особенно на духовенство; и я, какъ человѣкъ, преданный церкви и любящій своего Государя, вмѣняю себѣ въ священную обязанность предварить о томъ заблаговременно, сказавъ мое искреннее слово, въ надеждѣ, что вы не посѣтуете за мою откровенность.

Изложивъ передъ вами то, что̀ лежало на моей душѣ, остаюсь съ чувствами совершеннаго почтенія и преданности вашего превосходительства покорнѣйшій слуга А. Муравьевъ.

Кіевъ, 4 Сентября 1869 г.

P. S. Не лучше ли, если позволитъ погода, перенести народное гулянье на первый вечеръ Субботній, менѣе торжественный?

II.

Кіевъ, 1 Декабря 1873.

Благодарю васъ, многоуважаемый Константинъ Петровичъ, за то, что обо мнѣ вспомнили въ день моихъ именинъ. Мнѣ всегда утѣшительно получать отъ васъ письма, хоть это рѣдко случается, а свиданія еще рѣже. Немного отраднаго говорите о Питерѣ; ничего болѣе не могу сказать и о Кіевѣ, потому что вездѣ все одно и тоже. А я сижу себѣ смиренно въ моемъ уголку и стараюсь ничего не видѣть, развѣ только за живое задѣнутъ; да и въ церковномъ отношеніи не принимаю болѣе никакого участія, такъ что даже въ своемъ Символѣ Вѣры замѣнилъ для себя вселенское его выраженіе Вѣрую во единую, соборную церковь, такими словами: «Вѣрую во единую приходскую церковь», и стараюсь ею себя ограничить. Въ прошломъ году, однажды, когда во всемъ разгарѣ бушевала буря Болгарская, я еще искушался писать по этому предмету къ патріарху, но и тутъ было мало пользы: удобнѣе молчаніе. Посылаю вамъ сію брошюру и нѣкоторыя другія, въ томъ числѣ и описаніе моей образно̀й, которую вы нѣкогда посѣтили съ Цесаревичемъ и такъ какъ мы мало съ вами бесѣдуемъ лично и письменно, то пусть, по крайней мѣрѣ, эти книженки послужатъ для взаимной заочной бесѣды нашей, и, можетъ быть, побудятъ васъ когда-нибудь еще ко мнѣ написать. А я, до того времени, поручая себя доброй памяти вашей, остаюсь съ искренней любовью и уваженіемъ душевно преданный вамъ А. Муравьевъ.

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ѲЕДОРОВЪ.

IV. Мыслитель.

7 *).

Убѣдившись въ несостоятельности политическихъ, юридическихъ и гуманистическихъ способовъ возстановленія братскихъ отношеній между людьми, обратимся къ разсмотрѣнію средствъ экономическихъ. Не даромъ-же наше время видитъ въ нихъ наиболѣе могучее и дѣйствительное орудіе для усовершенствованія общественнаго строя. Не даромъ же самыя смѣлыя надежды на будущее связаны именно съ вопросомъ объ экономической реформѣ. Посмотримъ, каковы эти надежды и насколько онѣ основательны.

„Ищите прежде всего матерьяльнаго благосостоянія, а все остальное приложится вамъ!“ Въ этихъ словахъ, высказанныхъ устами „не-знаменитости“, откровенно и рѣшительно воплотился символъ вѣры такъ называемыхъ „дѣловыхъ людей“ нашего времени, исповѣдуемый не только мильонами заурядныхъ честныхъ тружениковъ и алчныхъ бездѣльниковъ, но и многими передовыми вожаками той части „интеллигенціи“, которая считаетъ себя за наиболѣе прогрессивную и радикальную въ вопросѣ о способахъ установленія всеобщаго блага. Царство Золотого Тельца древнѣе всѣхъ существующихъ государствъ, но никогда еще не достигало оно такого развитія, такого всемірнаго величія, какъ въ наши дни.

Въ признаніи за богатствомъ самодержавія согласны всѣ: и поклонники его, и враги. „Характерная черта нашего вѣка состоитъ въ томъ, что это вѣкъ Мамона“, говоритъ соціалистъ Бебель (Die Frau und der Sozialismus. 23 Aufl. Stuttgart. 1894, 259); „расчетъ властвуетъ надъ людьми и предписываетъ большинству ихъ образъ мыслей“ (тамъ-же. XI). Земля и промышленность, пути сообщенія, перемѣны метеорологическія и политическія недо-

*) Выдающееся значеніе, которое за послѣднее время получили политико-экономическіе вопросы вообще и соціализмъ въ особенности, побуждаютъ насъ изложить довольно подробно относящіяся къ этой области убѣжденія Николая Ѳедоровича, при чемъ ихъ обзору пришлось, по необходимости, предпослать сопоставленіе наиболѣе типичныхъ изъ тѣхъ фактовъ и ученій, противъ которыхъ направлена его оригинальная и глубокомысленная полемика.

статокъ и излишество, нищета народной массы и несчастные случаи общественные долги, изобрѣтенія и открытія, здоровье, болѣзнь, смерть и война, все стало предметомъ спекуляціи и эксплуатаціи" (259). Капиталъ, „какъ левъ рыкающій" ищетъ все поглотить (235)... Уже не государство сдерживаетъ биржу, а биржа держитъ въ своихъ рукахъ государственную власть" (260). „Весь міръ должникъ золота", говоритъ одинъ изъ представителей Французской „Христіанской Демократіи"; „банкиръ властвуетъ надъ всѣми правительствами, надъ всѣми народами, надъ всѣми трудящимися. Вотъ оно, вотъ оно во-истину царство золота, владычество золота, обоготвореніе золота!" (Compte rendu du Congrès National de la Démocratie Chrétienne de Lyon. Lyon. 1896, 139), Къ власти надъ нимъ сводится „дѣйствительная, реальная сила парламента въ истинно-парламентарно управляемой странѣ", тогда какъ варіанты формъ правленія сами по себѣ, при наличности этого основного условія, стали довольно безразличными (Das Erfurter Programm erläutert von Kautsky. Stuttgart. 1892. 221).

Съ другой стороны „страхъ передъ нуждою побуждаетъ людей больше всего благоговѣть передъ богатствомъ: стать богатымъ значитъ стать уважаемымъ, достойнымъ удивленія и вліятельнымъ. Итакъ, денегъ, денегъ, добытыхъ, если можно, честно, а если нельзя, то денегъ во что-бы то ни стало! Вотъ урокъ, повторяемый ежедневно и ежечасно обществомъ надъ ушами его членовъ" (Henry George. Progress and Poverty. 106 edit. London 1889, 325). „Азбука денегъ", по авторитетному изреченію Американскаго милліардёра филантропа Карнэджи, „становится для всѣхъ насъ вопросомъ величайшей важности" (And. Carnegie. The Empire of Business. Нѣмец. переводъ Kaufmann's Herrschgewalt. Berlin. 1904, 19), тогда какъ извѣстный Нѣмецкій политическій дѣятель Ласкеръ поясняетъ, что „къ этому вопросу сводится теперь и весь вопросъ объ образованіи и развитіи" (у Бебеля, 321). „Довольно философствовать!" восклицаетъ всесильный финансовый дѣлецъ. „Философія ни къ чему не ведетъ! Добродѣтель, искусство, изящество, величіе, одни слова все это, и безсмысленныя слова! Есть только одна вещь, способная возвеличить и народъ, и учрежденіе, и отдѣльную личность,—деньги!" (Mirbeau. Les affaires sont les affaires. Acte III, sc. 2. Paris 1903. 233—234).

Въ такой оцѣнкѣ власти денегъ съ „стальнымъ королемъ" С. Американскихъ Штатовъ и съ прославленнымъ ораторомъ Германскаго рейхстага сходятся голоса и простыхъ рабочихъ, и крестьянъ. „Капиталъ", говоритъ одинъ изъ передовыхъ Нѣмецкихъ фабричныхъ, „это солнце, отъ котораго теперь все зависитъ: искусство, наука, нравственность и т. д." (Докладъ Rade о „Нравственно-религіозномъ міровоззрѣніи Нѣмецкихъ фабричныхъ рабочихъ" въ Verhandlungen des IX Evangelisch-sozialen Kongresses in Berlin. Göttingen. 1898, 73). Таковъ приговоръ городского рабочаго; таково же убѣжденіе и современнаго селянина: по мнѣнію старательнаго наблюдателя нравовъ Нѣмецкаго крестьянства преобладающая въ немъ страсть есть „алчность къ деньгамъ, жажда обогащенія, овладѣвшая всѣмъ разумомъ, всѣми чувствами, всѣми

стремленіями, настолько, что сердце стало нечувствительно ко всему остальному, окаменѣло или же сдѣлалось воспламенимымъ ко всевозможной неправдѣ и мерзости въ такой степени, что подъ-часъ не знаешь, въ кого эти люди серьёзно вѣруютъ, въ Бога или въ Мамона?“ (Zur bäuerlichen Glaubens und Sittenlehre. Gotha. 1895, 208). Какъ мыслитъ и что̀ чувствуетъ по поводу наживы Французскій крестьянинъ, мы знаемъ по снимкамъ съ натуры въ „Землѣ“ Э. Золя; а въ „Мужикахъ“ Чехова и въ нѣкоторыхъ типахъ М. Горькаго передъ нами столь же неутѣшная картина грубо-матеріалистическаго настроенія и нашего крестьянина „новѣйшей формаціи“.

Конечно, въ народѣ еще не вся „душа ушла въ карманъ да въ брюхо“, и хочется вѣрить, что власти тьмы противостоятъ еще не одни юродивые и „блаженные“ (Акимъ у Толстого, Лука „На днѣ“, Василій Фивейскій Л. Андреева)! Нельзя не замѣтить однако, что и въ Русскомъ народѣ на мѣсто старой мудрости, выраженной въ пословицахъ: „хлѣба съ душу, денегъ съ нужу“ или „съ по̀дать“, „хочешь деньги нажить, надо совѣсть заложить“, „пусти душу въ адъ, будешь богатъ“, становятся болѣе подходящіе къ современности варіанты: «что̀ взято, то свято!“, „стыдно да сытно!“, „деньги есть, на печь лѣзь!“, „тому честь, у кого деньги есть“. Если прежде „трудовой грошъ“ былъ „крѣпостью хорошъ“, теперь „всѣ гро̀ши стали хороши“. Если прежде они нужны были, чтобы только „концы съ концами сводить“, да „чтобы черный день пережить“, теперь сталъ „грошъ на всякое время хорошъ“, „на деньги“ уже „поста̀ нѣтъ:“ „деньги на будень, деньги на праздникъ“, „деньги про бѣлый день, деньги про красный день, да деньги и про черный день!“ (Иллюстровъ. Сборникъ Россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904. 218, 237, 267—272 и варіанты, слышанные нами въ Тамбовской губерніи). Если же дѣло обстоитъ такъ даже въ православной деревнѣ, то, замѣчаетъ Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, напрасно нѣкоторые наши экономисты осуждаютъ „ограниченность крестьянскихъ потребностей“, видя въ ней спутника „узкости крестьянскаго духовнаго міра“: „духовный міръ совсѣмъ исчезнетъ именно тогда, когда сбудутся желанія гг. экономистовъ, то есть, когда и крестьянинъ станетъ думать, что умѣренность есть добродѣтель барановъ, забывая, что неумѣренность—добродѣтель свиней“. (Письмо ко мнѣ 22 Іюня 1899 г. по поводу статьи г. Головачева).

За всѣмъ тѣмъ характерною чертою вѣка должно считать *не самый фактъ корыстолюбія, а принципіальное оправданіе его.* Алчность къ наживѣ всегда существовала въ большей или меньшей степени, но XIX вѣку принадлежитъ „честь открытія“ теоріи, которою столь гордится „научный соціализмъ“, теоріи *историческаго матеріализма*“, полагающей въ основу всего развитія человѣчества *„желудочный вопросъ“*. Въ предисловіи къ „Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“ Марксъ впервыя возвѣстилъ, что „способомъ производства матеріальной стороны жизни обусловливается соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, а, наоборотъ, общественное бытіе опредѣ-

ляетъ формы ихъ сознанія". Факторомъ же, опредѣляющимъ общественное бытіе, являются *матеріальныя производительныя силы и производственныя отношенія между людьми*, въ свою очередь подчиневныя желѣзной необходимости исторіи". „Направленіе судебъ человѣчества мудростью Провидѣнія (Боссюэтъ и др.), ученіе о постепенномъ воспитаніи человѣческаго рода (Лессингъ и Гердеръ), мечты идеалистовъ о самостоятельныхъ поискахъ „благъ невещественныхъ (истины, добра и красоты) душой, настроенной въ созвучіе съ Прекраснымъ", все улетучилось, какъ дѣтскія грезы, все разсыпалось въ прахъ у подножія „божественнаго колосса силы, царящей отъ начала исторіи до ея конца" (Huret. Enquête sur la question sociale en Europe. Paris. 1897, 7), силы чисто матеріальной, безсознательной и безвольной, роковыя велѣнія которой ея живыми агентами, людьми, выполняются также помимо или даже противъ ихъ сознанія и воли (Fr. Engels. Brief von 1890 въ Socialistischer Akademiker, Oktob. 1895). Мы узнаёмъ отнынѣ, что конечной причины *всѣхъ* общественныхъ перемѣнъ надо искать не въ умахъ людей, не въ сердцахъ и не въ волѣ ихъ, а *„въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна"* (Engels. Anti-Dühring): „экономическій строй общества есть та реальная основа, изъ которой должна быть истолкована вся верхняя надстройка правовыхъ и политическихъ учрежденій, также какъ и религіозныхъ, философскихъ и иныхъ образовъ мысли каждаго историческаго періода" (Engels Dühring's Umwälzung der Wissenschafft, 11).

Что бы ни говорили о постепенномъ смягченіи и расширеніи „жесткихъ объятій историческаго матеріализма" (Бернштейнъ, Историческій матеріализмъ. СПб. 1901, 13—15), сущность его и понынѣ остается тою же. Не заявляетъ ли комментаторъ „Эрфуртской Программы", Каутскій, что, „хотя безъ мышленія и безъ идеи нѣтъ прогресса, но все же идеи только посредники общественнаго прогресса; не отъ нихъ исходитъ первое побужденіе къ нему, а отъ экономическаго развитія" (Das Erfurter Programm erläutert. 138)? „Обществомъ движетъ человѣческій духъ, но не какъ повелитель экономическихъ условій, а какъ ихъ *слуга*; *они* ставятъ передъ нимъ задачи; *они же* опредѣляютъ и результаты, которыхъ онъ долженъ и можетъ достигать" (Neue Zeit. 15 Jahrgang. I, 231). Таковъ приговоръ историческаго матеріализма надъ духовными потребностями. А вотъ и другой, надъ нравственными: „первое условіе здороваго животнаго—хорошее пищевареніе; не менѣе вѣрно и то, что первое условіе здороваго общества—имѣть что переваривать *помимо нравственности*, какъ бы полезна ни была послѣдняя *на подобающемъ ей* (очевидно, не первомъ) *мѣстѣ*. Иными словами: *умственная и нравственная эволюція общества основывается прежде всего на условіяхъ производства и распредѣленія богатства*" (E. Belfort Bax. The Religion of Socialism. 3 ed. London. 1891, 134).

Выводы эти возводятся во всеобщій законъ, примѣнимый не къ одному прошедшему и настоящему, но и къ будущему, не исключая даже идеальносовершеннаго соціалистическаго Zukunfts-Staat'a". „Соціальный способъ" про-

изводства (вѣщаютъ намъ пророки грядущаго земного рая) примкнетъ въ своемъ развитіи къ основамъ, заложеннымъ „уже въ производствѣ капиталистическомъ“ (Das Erfurter Program erläutert von Kautsky. 117). На мѣсто „ветхаго человѣка“, гнилого продукта буржуазнаго строя станетъ Homo novus, отличающійся отъ стараго только тѣмъ, что онъ будетъ „продуктомъ производства корпоративнаго, продуктомъ самодовлѣющей хозяйственной ассоціаціи“ (145).

Ученіе, конечною цѣлью котораго является не добровольное объединеніе и взаимоустроеніе свободныхъ личностей для осуществленія высшихъ нравственныхъ задачъ, а только *„управленіе вещами“*, только *„руководство процессомъ ихъ производства“* (Энгельсъ у Каутскаго, 317), такое ученіе совершенно послѣдовательно смотритъ и на самого человѣка, какъ на продуктъ слѣпой матеріальной силы, а не какъ на самостоятельную, активную, творческую силу. Къ этому выводу одинаково приходятъ и ученые теоретики соціалдемократіи, и ея практическіе дѣятели, до простыхъ рабочихъ включительно. Изъ пристальнаго наблюденія послѣднихъ священникъ Гёре, ставшій однимъ изъ видныхъ представителей рабочей группы Нѣмецкаго рейхстага, выводитъ заключеніе, что „соціалдемократія не есть только политическая партія и выразительница новой хозяйственной системы: въ глубинѣ своего внутренняго существа она воплощеніе послѣдовательнаго противухристіанскаго матеріализма; именно изъ этой-то матеріалистической основы и вырастаетъ вся ея экономическая и политическая система“ (Göhre. Drei Monate Fabrikarbeiter. Leipzig. 1891, 215), тогда какъ одинъ изъ даровитыхъ руководителей Американскаго „этическаго движенія“ Шельдонъ примѣнительно ко всему современному обществу заключаетъ, что иначе и быть не можетъ: *„мы становимся матеріалистами* даже противъ собственной воли, борьба за существованіе тянетъ насъ въ эту сторону... Чѣмъ болѣе окунаемся мы въ борьбу только за хлѣбъ и имущество, тѣмъ менѣе задумываемся мы надъ смысломъ человѣческаго назначенія, тѣмъ болѣе *вымираетъ* въ насъ *душа*“. (Sheldon. What does it mean to be religious and what is Religion? въ Ethical Adresses. 1 series № 3. Philadelphia, 1894, p. 52). Тоже настроеніе, но уже не въ элегическомъ тонѣ, а съ самодовольствомъ типичнаго янки по поводу „тріумфовъ духа надъ матеріей“, констатируетъ прославленный Американскій кардиналъ-прогрессистъ, монсиньоръ Эйрлэндъ. „Намъ, людямъ современнымъ, кажется, что все въ мірѣ идетъ превосходно, какъ скоро *матеріальное* совершенствуется; люди льнутъ къ *матеріальному*, восхищаются имъ; *матеріальное стало важнѣйшимъ и высшимъ въ жизни*“. (L'Église et le Siècle. Conférences et discours de m-gr. Ireland. 8 édit. Paris 1894, 202—3): выводъ, въ которомъ съ католическимъ прелатомъ сходится и ревнитель воинствующаго протестантизма, пасторъ Штёккеръ (Рѣчь его въ сборникѣ Le Christianisme et la Question sociale, 116—117). Вѣкъ практическій по преимуществу возводитъ матеріальную дѣловитость въ неумолимый законъ жизни, и не одни буржуазные дѣльцы и жуиры, преклоняющіеся передъ „золоченымъ брюхомъ“

(Em. Fabre, Les Ventres Dorés. Paris. 1905), но и соціалисты восклицаютъ: „дѣло есть дѣло, а не сантиментальность!“ (Bax. Religion of Socialism. 91).

Важнѣе всего однако то, что оправданіе такого настроенія и связаннаго съ нимъ взгляда на сущность прогресса мы встрѣчаемъ не у однихъ „правовѣрныхъ“ соціализма, но и у представителей его „гибридныхъ формъ“ и наконецъ даже у самихъ его противниковъ. Представители такъ называемаго „евангелическаго соціализма“ убѣждены въ томъ, что „экономическій вопросъ обнимаетъ *высшіе интересы человѣчества*“, что „въ глубинѣ этого демоническаго движенія бьется *сердце нашего вѣка*“ и что „соціалдемократы—буревѣстники животворнаго теплаго теченія лучшаго соціальнаго строя“. (Bericht über die Verhandlungen des 1 Evangelisch-sozialen Kongress zu Berlin, 1890, 21, 122, 123). Англійскіе „христіанскіе соціалисты“ еще смѣлѣе и опредѣленнѣе признаютъ матеріальное благосостояніе за основу не только счастія, но и всей нравственности. Для нихъ „Христіанство Христа“ уже не что иное, какъ подготовка соціализма. „Ученіе объ иномъ мірѣ (Otherworldliness)—не Христово ученіе“, увѣряютъ они (Rev. Stewart Headlam. Christian Socialism въ Fabian Tracts, № 42. London 1896, Reprint, 2); „наоборотъ, это величайшее проклятіе изъ всѣхъ, тяготѣвшихъ надъ человѣчествомъ“ (Morrisson Davidson. The Gospel of the Poor. 2 ed. London s. a. (1893), 10). „Всѣ дѣла и ученія Христа“, по мнѣнію этихъ господъ, „были свѣтскія и соціалистическія: заботы о здоровьѣ, о возстановленіи красоты, гармоніи и удовольствія на мѣсто болѣзней, безобразія, раздоровъ и нужды, заботы о томъ, чтобы народъ былъ должнымъ образомъ накормленъ, заботы о томъ, чтобы въ нашей здѣшней жизни было мѣсто веселью и радости“ (Headlam. l. c.). „Свѣтскія соціалистическія дѣла, совершенныя Христомъ въ маломъ масштабѣ въ Палестинѣ, Церковь нашихъ дней должна осуществить въ широкихъ размѣрахъ по всему свѣту“ (6—7). „Великій Назаретскій коммунистъ, міровой революціонеръ, рѣшительный секуляристъ, такъ много заботившійся о здѣшней жизни и столь мало о „будущей“, возвѣстилъ міру благую вѣсть коммунизма, общежитія безъ частной собственности, безъ ренты, процентовъ и барышей, въ такую пору, когда даже отъ мудрыхъ и благоразумныхъ были сокрыты основанія экономической истины. Но казавшееся тогда едва доступнымъ пониманію даже его учениковъ просіяло въ наши дни ослѣпительнымъ блескомъ въ изслѣдованіяхъ и трудахъ такихъ людей, какъ Сенъ-Симонъ, Прудонъ, Родбертусъ, Марксъ и другихъ усердныхъ слугъ человѣчности“ (Morrison Davidson, 141) *). „То, что слѣдовало сдѣлать Христу и чего онъ не могъ исполнить, написать учебникъ политической

*) Такіе же отзывы о Христѣ съ совпаденіемъ даже отдѣльныхъ выраженій мы встрѣчаемъ и у настоящихъ соціалистовъ, напр. у Domela Nieuwenhuis, у Oscar'a Zimmer'a (Der Socialist von Nazareth. Berlin. 1902, 7—8, 17). Для прогрессивныхъ Нѣмецкихъ рабочихъ Христосъ „революціонеръ, ниспровергатель существующаго порядка; въ наши дни онъ, навѣрное, былъ-бы соціалдемократомъ, политическимъ вождемъ и депутатомъ рейхстага отъ рабочей партіи“ (Докладъ Rade. 103—4 и 85).

экономіи" (по мнѣнію Rob. Buchanan'a въ примѣчаніяхъ къ его „Wandering Iew"), выполнили за него эти свѣточи нашего вѣка, и остается „только убѣдить всѣхъ христіанъ, что *одни лишь политико-экономическія реформы въ духѣ соціализма могутъ направить людей на путь истиннаго братства*" (Headlam у Nitti. Le Socialisme catholique. Paris. 1894, 92).

Но пока языческіе соціалисты разжигаютъ ненависть къ капитализму, ничуть не ослабляя лежащей въ основѣ его жажды наживы и матерьяльнаго наслажденія, пока величающіе себя соціалистами христіанскими пишутъ „Евангелія Бѣдности", въ которыхъ Христосъ превращается въ карикатурнаго проповѣдника того же исключительно матерьяльнаго благосостоянія, капитализмъ растетъ, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ, до чудовищныхъ размѣровъ, и надменно похваляется своею всеобъемлющею силою. Уже добросовѣстный Гладстонъ констатировалъ фактъ, что общечеловѣческимъ „всемірнымъ дѣломъ стало обогащеніе"; новѣйшіе же милліардёры утверждаютъ, что такъ и должно быть и иначе быть не можетъ. „Безъ капитала невозможно ничто, рѣшительно ничто; упразднять его — безуміе, настоящее безуміе", объявляетъ король Французскихъ горнозаводчиковъ Шнейдеръ (Huret. Enquête sur la question sociale. 1897, 26). „Могущество финансовъ оправдывается ихъ пользою", подтверждаетъ финансистъ Е. Перейръ, а Ротшильдъ поетъ капиталу цѣлый хвалебный гимнъ, полный отеческой нѣжности: „Капиталъ — это, видите ли, величайшій благодѣтель человѣчества, это первая сила, самая необходимая, всѣмъ движущая, все оплодотворяющая и создающая счастіе народовъ. Она не терпитъ грубаго обращенія съ собою: ее можно привлечь только кротостью, только ласкою; бойтесь запугать капиталъ! Если вы вздумаете пригрозить ему, онъ исчезнетъ, и въ этотъ день *все погибнетъ!* поймите это:—*все!*" (Huret. 67, 68). Наконецъ Карнэджи, ставшій изъ простого телеграфиста „королемъ стали и желѣза Новаго Свѣта", получающій только 460,000 марокъ ежедневнаго дохода, раздающій ежегодно милліоны на просвѣщеніе, пишетъ цѣлое „Евангеліе Богатства", долженствующее рѣшить основную задачу нашихъ дней. Задача эта состоитъ „въ раскрытіи благоразумнаго употребленія богатства, дабы развить между богачемъ и бѣднякомъ братскія отношенія" (Carnegie. L'Évangile de la Richesse. Paris. 1891, 9). Съ точки зрѣнія великодушнаго милліонера, начавшаго свою карьеру ни съ чѣмъ, бѣдность не только не зло, но даже лучшее изъ того, что можно пожелать вступающему на жизненный путь: „именно изъ бѣдняковъ происходятъ добродѣтельные и великіе люди, учители человѣчества, мученики, изобрѣтатели, государственные мужи, поэты и даже... великіе дѣльцы!" (Carnegie. Kaufmann's Weltherrschaft, 117). Но Американскій милліонеръ не Францискъ Ассизскій. Его „Гимнъ Бѣдности" не безкорыстенъ: бѣдность хороша только въ качествѣ побужденія какъ можно скорѣе отъ нея избавиться; „стремиться къ высшему (въ смыслѣ матерьяльнаго благосостоянія), быть царемъ въ своихъ мечтахъ, не упускать ни одного случая къ осуществленію этой мечты" — таковы совѣты „Стальнаго Короля", преподаваемые имъ юношеству въ его книгѣ „Всемірная дѣловая имперія или всемірное владычество

купца", за которой оба свѣта, Новый и Старый, признали „высокое воспитательное значеніе". Только по вышеуказанной причинѣ нѣтъ надобности въ упраздненіи „честной бѣдности". „Къ счастью для человѣчества это и невозможно" (Kaufmann's Weltherrschaft. 122), такъ же, какъ невозможно и ненужно уничтоженіе борьбы изъ-за вещественныхъ благъ, то есть закона конкуренціи. Пусть этотъ законъ, какъ и роскошь, какъ и комфортъ, дорого обходятся обществу; пусть онъ иногда жёстокъ (слѣдовало бы сказать жестòкъ!) для отдѣльныхъ личностей! онъ благопріятенъ для цѣлой расы, какъ обезпечивающій преобладаніе способнѣйшему въ каждомъ отдѣлѣ человѣческой дѣятельности" (L'Évangile de la Richesse, 13). Законъ противоположности между бѣдностью и богатствомъ приходится принять, независимо отъ того хорошъ ли онъ или плохъ; все равно: избѣжать его мы не можемъ, замѣнить его намъ нечѣмъ!" (13). Да и не надо! Сосредоточеніе богатства въ рукахъ способныхъ создавать его энергіей и умѣньемъ—не зло, а благо. Подрывать индивидуализмъ, право собственности, законъ конкуренціи и сосредоточенія богатствъ значитъ жертвовать самымъ надёжнымъ результатомъ человѣческаго опыта, дѣлать безплодною почву, откуда человѣчество извлекало свои лучшіе плоды" (16—17).

Весь вопросъ сводится, слѣдовательно, только къ тому, какъ должны богачи употреблять свое богатство. И на это, не однимъ разсужденіемъ, но и личнымъ примѣромъ въ грандіозныхъ размѣрахъ Американскій Апостолъ Богатства даетъ отвѣтъ настолько же опредѣленный, насколько и на первый взглядъ заманчивый. Богачъ долженъ смотрѣть на себя не какъ на безотчетнаго собственника своихъ сокровищъ, а какъ на лицо, которому они только ввѣрены для обращенія ихъ на общее наибольшее благо. Ограничиваясь въ своемъ собственномъ пользованіи лишь очень умѣренною, почти минимальною долею, не одобряя столь легкой посмертной благотворительности, богачъ долженъ еще при жизни обратить свои богатства на общественную пользу. Безъ насильственной революціи, безъ нарушенія установившагося строя, съ сохраненіемъ благодѣтельнаго индивидуализма этотъ идеалъ осуществитъ примиреніе бѣдняка съ богачемъ, создастъ царство согласія; избытокъ богатства немногихъ станетъ достояніемъ большинства и притомъ при наилучшихъ условіяхъ, ибо богатство не распредѣлится непосредственно среди народа, а будетъ направляемо къ общему наибольшему благу небольшимъ числомъ людей способнѣйшихъ, компетентнѣйшихъ, короче,—самими его творцами, милліонерами, „этою солью земли, этими трудолюбивѣйшими, самоотверженными людьми, работающими для общаго блага" (L'Évangile de la Richesse. 24, 28, 34, 20. Kaufmann's Weltherrschaft, 136 ff. 132).

Мы потому позволили себѣ остановиться подробно надъ мыслями Карнэджи, что ихъ можно считать полнымъ завершеніемъ современной вѣры во всемогущество денегъ. Знаменательно и то, что новое Евангеліе Богатства исходитъ именно изъ Новаго Свѣта, открытіе котораго, какъ извѣстно, и положило начало быстрымъ способамъ обогащенія для всего свѣта. Подобно

Колумбу, воспѣвшему наивный, хвалебный гимнъ величію и красотѣ золота, съ которымъ „можно осуществлять все, что̀ угодно, и даже привлекать души въ рай“ (4-e Voyage de Chr. Colomb. у Nasarette. Relations des Voyages etc. P. 1828. III, 152),—сынъ страны наибольшаго количества милліонеровъ, полагающій въ этомъ фактѣ причину ея будто бы всесторонняго первенствующаго культурнаго значенія, Карнэджи слагаетъ хвалу и въ честь „вездѣсущаго, непоколебимаго золота“ (Kaufmann's Weltherrschaft, 23, 25, 69) и въ честь „дѣловыхъ людей“, творцовъ богатства, организаторовъ „дѣла“. Исходя изъ опредѣленія дѣла какъ той или другой денежной операціи и „считая конечною цѣлью трудовъ „дѣльца“ наживу состоянія“ (182—3), Карнэджи оказывается послѣдовательнѣе своего друга Дана, еще полагавшаго, что „въ XX вѣкѣ руководителями міра будутъ съ одной стороны мыслители, мужи науки и изобрѣтатели, мужи генія, а съ другой—мужи богатства“, тогда какъ для автора „Евангелія Богатства“ первые уже только сотрудники, только подготовители главной, рѣшающей дѣятельности богачей. Ученый лишь въ рѣдкихъ случаяхъ способенъ заслужить репутацію великаго дѣльца; истинный же выразитель и кормчій судебъ современнаго міра есть именно „дѣлецъ“; вотъ почему и возводитъ Карнэджи въ идеалъ общественнаго дѣятеля именно денежнаго дѣльца и „дѣловую карьеру“. „Ни одно жизненное призваніе“, по его мнѣнію, „не обнимаетъ столькихъ задачъ, ни одно не требуетъ столь ёмкаго и проницательнаго взгляда на вещи, ни одно такъ не расширяетъ и не возвышаетъ духовныхъ силъ, какъ дѣловая карьера“, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть „и строгая школа всѣхъ добродѣтелей: благодѣтельная по своимъ утилитарнымъ послѣдствіямъ, она облагораживаетъ и душу; рядомъ съ прозаическою стороною каждое дѣло имѣетъ и свою романтическую, и если благородное стремленіе къ успѣху не ради „грязнаго доллара“, а ради побѣды въ намѣченной себѣ цѣли, замѣчается не у всѣхъ дѣльцовъ, виновата въ этомъ низость души, а не величіе дѣла“ (182, 202—3).

Настолько убѣдительнымъ и соотвѣтствующимъ духу вѣка кажется такое опредѣленіе „дѣла“ и такъ велика откровенная или скрытая вѣра во власть вещественныхъ благъ и въ силу денегъ въ особенности, что оказать этому убѣжденію поддержку счелъ нужнымъ практически-дѣловитый „новый“ политическій католицизмъ. „Папа рабочихъ“ Левъ XIII понялъ и провозгласилъ, что духъ вѣка „вполнѣ послѣдовательно“ перемѣстилъ центръ тяжести изъ политической области въ экономическую, и выдвинулъ на первый планъ вопросъ о матерьяльномъ благосостояніи (Энциклика Rerum novarum въ Leonis XIII Epistolae Encyclicae. Friburgi Brisg, series III, p. 137). Для разрѣшенія этого вопроса въ его наиболѣе острой формѣ, то есть, примѣнительно къ рабочимъ, должны, по мнѣнію папы, быть привлечены *„всѣ* человѣческія средства, и участвовать въ этомъ усиліи обязаны *всѣ*, въ томъ числѣ и духовныя лица *всею* душою и съ полнымъ усердіемъ (195, 83). Прогрессивный вождь католичества не находитъ возможнымъ повторять одно старое внушеніе „о Горнемъ помышляйте!“; онъ поясняетъ, что „Церковь прости-

раетъ заботы о душахъ не настолько, чтобы пренебрегать интересами жизни смертной, земной... Наоборотъ, она не только усердно заботится объ уменьшеніи нужды и увеличеніи матерьяльнаго благосостоянія (43), но и „радостно привѣтствуетъ старанія украсить жизнь и сдѣлать ее болѣе удобною“ (въ энцикликѣ „о христіанскомъ управленіи государствами“). Безспорно подчиняя полезное добродѣтельному, экономическое нравственному и признавая богатство не цѣлью, а только средствомъ общественной жизни (Dehon. Les directions pontificales politiques et sociales. 3 éd. Paris. 1897, 146—7), папа однако придаетъ матерьяльнымъ интересамъ такое огромное значеніе, что выдвигаетъ ихъ на первый планъ въ современной программѣ дѣятельности Церкви. Отсюда цѣлый рядъ общихъ предписаній мірянамъ и спеціальныхъ инструкцій духовнымъ, цѣлое „соціальное богословіе“ для общаго руководства; а для практическаго примѣненія — систематическій пространный „соціальный катехизисъ“, гдѣ съ первыхъ же строчекъ цѣлью жизни объявлено двойственное желаніе во 1) „отвоевать себѣ относительное матерьяльное благосостояніе, а во 2) заслужить и доступъ на небо“ (Déhon. Catéchisme social. 3 éd. Paris. 1898, 1). Наука о богатствѣ, это „начало экономической премудрости“ (Revue de la jeunesse catholique. Sept. 1898, 656), разрабатывается здѣсь какъ часть нравственно-религіознаго ученія Церкви. Сообразно съ совѣтомъ папы, обращеннымъ къ рабочимъ, „составлять себѣ мало-помалу небольшой капиталецъ (80), ростъ богатства вводится здѣсь „въ планъ Провидѣнія“ и берется подъ защиту Церкви отъ незаслуженнаго презрѣнія и отъ пристрастныхъ упрековъ; доказывается, какъ и архіепископомъ Кикомъ на Чикагосскомъ Парламентѣ религій (The World's Parliament of Religions at Chicago. Proceedings etc., I. p. 1036), что Евангеліе хвалитъ добровольную бѣдность лишь какъ исключительное достоинство немногихъ выдающихся лицъ спеціальнаго предназначенія, тогда какъ вообще совокупность народа призывается къ обогащенію, матерьяльному прогрессу и къ пользованію земными благами въ награду за христіанскую жизнь (Catéchisme Social. 81—82). И вотъ, не хуже свѣтскаго Американскаго дѣльца, настоятель ордена священниковъ Святѣйшаго Сердца Іисусова, съ одобренія Римскаго первосвященника, поучаетъ „въ христіанскомъ духѣ“ о значеніи моно-и билитализма (121), о размѣрахъ дозволительныхъ барышей и процентовъ (158), о великой пользѣ капитала, кредита, банковъ и биржи (96, 102 s. 105 s.) и даже о необходимости пастырямъ Церкви „вмѣшиваться въ акціонерныя собранія для защиты правъ Бога и для противодѣйствія иррелигіознымъ директорамъ и служащимъ“ (162—3). Неудивительно послѣ этого, что, въ отвѣтъ на подобные совѣты, президентомъ конгрессовъ католическихъ рабочихъ, по выраженію кардинала Ларопа, объявляется не кто иной какъ самъ „рабочій—Христосъ“. (Compte rendu du Congrès, Ouvrier de Nante. 1895. 9. 85).

Призывъ главы католичества сосредоточить вниманіе и любовь на вопросахъ экономическихъ встрѣтилъ горячій откликъ среди мірянъ и духовныхъ. Извѣстный Вюрцбургскій профессоръ Шелль упрекаетъ своихъ единовѣрцевъ, что они „слишкомъ мало цѣнятъ политико-экономическую и про-

мышленную силу (Schele. Der Katholizismus als Princip des Fortschritts. 6 Aufl. 26), а на Дортмундскомъ генеральномъ съѣздѣ Нѣмецкихъ католиковъ „уклончивость отъ свѣтскихъ матеріальныхъ заботъ“ объявляется „поистинѣ непростительною сентиментальностью“ и, въ противоположность экономическому равнодушію, требуется *„католицизировать промышленность, христіанизировать капиталъ и создать* блестящее экономическое и финансовое положеніе“ для вѣрныхъ сыновъ единой спасающей Церкви, не смущаясь устарѣвшимъ мнѣніемъ, будто матеріальныя заботы сопряжены съ опасностями для души (Verhandlungen der 43 General-Versammlung der Katholiken Deutschlands zu Dortmund. 343—9). Вліятельный публицистъ, аббатъ Гитце въ своей „Квинтэссенціи соціальнаго вопроса“ замѣчаетъ, что вѣкъ Августинова „Града Божія“ и „Суммы“ Ѳомы Аквинскаго невозможно сравнивать съ вѣкомъ пара и электричества, и потому надо не отставать отъ экономическихъ задачъ своего времени, а идти впереди ихъ. Въ этомъ смыслѣ на съѣздѣ въ Фьезоле кардиналъ Радини-Тедески возводитъ активное участіе въ этихъ задачахъ въ „высшую обязанность для духовенства“, которую оно выполняетъ съ такимъ увлеченіемъ, что по отзыву Гойо (Goyau. Autour du catholicisme social. 285) программу „Падуанскаго съѣзда клерикаловъ могъ бы принять Лондонскій конгрессъ соціалистовъ“ (Dehon. Nos congrès. P. 1897, 26). На 2-мъ конгрессѣ Христіанской демократіи фабрикантъ Леонъ Гармель, прозванный „отцомъ рабочихъ“, убѣждаетъ своихъ слушателей, что „Спаситель пришелъ не для того только, чтобы отворить намъ врата рая, но и для того, чтобы обезпечить и на землѣ каждому человѣку наибольшую сумму возможнаго счастія“. (2 Congrès National de la Démocratie chrétienne de 1897. Compte-rendu. Lyon. 1898, 13). Кардиналъ Эйрлэндъ восхищается „всемірнымъ побѣдоноснымъ тріумфальнымъ шествіемъ торговли на благо религіи и христіанской цивилизаціи“ (Ireland. L'Église et le Siècle. 185). Аббатъ Сетти привѣтствуетъ отъ лица Церкви широкое развитіе промышленности и машиннаго труда и изумительныя побѣды техники надъ матеріей, видя въ этомъ средство „приблизить людей къ Богу“: (1 congrès de la Démocratie chrétienne. Lyon. 1896, 130); тогда какъ другой аббатъ экономистъ, уже дословно совпадая съ заманчивыми рѣчами ораторовъ Нѣмецкой соціалдемократіи, „обѣщаетъ народу въ христіанскомъ градѣ будущаго прекрасные дни праздниковъ послѣ дней честнаго и веселаго труда“ (1 congrès d. l. Dém. chrét. 143). Для этого, увѣряетъ сейчасъ названный Американскій прогрессивный прелатъ, нужно только *„направить паръ и электричество на службу благодати Божіей“*, да еще помнить мудрый совѣтъ: *не читать проповѣдей передъ пустыми желудками“*. (Ireland 47, 171).

На этихъ чисто-свѣтскихъ, чисто-утилитарныхъ соображеніяхъ матеріальнаго свойства основываютъ и надежду на побѣду вѣры надъ невѣріемъ. „Надо отказаться отъ того, что было, и работать для того, что будетъ; надо идти рѣшительными шагами на встрѣчу потребностямъ свѣтскаго міра. Онъ пересталъ быть христіанскимъ; онъ станетъ имъ снова, но для этого надо жить съ нимъ и для него“. (Klein. Nouvelles tendances en religion et en lit-

térature. 2 ed. P. 1893. XII, XIII); „надо *лаицизировать христіанство*“ (47). Чтобы вернуть ко Христу народъ, надо *обратиться къ мыслямъ и средствамъ современнымъ;* поговорка старыхъ временъ „satur venter non studet libenter“ отжила свой вѣкъ; въ наши дни не „сытое брюхо къ ученію глухо“, а голодное; вотъ почему и не слѣдуетъ проповѣдывать Евангелія „передъ пустыми желудками“. Надо показать народу, что вы можете дать ему то счастіе и ту справедливость, которыхъ онъ требуетъ, и тогда, *во имя этого (матеріальнаго) счастія и этой справедливости* (въ распредѣленіи вещественныхъ благъ и труда), народъ полюбитъ и невѣдомаго ему Бога“ (Ireland. 166. 168), который по мнѣнію апостоловъ „прогрессивнаго католицизма“, окажется „сокрытымъ только въ немъ одномъ (тамъ же), также, какъ и истинная демократія (Toniola. La notion de la Démocratie chrétienne. 39. Chiauduno. Democratia cristiana e movimento cattolico. Torino. 1897 и Istruzione della S. Congregazione degli Affari Ecclesiastici Straordinarii sull'Azione Popolare Cristiana o Democratico-cristiana in Italia, Vicenza. 1902) и „вся истинная гражданственность“ (Fonsegrive. Christianisme et Démocratie. 109, 121).

Къ этому всемірному великому славословію корысти и наживы, къ этому разнообразному по формамъ, но единодушному по сущности признанію, что вещественныя блага, а не что-либо иное, лежатъ въ основѣ счастія человѣчества и что отъ благоустройства въ производствѣ и дѣлежѣ ихъ прежде всего зависитъ судьба цѣлаго міра, какъ относится нашъ мудрецъ, одинокій и въ этомъ отношеніи среди толпы людской? Знавшіе его нравственное величіе, но недостаточно знакомые съ его наблюдательностью и шириною взгляда на жизнь, могли въ данномъ случаѣ считать его только за наивнаго отшельника-аскета, совсѣмъ не замѣчавшаго, въ духовной чистотѣ своихъ мечтаній, „дѣлового“ склада жизни и не понимавшаго ея даже начальныхъ требованій. Они ошибались. Конечно, самъ по себѣ онъ былъ, какъ дитя, чуждъ всякой корысти и прихоти, всякому матеріальному расчету; изъ своего ничтожнаго заработка онъ отдавалъ все, что̀ можно было отдать, оставляя лишь столько, сколько требовалось для уплаты за тѣсный уголъ жилья, да за пропитаніе, настолько скудное, что ему приходилось по долгимъ мѣсяцамъ обходиться безъ горячей пищи. У него не было ни матраса, ни подушки, ни шубы; онъ не признавалъ иного платья, кромѣ сильно поношеннаго и служившаго до тѣхъ поръ, пока оно не превращалось въ лохмотья. Никакой обстановки! При каждомъ перемѣщеніи съ квартиры раздавались послѣднія жалкія вещи, даже, по возможности, книги. Наконецъ, никогда ни одной копѣйки затраты на развлеченія, ни на малѣйшія удобства, ни даже на извозчика, хотя бы и въ суровую непогоду, хотя бы и при нездоровьѣ. При такомъ отношеніи къ себѣ изъ бюджета даже въ 17 рублей 50 коп. въ мѣсяцъ оказывались остатки, которые всѣ шли на помощь просившимъ и не-просившимъ. И не смотря на это довольство столь малымъ, казавшееся завиднымъ навѣщавшему его Л. Н. Толстому, все еще какая-то нервная боязнь денегъ, какъ чего-то ядовитаго, заразнаго и мерзкаго. „Какъ ни трать ихъ, а онѣ всѣ еще остаются, проклятыя!“ восклицалъ онъ съ неподдѣльнымъ ис-

пугомъ, когда находился какой-нибудь забытый грошъ въ карманѣ, ничего столь ни опасаясь, какъ такого остатка послѣ смерти. Соблазнъ богатства, роскоши, комфорта, денегъ и вещи, даже самой облагороженной, напр, произведенія искусства въ смыслѣ собственности, не имѣлъ надъ нимъ никакой силы, не смотря на бодрость и воспламенимость чувствъ, которая сохранялась до старости и которую, по его убѣжденію, отнюдь и не слѣдуетъ убивать въ организмѣ.

Но, побѣждая въ себѣ самомъ искушеніе собственностью и вещью, онъ не бѣжалъ отъ соблазна, не жмурилъ очей передъ чарами суеты, какъ подвижникъ, опасающійся паденія. Лукавому бѣсу корысти, поработившему міръ, онъ смотрѣлъ безстрашно въ мутныя очи, стараясь понять и разоблачить обманъ, обольщающій міръ. Не боясь загрязниться прибоемъ житейскаго моря, „пѣнящагося своими срамотами“ (Іуд. 1, 13), онъ стоялъ на берегу его, проницательно изучая коварную стихію корысти во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, отъ грознаго шквала коренного, всеобъемлющаго переворота до предательской зеркальной глади сентиментальной поверхностной благотворительности, заманчиво разстилающейся надъ бездною безсердечнаго себялюбія и скрытаго насилія. Онъ слѣдилъ за ходомъ экономической борьбы, знакомился съ ея условіями и слѣдствіями, со всемъ арсеналомъ ея средствъ и орудій. Онъ не ограничивался знаніемъ теоретическихъ основъ соціализма; онъ слѣдилъ за развитіемъ ихъ въ проектахъ „Общества будущаго“, въ родѣ книги Беллами или „Страны Свободы“ Гертцки, за воплощеніемъ и въ литературныхъ типахъ вопросовъ соціально-экономическихъ. Непрерывный ростъ финансовой и торгово-промышленной силы сосредоточивалъ на себѣ его вниманіе очень пристально. Онъ обнаруживалъ связь политическихъ событій съ экономическими факторами, съ борьбою изъ-за міровыхъ рынковъ. Вліяніе индустріализма и меркантилизма на внутреннюю жизнь народовъ, на общественную нравственность и религію; прислуживаніе науки, искусства и техники фабрикѣ, рынку и биржѣ, вымираніе села и ростъ городовъ, торжество бездушной, плодящей рабство машины надъ свободнымъ, естественнымъ, добровольнымъ ручнымъ трудомъ, прихоть и мода, повелительница вкуса, конкуренція и реклама съ ихъ всестороннимъ завершеніемъ всемірною выставкою, все это онъ обозрѣвалъ со вдумчивою проницательностью, совершенно неждапною въ человѣкѣ „не отъ міра сего“.

И всему этому онъ ставилъ свой приговоръ, краткій, рѣшительный и проникавшій въ самую сущность дѣла. Обнимая взоромъ всѣ намѣченные выше видоизмѣненія стремленія къ наживѣ, всѣ пріемы къ оправданію ея, всѣ надежды обосновать на ней миръ и счастіе человѣчества, онъ, не колеблясь ни минуты, говорилъ: „всѣ вы глубоко заблуждаетесь и всѣ, виноватые и невинные, притѣснители и притѣсняемые, тріумфаторы и жертвы безумной погони за такимъ призрачнымъ счастіемъ, всѣ вы погибнете, погубите и міръ съ собою, если не покаетесь, если не перейдете къ иному, здравому взгляду на задачи жизни и къ соотвѣтствующему дѣлу“.

Заблуждаются прежде всего защитники существующаго экономическаго порядка, полагающіе его въ основу установившагося общественнаго строя. „Евангеліе Богатства“ несостоятельно уже потому, что оно не только не уничтожаетъ бѣдности для огромнаго большинства („бѣдность еще не бѣда!“), но даже не обезпечиваетъ его отъ самой насущной нужды, съ чѣмъ уже нельзя мириться (Письмо ко мнѣ отъ 7 Іюля 1901 г.). Не сознаютъ ли сами поклонники вещественнаго благосостоянія, какъ основы счастія человѣчества, что до сихъ поръ накопленіе матеріальныхъ богатствъ не устранило „ни унылой, мертвящей скорби, ни приближающагося къ безумію страха за необезпеченное существованіе“? (H. George. Progress and Poverty. 3). „Не возрастаетъ ли съ непрерывною быстротою число пролетаріевъ и не есть ли это для современнаго общества фактъ неизбѣжный?“ (31. 28). Всюду, рядомъ съ такимъ изумительнымъ экономическимъ, торговымъ и промышленнымъ прогрессомъ, такое море отчаянія и гнетущей, непроглядной, незаслуженной нужды. „Бѣдствія вездѣ: и тамъ, гдѣ поддерживаются огромныя вооруженныя арміи, и тамъ, гдѣ онѣ существуютъ лишь номинально; бѣдствія и при покровительственныхъ тарифахъ и при свободной торговлѣ; бѣдствія и при самодержавномъ правленіи и при почти полномъ народовластіи“ (3). Ростъ экономической производительной силы и ея слѣдствіе—обогащеніе, не совпадаютъ съ ростомъ общаго благосостоянія; наоборотъ, имъ соотвѣтствуетъ ростъ бѣдности, нужды, нищеты. Не признаютъ ли и открытые защитники капитализма, и христіанскіе соціалисты, что бѣдность неискоренима? Но какъ могутъ мириться съ этимъ фактомъ и даже признавать бѣдность за благодѣтельное явленіе тѣ, для которыхъ богатство есть высшее благо? Не верхъ ли это фарисейства? Не злая ли насмѣшка надъ голоднымъ пресытившагося богача, мечтающаго о доблестяхъ нужды, точь въ точь какъ Римскіе обжоры мечтали о прелестяхъ поста послѣ объѣденья? Не ослабляетъ противорѣчія и ссылка якобы христіанскихъ соціалистовъ на слова Христа: „бѣдныхъ всегда съ собою имате“; по той причинѣ, что „для Христа бѣдность настолько же не зло“, насколько и богатство (денежное и вещественное) не благо, въ отличіе отъ явно-языческихъ и лживо-христіанскихъ соціалистовъ. Оттого для Него достойны сожалѣнія не одни бѣдняки, но и богачи, такъ же какъ и первые нуждающіеся въ спасеніи, именно для нихъ-то особенно затруднительномъ; оттого и Евангеліе Христа относится не къ однимъ бѣднымъ, а „ко всему міру“, опять въ противоположность новымъ благодѣтелямъ-реформаторамъ, побуждаемымъ часто не столько любовью къ бѣднымъ, сколько завистью и ненавистью къ богатымъ. А если такое же настроеніе преобладаетъ и въ большинствѣ нуждающихся (къ чему открыто призываютъ сторонники „борьбы классовъ“), мыслимо ли добровольное согласіе бѣдняковъ на ту благонамѣренную гегемонію богачей, о которой мечтаетъ Карнэджи, даже если бы его милліардёры и оказались такими подвижниками долга, какими онъ ихъ расписываетъ? „Мы поѣдомъ ѣдимъ другъ друга, и не на войнѣ только, а и въ такъ называемомъ мирѣ, который таже война, лютая и непрестанная“ (Письмо ко мнѣ, 11 Декабря 1899), и мечтаемъ, будто ни

съ того, ни съ сего волки сдружатся съ овцами потому только, что не послушавшіе Галилейской Проповѣди, послушаютъ „Евангеліе Стальныхъ и Нефтяныхъ Королей“! Да и въ состояніи ли голосъ этихъ рѣдкихъ кормчихъ дороги въ рай черезъ игольныя уши богатства заглушить хоръ тѣхъ безчисленныхъ дѣльцовъ, для которыхъ альфою и омегою экономической мудрости сталъ любимый афоризмъ Французовъ „дѣла—дѣла“, и нѣтъ въ нихъ мѣста никакой сентиментальности!

Наконецъ (и это самое важное!), даже допустивши осуществимость грёзъ покаявшагося капитализма, изъ притѣснителя ставшаго „всѣмъ слугою“, что̀ сто́ило бы то будущее благосостояніе, которое полагало бы въ основу свою одно только ничтожество денежнаго богатства, этой золотой пыли, на которую пріобрѣтаются лишь продажныя, и потому только дешевыя вещи, тогда какъ всѣ существенныя блага: жизнь, здоровье, даровитость ума и чувствъ, чистота душевная, семейное счастье—внѣ купли-продажи и ни на какихъ биржахъ не котируются?.. Вотъ почему для доказательства неизлѣчимаго недуга той призрачной торгово-промышленной и финансовой силы, передъ которою раболѣпно повергается въ прахъ нашъ вѣкъ, не достаточно было изобразить банкротство милліонера, какъ это сдѣлалъ Ибсенъ въ своемъ „Боркманѣ“; „никогда никого не любившему, несмотря на свою манію величія“, надо было дать картину неизбѣжнаго крушенія даже благороднѣйшихъ мечтаній милліонерства, даже въ его наилучшихъ проявленіяхъ, напримѣръ, у Карнэджи, за неимѣніемъ пока достойнѣйшаго („О драмахъ Ибсена и о сверхъискусствѣ“). Надо показать, что трагическій смыслъ наивнаго восклицанія Гётевой Гретхенъ не въ томъ, что „все стремится, все льнётъ къ золоту“, а въ томъ, что, несмотря на это, и въ значительной степени *именно поэтому*, мы все-таки всѣ столь нищенски-бѣдны („Zum Golde drängt, am Golde hängt doch Alles! *Ach, wir Armen!*“).

Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ безпристрастно разобраться въ тѣхъ благахъ, которыми будто бы одаряетъ насъ торгово-промышленная культура, основанная на трудѣ большинства и на обогащеніи немногихъ. Если деньги сами по себѣ не могутъ быть благомъ, если „не въ деньгахъ счастье“, если даже въ благопріятнѣйшемъ для нихъ смыслѣ онѣ не цѣль, а только средство къ достиженію блага, провѣримъ, благо ли то, на что онѣ идутъ, для чего онѣ предназначаются. Капиталъ, говорятъ намъ „знатоки дѣла“ нуженъ для увеличенія силъ труда, для умноженія, улучшенія и удешевленія производства. Какого однако труда, и какого производства? Не тѣхъ, что̀ должно, по справедливости, назвать естественными и необходимыми: не сельскаго, благороднаго „земляного“ труда, рождающаго хлѣбъ насущный, и не кустарнаго, ручного, домашняго производства, не отчуждающаго отъ земли, отъ села и создающаго вещи первой необходимости. Но этотъ дѣйствительно нужный, не придуманный трудъ, какъ и это скромное производство, обходились и доселѣ обходятся безъ большого капитала, и даже несомнѣнно желательное развитіе, поддержка и улучшеніе того и другого не потребуютъ большихъ

затратъ. Не поэтому ли самому ученые экономисты, упоенные дурманомъ капитализма, и смотрятъ свысока, пренебрежительно и на сельское земледѣльческое хозяйство, и на сельскій кустарный трудъ, какъ на архаическія низшія степени экономическаго развитія? Капитализмъ входитъ въ свои права или, вѣрнѣе, приступаетъ къ самоуправству только съ побѣдою города надъ селомъ, машины и фабрики надъ ручною ремесленною работою. Торжество капитала—это измѣненіе сельскаго земледѣльческаго быта въ торгово-промышленный. Но чтобы рѣшить, что̀ торжествуетъ, въ данномъ случаѣ, добро или зло, надо опредѣлить конечную цѣль обоихъ видовъ труда: сельскаго, земледѣльческаго и городского, торгово-промышленнаго.

Побужденіе и цѣль перваго—*добыча необходимыхъ средствъ для существованія*, слѣдовательно *поддержка жизни*, спасеніе отъ гибели, *отъ смерти;* у второго же—*доставленіе удобствъ, комфорта, прихоти, роскоши и*, какъ средства ко всему этому—*богатства.* „Для выбора между тѣмъ и другимъ нужно только рѣшить: въ богатствѣ ли благо и въ бѣдности ли зло? Или же жизнь есть благо, а смерть зло?“ (Письмо ко мнѣ отъ 3 Августа 1900 г.). Можетъ ли быть что-либо проще этого вопроса? Возможно ли колебаніе въ рѣшеніи его для ума несбитаго съ толку и для чувства неизвращеннаго? И однако, какъ это ни гибельно для человѣчества, оно все еще не уяснило себѣ должнымъ образомъ этого перваго изъ вопросовъ жизни и рѣшаетъ его, сплошь и рядомъ, превратно. Искусственно привитой соблазнъ вещи, „вещелюбіе“ пересиливаетъ даже естественную любовь къ жизни, и дряхлѣющему человѣчеству, „возвращающемуся къ старческому младенчеству, также, какъ и на зарѣ существованія, приходится погружаться въ глубокое раздумье о томъ: „что̀ важнѣе: вопросъ ли соціальный о богатствѣ и бѣдности, то-есть о всеобщемъ обогащеніи, или же вопросъ естественный, о жизни и смерти, то есть о всеобщемъ возвращеніи жизни, не въ теоретическомъ лишь смыслѣ, разрѣшающемъ, почему сущее существуетъ, а и въ практическомъ, требующемъ рѣшить, почему живущее старѣетъ и умираетъ?“ Иными словами: „что̀ важнѣе, *общественныя* ли бѣдствія, то-есть *пауперизмъ искусственный* или же *общія природныя* бѣдствія, то-есть *пауперизмъ естественный?* Минующее ли, тлѣнное богатство есть добро и бѣдность зло? Или же жизнь, но, разумѣется, *безсмертная*, есть истинное добро, а смерть—истинное зло“. (Супраморализмъ или великій спнтезъ, вопр. 1). Къ стыду нашему надо сознаться, что какъ разъ послѣднее время проявляетъ особенную близорукость въ рѣшеніи этого вопроса, полагая, какъ это мы видимъ изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ, спасеніе человѣчества въ накопленіи богатствъ и въ распредѣленіи ихъ, а не въ обезпеченіи самой жизни и не въ борьбѣ со смертью. Соціализмъ еще рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ выдвинулъ вопросъ о богатствѣ и бѣдности на первый планъ и придалъ ему значеніе всеобъемлющее, отъ исхода котораго будто бы зависитъ вся грядущая судьба человѣчества.

На самомъ же дѣлѣ этотъ предполагаемый вопросъ будущаго есть уже отживающій; онъ не болѣе, какъ частный случай вопроса о жизни и смерти,

внѣ котораго, то-есть самъ по себѣ, онъ и неразрѣшимъ („12 Членная схема ученія небратскаго, неродственнаго, немирнаго состоянія міра". Вопр. 1). Дѣйствительно всеобъемлющимъ можетъ и долженъ быть признанъ вопросъ не объ излишествахъ (богатствѣ, комфортѣ, прихотяхъ), а о существенномъ, для всѣхъ всегда необходимомъ: о хлѣбѣ насущномъ и объ естественныхъ условіяхъ, отъ коихъ зависитъ само существованіе человѣка. Вѣрно и всякаго признанія достойно слово Писанія: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ"; но вмѣстѣ съ тѣмъ прошеніе о хлѣбѣ насущномъ включено въ молитву Господню. Въ Писаніи осуждается забота *о личномъ и излишнемъ*; забота же *о пропитаніи себя вмѣстѣ со всѣми*, основанная на знаніи и управленіи слѣпою силою природы, не можетъ быть осуждаема, потому что это значило бы осудить какъ все знаніе, такъ и общее всѣхъ людей дѣло. Хлѣбъ насущный есть и потребность насущная; но онъ же и существенная движущая сила, не только физическая, но и умственная: вся дѣятельность человѣческая есть проявленіе этой силы" („Вопросъ о братствѣ или о родствѣ и причинахъ небратскаго, неродственнаго, то-есть немирнаго состоянія міра", 2-я редакція статьи подъ этимъ заглавіемъ). Наконецъ, это есть и сила нравственная, такъ какъ обезпеченіе всѣмъ и всегда хлѣба насущнаго возможно только дружнымъ, добровольно соединеннымъ, повсемѣстнымъ трудомъ всѣхъ, то-есть мыслимо не иначе, какъ результатъ дѣйствительно-братскихъ, мирныхъ отношеній людей другъ къ другу.

Этому священному, величавому значенію заботы объ обезпеченіи хлѣба насущнаго всѣмъ и всегда, что̀ можетъ противопоставить такъ усердно рекламирующая себя современная и даже будущая торгово-промышленная культура? Уже одно ея названіе, какъ и пренебрежительное ея отношеніе къ земледѣльческому быту, показываетъ, что для нея продовольственно-санитарный вопросъ въ указанномъ смыслѣ—не главная цѣль. Не задумываясь надъ первичными причинами неурожая, она озабочена не устраненіемъ самихъ источниковъ голода, а палліативнымъ противодѣйствіемъ ему покупкою хлѣба или его суррогатовъ. „Были бы деньги" (такъ разсуждаетъ эта культура), а хлѣбъ найдется", для зажиточныхъ, конечно, для жителей городовъ и для странъ высокаго развитія, которымъ, пожалуй, даже и не стоитъ самимъ возиться съ первобытнымъ, малодоходнымъ, сельскимъ трудомъ, какъ въ Англіи, гдѣ территорія нѣсколькихъ графствъ служитъ мѣстомъ только для охоты крупныхъ землевладѣльцевъ (Вандервельде. „Бѣгство изъ деревни". Москва. 1904, 248). Для нихъ хлѣбъ найдется въ степяхъ Россіи, Аргентины и Австраліи! Забывается при этомъ только одно соображеніе, а именно: что искать гарантіи отъ голода въ развитіи торговли *чужимъ* хлѣбомъ и даже въ такъ называемомъ интенсивномъ сельскомъ хозяйствѣ, нуждающемся въ доставкѣ *чужеземнаго* удобренія (напр. Галапагосскаго гуано или Чилійской селитры для Англіи) значитъ *жить однимъ за счетъ другихъ*, дѣлать изъ однихъ существа привилегированныя, а другихъ лишать ихъ продуктовъ, заставлять село работать на городъ, превращать земледѣльческіе народы въ кормильцевъ и въ тоже время въ чернорабочихъ для народовъ фабричныхъ. Это искаженіе

ветхозавѣтной заповѣди труда, возложенной Творцомъ на человѣка: въ потѣ лица *своего* ѣсть хлѣбъ *свой*"; это искаженіе и новозавѣтной молитвы Господней, совершенно противоположной внушеніямъ „развитой торгово-промышленной культуры": „хлѣбъ *нашъ* (то есть *насъ всѣхъ, а не однихъ деньги имущихъ* для покупки *чужого* хлѣба) *насущный* (а не извлеченіе наибольшаго дохода изъ земли) даждь *намъ (всѣмъ намъ) днесь* (то-есть ограничиваясь лишь необходимымъ, а не дѣлая запасовъ и скупокъ для перепродажи, для барышей и для уклоняющихся отъ труда естественнаго и всеобщаго („Регуляція метеорологическая какъ исполненіе молитвы Господней"). Не задумывается торговопромышленная культура надъ тѣмъ, что практикуемая и оправдываемая ею эксплоатація природы (интенсивное хозяйство (?) и наибольшій доходъ) и ограбленіе „низшихъ расъ" въ силу „высшаго права (?!) странъ высшей (?!) культуры" (Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Спб. 1901, 267) не могутъ же продолжаться вѣчно и что, по мѣрѣ оскудѣнія природы и развитія низшихъ расъ, грозный вопросъ о хлѣбѣ насущномъ возстанетъ во всей своей насущной неотложности, несмотря на всю сѣть путей сообщеній и на всѣ мѣшки золота на міровомъ рынкѣ. Но... до этого далеко, а въ свое время прогрессъ найдетъ средства противодѣйствія затрудненію. На такихъ разсужденіяхъ успокаивается торгово-промышленное общество для того, чтобы отдаться всецѣло своимъ собственнымъ, ему присущимъ заботамъ и цѣлямъ: накопленію богатства, организаціи удобствъ жизни, комфорта, прихоти, роскоши, то-есть излишествъ, противоположныхъ насущному".

Въ критикѣ индустріализма и капитализма нашъ мыслитель проявляетъ строгость, которая многимъ покажется преувеличенною, но основные мотивы ея нельзя не признать вѣрными. Индустріализмъ, по его убѣжденію, поощряетъ развитіе всѣхъ дурныхъ страстей: корыстолюбія, властолюбія и сластолюбія. „Господство промышленности основано на отреченіи отъ града Божія, отъ будущей небесной жизни, отъ жизни со всѣми отцами, ради земного благополучія, изъ-за матерьяльнаго благосостоянія будто бы большинства, въ дѣйствительности же меньшинства, а именно богатыхъ". („Выставка 1889 года или наглядное изображеніе культуры, цивилизаціи и эксплуатаціи"). Въ самой основѣ индустріализма заложена чувственность, та *любовь къ вещи*, та *матеріализація*, которую, какъ мы видѣли выше, типичные представители вѣка считаютъ за его наиболѣе характерный и все возрастающій признакъ. Наше время, столь гордящееся мнимыми побѣдами надъ силами природы, въ сущности очень далеко отъ такого торжества; вѣкъ индустріализма не вноситъ въ природу ни разума, ни воли для *регуляціи* слѣпыхъ, фатально дѣйствующихъ силъ и для направленія ихъ къ цѣли сознательной, планомѣрной и благотворной; онъ довольствуется одною *эксплуатаціей* ихъ для низшихъ чувственныхъ потребностей. Это не правитель природы, это потворщикъ, сообщникъ ея злыхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по этому самому—и рабъ ихъ. Движущія слѣпою, не знающею нравственнаго долга природою начала: борьба за существованіе, вытѣсненіе слабѣйшаго сильнѣйшимъ, пассивнаго приспособленія къ средѣ и половой подборъ, становятся рѣшающими стиму-

лами и средствами и для человѣческихъ дѣйствій. „Источникъ индустріализма— половой подборъ, то-есть сознательное подчиненіе безсознательной силѣ, въ насъ и внѣ насъ дѣйствующей, безъ всякой мысли о совокупномъ противодѣйствіи ей или о союзѣ людей противъ этого коренного порока и грѣха со всѣми его послѣдствіями („Конференція мира“).

Чтобы убѣдиться въ правильности такого заключенія, кажущагося преувеличеніемъ, стоитъ только бросить взглядъ на то, что является какъ бы общедоступнымъ выводомъ и наглядньмъ итогомъ всей торгово-промышленной культуры, на любую всемірную выставку, лучше же всего на послѣднюю Парижскую. Это юбилейное торжество господства буржуазіи, третьяго, городского, торгово-промышленнаго сословія есть въ тоже время апоѳеозъ царства женщины, царства прихоти, роскоши и поклоненія чувственной красотѣ („Выставка 1889 г.“). Именно на этомъ базарѣ житейской суеты, воздвигнувшей у самаго своего входа статую женщины-соблазнительницы, гетеры, наслѣдницы Евы, Елены, Пандоры, Европы, Аспазіи, созерцающей себя въ зеркалѣ, орудіи самообожанія, гордой сознаніемъ, что она конечная цѣль современной культуры, — здѣсь, на выставкѣ, гдѣ даже матеріалы и орудія производства, предназначаемые для иныхъ, серьезныхъ цѣлей, получаютъ облицовку, постановку и сочетанія женоподобныя, блазнящія,—здѣсь мы наглядно убѣждаемся, въ какой степени и богъ войны Марсъ (на полѣ котораго и воцарилась выставка), и богъ горнозаводской промышленности и природныхъ земныхъ сокровищъ Плутонъ, и богъ богатства искусственнаго, торговлею создаваемаго Меркурій, и наконецъ, сама старая дѣвственница Минерва, изъ богини мудрости превратившаяся въ прислужницу распутной Аѳродиты,—всѣ склоняются передъ всемірнымъ владычествомъ этой послѣдней, ставшей первымъ божествомъ новоязыческаго международнаго Олимпа. На зарѣ просвѣщенія „искусство“ Эллинское, Парнасское или древне-Олимпійское, искусство гимнастическое (нагое, безодежное) служило приготовленіемъ къ военному государству и создало его; полнымъ проявленіемъ, выставкою этого гимнастическаго искусства были Олимпійскія, Пиѳійскія и другія игры, приготовлявшія къ внутреннимъ и внѣшнимъ войнамъ и дававшія содержаніе пластикѣ, поэзіи и другимъ искусствамъ. Греки дорожили красотою тѣла; современные Европейцы, повидимому, еще болѣе дорожатъ красотою одежды... Высшее, основное Европейское искусство есть искусство одѣваться, искусство половой борьбы, полового подбора, который и создалъ фабрично-промышленное государство... Наши „собранія“ (ассамблеи), балы и выставки замѣнили Греческія игры: здѣсь поприще для высшаго проявленія искусства наряжаться, при чемъ наряжаются не одни лица, но даже и вещи, все облекается въ благолѣпіе тлѣнія, фальсификаціи и непрочности. Это царство соблазна, игры и игрушекъ, гдѣ всѣ произведенія иногда тяжелого, иногда каторжнаго труда стараются очаровать человѣка соблазномъ любви къ вещи, подчинить ей его душу; это соборъ людей и вещей, разряженныхъ по вкусу женщинъ, съѣздъ жениховъ всѣхъ возрастовъ: отъ дѣтства, торопящагося жить чув-

ственностью, до молодящейся старости, маскирующей себя, ибо старость—величайшій порокъ въ царствѣ женщины. Вмѣстѣ съ тѣмъ—это царство чувственнаго наслажденія, гдѣ все зоветъ: „пій, яждь и веселись; знай, что иныхъ благъ, кромѣ выставленныхъ на этомъ поприщѣ, нѣтъ и быть не можетъ". Богъ—не духъ, какъ увѣрялъ наивный Галилейскій Мечтатель; „вещь—вотъ истинный Богъ, и нѣтъ иныхъ боговъ, кромѣ этихъ фетишей!" Небо сведено на землю, и на этомъ земномъ небѣ „нѣтъ мѣста для Лазарей; блаженны богатые, ибо имъ принадлежитъ царство земное, и горе бѣднымъ, слабымъ, больнымъ: имъ нѣтъ доли на пиру жизни!.. Накопляй же сокровища, пріобрѣтай вещи; посвящай этому жизнь; утилизируй, эксплуатируй, истощай природу, злоупотребляй ею на служеніе прихотямъ; убѣдись, что красота—въ непрочности, истина—въ фальсификаціи, благо же—въ забавѣ вещью и похотью, въ игрѣ, подъ которыми кроются однако борьба, вражда, насиліе, хищеніе и разрушеніе" („Выставка").

Но и не одно это, а и рабство, именно рабство среди погони за счастьемъ, за независимостью, за силою и властью! Производство предметовъ излишества, прихоти и роскоши не требуетъ ли громадныхъ заводовъ и фабрикъ, отравляющихъ землю и воду своими отбросами, воздухъ—зловоннымъ чадомъ своихъ трубъ, изрыгающихъ пламя и дымомъ застилающихъ лазурь неба и сіяніе дня?.. А внутри этихъ тюрьмъ, созданныхъ ради прихотей суеты, капризовъ моды или удобствъ жизни для рѣдкихъ баловней счастья,—тысячи рабочихъ, одуряемыхъ нескончаемымъ, однообразнымъ механическимъ трудомъ, безъ цѣпей прикованныхъ къ вѣчно стонущимъ и грохочущимъ машинамъ, приводимымъ въ дѣйствіе ватагами другихъ рабовъ, занятыхъ уже прямо каторжною работою въ глубокихъ нѣдрахъ земли, хранящей запасы солнечной теплоты, довольно, впрочемъ, быстро истощаемой!.. Только ослѣпленные зловѣщимъ блескомъ Ваала-Молоха, бога-пожирателя, не понимаютъ, что подпочва всей торгово-промышленной культуры, черный брилліантъ, каменный уголь, это слезы тѣхъ несчастныхъ, что, погруженные въ лоно земли, живыми, чуть ли не въ пятьсотъ разъ глубже мертвыхъ, трудятся надъ добываніемъ силы, идущей въ значительной степени на производство бездѣлушекъ, игрушекъ и тряпокъ! („Конференція мира").

Надъ этими рабами — цѣлый сонмъ другихъ, кажущихся свободными, часто не подозрѣвающихъ своего униженія и рабства; это техники, инженеры и другіе представители и прикладного, и теоретическаго, принципіальнаго знанія, естествоиспытатели, математики и вообще ученые. Наука, бывшая когда-то рабою богословія („Theologiae ancilla"), затѣмъ, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ ея сотрудницею и помощницею въ раціоналистической апологетикѣ и философіи, и наконецъ ея судьею и повелительницею въ XIX-мъ, сама стала быстро вырождаться въ прислужницу промышленности и торговли. Такое направленіе находитъ почти единодушное одобреніе; его поощряетъ политическая власть, пресса, даже Церковь: въ „Рѣчи о прогрессѣ", произнесенной по поводу Парижской выставки, Американскій кардиналъ Эйр-

лэндъ, назвавши современнаго человѣка „вторымъ Творцомъ“, приглашаетъ его „развивать, насколько возможно, силы природы, впрягая ихъ въ колесницу науки и *промышленности*, чтобы расширить арену *для торговли*“ (Ireland. L'Église et le Siècle, 201). Излишнее воззваніе! И безъ того прикладныя науки влекутъ къ себѣ умы и энергію, потому что наиболѣе оплачиваются; а, глядя на это, и такъ называемыя „чистыя“ науки впадаютъ въ нечистыя мечты объ обогащеніи, объ открытіи новыхъ источниковъ наживы или объ удешевленіи и расширеніи старыхъ способовъ ея. Наконецъ, даже жрецы музъ, именующіе себя „*свободными* художниками“, становятся несвободными слугами той же торговли и промышленности, биржи, конторы, фабрики, магазина, будуэра, салона, кафе-шантана: всѣ искусства, всѣ стихи работаютъ на прихоть, на роскошь, на забаву богача-кутилы, щеголя, свѣтской женщины, кокотки, и никого уже не оскорбляетъ превращеніе орнаментовъ древнихъ храмовъ и рукописей въ игру декадентской эстетики и въ орудія полового подбора („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“).

Но за этими порывами къ беззаботному наслажденію въ уютномъ тихомъ уголкѣ или въ свѣтской суетѣ роскошныхъ палатъ, за этою убаюкивающею совѣсть художественною оправою лѣни и безсердечія среди цѣлаго моря нищеты и всевозможныхъ страданій, — какая всемірная, какая лютая борьба изъ-за тлѣнныхъ благъ, затаённая, скрытая вражда, ежеминутно готовая перейти да и переходящая въ открытыя войны! Эта грустная истина признается даже и тѣми, кто въ богатствѣ видитъ якорь всеобщаго спасенія: „фактъ мирнаго конфликта въ погонѣ за удовлетвореніемъ своихъ желаній за чужой счетъ—не подлежитъ сомнѣнію“, говоритъ Генри Джорджъ (Progress and Poverty. 359). „Современный экономическій строй долженъ быть непрерывною борьбою“, заявляетъ Англійскій соціалистъ Бакъ (Bax, Religion of Socialism. 69). „Теперешняя политическая экономія (по мнѣнію выдающагося представителя Французской „Христіанской демократіи“ Леона Гармеля) основана на началѣ конкуренціи и борьбы. Евангеліе говоритъ намъ: „любите другъ друга“, а политическая экономія: „уничтожайте другъ друга“ (Nitti, Le Socialisme catholique, 303). Индустріализмъ и меркантилизмъ несомнѣнно отцы новѣйшаго милитаризма. Ростъ вооруженій и ужасовъ войны за послѣднее время всѣмъ вполнѣ очевиденъ; но далеко не всѣ хотятъ или умѣютъ уяснить себѣ, что главная причина того и другого есть какъ разъ тотъ хвалёный торгово-промышленный прогрессъ, въ развитіи котораго цивилизація видитъ гордость настоящаго и на почвѣ котораго она строитъ свои надежды на будущее всеобщее счастіе.

Перепроизводство — вотъ естественное слѣдствіе усовершенствованнаго машиннаго, заводско-фабричнаго производства. Съ другой стороны выбрасываніе на всемірный рынокъ огромной массы лишнихъ или скоро становящихся излишними товаровъ—нормальное слѣдствіе прихоти и моды, сходной въ этомъ отношеніи со слѣпою природою, рождающею колоссальное количе-

ство животныхъ или растительныхъ особей, для отбора изъ нихъ сравнительно немногихъ на выработку или продленіе рода съ обреченіемъ всего остального на гибель. Но, уподобляясь неразумной силѣ въ излишествѣ и безсмысленности дѣйствій, современный индустріализмъ превосходитъ ее по алчности и потому, не изъ жалости къ своимъ созданіямъ (которыхъ мода обрекаетъ на смерть гораздо скорѣе Кроноса), а изъ ненасытности къ наживѣ, ищетъ сбыта наудачнымъ или эфемерно старѣющимъ своимъ произведеніямъ въ странахъ мало-культурныхъ, отстающихъ отъ передовыхъ въ своихъ похотяхъ. Отсюда — поиски новыхъ мѣстъ сбыта, новыхъ рынковъ, борьба за овладѣніе ими, всѣми правдами и неправдами. Для разцвѣта этой колоніальной политики наиболѣе благопріятны мало-развитыя, „дѣвственныя“ земли; бѣда только въ томъ, что и онѣ, для принесенія „культуртрегерамъ“ ожидаемыхъ плодовъ, требуютъ предварительнаго удобренія, сильнѣйшаго изъ всѣхъ, удобренія человѣческою кровью, которая и льется обильно, чтобы подготовить приливъ золота къ центрамъ мірового прогресса. „Будущее (говорятъ современные дѣльцы) принадлежитъ не мирнымъ расамъ, скупымъ и трусливымъ, а расамъ—авантюристкамъ и завоевательницамъ. Имперіи созидаются въ крови, и ихъ цементируютъ кровью... Вся Европа и Новый Свѣтъ такъ поступаютъ на всѣхъ пунктахъ земного шара“ (Em. Fabre, Les Ventres Dorés. Acte II. 4 ed. P. 1905, 102—103). И столь убѣдительнымъ представляется этотъ фактъ современнымъ политико-экономамъ, что, по мнѣнію Бернштейна (Историческій матеріализмъ, 268) *„онъ долженъ стать руководящимъ и для соціалдемократіи“*. Еще бы! Вѣдь „право дикихъ на занимаемую ими территорію можетъ признаваться *лишь условно*; въ крайнемъ случаѣ, *на сторонѣ высшей культуры здѣсь и высшее право*“ (Тамъ же). Право ли однако?.. или же наглое насиліе могущественнаго надъ слабымъ, вооруженнаго и коварнаго надъ беззащитнымъ и простодушнымъ?..“

„Таково происхожденіе новаго милитаризма, сына крупной заводско-фабричной промышленности, требующей всеобщаго вооруженія для выполненія повинности всеобщаго истребленія ради умноженія матерьяльнаго богатства. Милитаризмъ современный разнится отъ прежняго и по происхожденію, и по цѣли, и по средствамъ. Старый милитаризмъ, священный, а новый, секуляризованный: старый защищалъ отечество, родную землю и сокрытый въ ней прахъ отцовъ, считая, что жизнь хороша только съ отцами, только въ отечествѣ („Ubi patria, ibi bene“). Оттого старый милитаризмъ оставлялъ посады, но до послѣдней возможности оборонялъ акрополи, капитоліи, кремли. Новый же милитаризмъ, полагающій, что отечество тамъ, гдѣ хорошо живется („Ubi bene, ibi patria“. Это безъ оговорокъ признаетъ „правовѣрный“ соціализмъ: Kautsky. Erfurter Programm. 247, а раньше Марксъ. Ср. Bebel, Die Frau. 350 f.), охотно отрекается отъ родины, эмигрируетъ, колонизируетъ, предпочитаетъ чужія, новыя мѣста роднымъ, старымъ; оставляетъ безъ защиты кремли и сёла съ могилами отцовъ и предковъ, защищаетъ города съ ихъ богатствами, фабриками, источниками богатствъ, съ ихъ товарными складами и магазинами, и выходитъ на завоеваніе новыхъ рынковъ.

Столь же глубокое различіе между старымъ и новымъ милитаризмомъ и въ способахъ дѣйствій. Первому нужна оборона своего, родного, то есть прежде всего средства защиты; второму, нападеніе на чужое, орудія разрушенія, истребленія, гигантскія скорострѣльныя дальнобойныя пушки, митральёзы, гаубицы, пулемёты, торпеды, мины, „усовершенствованныя“ взрывчатыя вещества; бездымный порохъ, динамитъ, меленитъ, роборитъ, шимозе... Для такихъ „усовершенствованій“, которыми талантливая младшая дочь Европейской культуры Японія перещеголяла свою мать и наставницу, индустріализмъ привлекаетъ къ труду своихъ холоповъ. Ученые, правда, часто негодуютъ на милитаризмъ, а между тѣмъ сами-же его усиливаютъ, прислуживаясь своими изобрѣтеніями мануфактурѣ и торговлѣ. („Вопросъ о братствѣ и т. д. 1 редакція); математики, физики, химики, техники, инженеры напрягаютъ силы знанія и своихъ дарованій, рискуя самою жизнью, для того, чтобы сдѣлать орудія смерти еще болѣе убійственными, еще болѣе смертоносными. Даже безпримѣрныя кровопролитія Портъ-Артура, Лаояна и Мугдена не въ состояніи отрезвить гуманную Европу отъ восхищенія передъ успѣхами союза науки съ войною и отъ расчетовъ во что̀, при дальнѣйшемъ „прогрессѣ“ этого рода, обойдется борьба за новые рынки и новые пути міровой торговли. Передъ свѣжими ужасами кровавой дѣйствительности мечты о разоруженіи, о вѣчномъ мирѣ кажутся большинству дѣтскими грёзами либо „политическою благоглупостью“, и если довольствоваться для нихъ одними тѣми соображеніями, которыя полагались доселѣ въ основу ихъ, съ Гаагскою Конференціей включительно, мечты эти дѣйствительно безнадежны, и призрачность ихъ могла бы быть доказана и безъ Англо-Бурской и Русско-Японской войнъ.

Изъ всего предыдущаго очевидно, что весь процессъ промышленнаго производства, торга и войны составляетъ одно цѣльное, порочное и злое во всѣхъ своихъ частяхъ дѣло. Современный милитаризмъ, неотдѣлимый отъ индустріализма, своимъ усовершенствованнымъ оружіемъ и усовершенствованными способами сообщенія возвратилъ человѣческій родъ, такъ самодовольно болтающій о мирномъ прогрессѣ, къ тому состоянію, въ какомъ онъ былъ въ самыя первобытныя времена повсемѣстной и постоянной войны („Конференція мира“). На то „homo homini lupus“ и война всѣхъ противъ всѣхъ, изъ теоріи Гоббса (появившейся именно въ Англіи и какъ разъ на разсвѣтѣ ея торгово-колоніальной политики) перешли на арену жизни, и весь ходъ всемірной исторіи получилъ характеръ эволюціи, которую слѣдуетъ назвать военною. Даже и во время такъ называемаго мира эта война не прекращается; изъ явной она только становится скрытою, но не менѣе лютою, коварною и гибельною: борьба классовъ, профессій, интересовъ, конкурренція, этотъ жизненный нервъ матеріальнаго прогресса съ точки зрѣнія политической экономіи, фальсификація, какъ средство удешевленія и допускаемаго безнаказанно обмана, реклама, какъ другое орудіе лжи и соблазна, полемика, диспутъ, злословная партійная критика, какъ общепризнанное орудіе раскрытія

истины и непризнанное, но ежеминутно примѣняемое орудіе раздора, расчета и убійства; словомъ, что все это, какъ не милитаризмъ въ самомъ обширномъ его значеніи? И не въ правѣ-ли мы видѣть въ предполагаемыхъ успѣхахъ мирнаго быта, возникающаго на основахъ торгово-промышленнаго строя, только періодическіе варіанты трансформизма войны?..

Но поддержкою вражды и розни не ограничивается зло индустріализма: онъ не только озлобляетъ человѣка противъ человѣка, онъ растлѣваетъ внутренно и самого его. Не говоримъ уже о принижающемъ вліяніи каторжнаго труда шахтъ, рудниковъ, плавильныхъ печей, сталелитейныхъ заводовъ и всѣхъ тѣхъ очаговъ производства, что́ непосредственно отравляютъ или истощаютъ организмъ. Даже и кажущаяся на видъ легкою фабричная работа настолько томительна своимъ однообразіемъ и безсмысленною механичностью, что обреченнымъ на нее даже сама война, въ качествѣ противоположности къ ихъ ежедневнымъ занятіямъ, можетъ показаться чѣмъ-то желаннымъ. Но, располагая къ войнѣ прямо и косвенно, фабричная работа лишаетъ однако занимающихся ею способностей къ войнѣ, губя силы и здоровье ненормальными условіями жизни („Выставка“): отсутствіемъ воздуха, свѣта, чистоты, движенія у однихъ и достаточнаго отдыха у другихъ. Кому же неизвѣстно, что кабакъ и публичный домъ, правое и лѣвое крыло фабрики, ихъ нормальные, неотлучные спутники? Всѣ это знаютъ, и относительно факта такой дружбы торгово-индустріальнаго прогресса съ пьянствомъ и развратомъ повѣрили бы В. Стэду и на слово, даже, если бы онъ и не прилагалъ справочнаго плана по этому вопросу примѣнительно къ одному изъ центровъ Новаго Свѣта (въ своей книгѣ „Если бы Христосъ пришелъ въ Чикаго“!). Непонятнѣе, какъ могутъ почти всѣ съ этимъ мириться, какъ съ неизбѣжностью. Не сознается ли гуманный историкъ *раціонализма*, историкъ Европейской *нравственности* Лекки, что основаніе каждой фабрики непремѣнно увеличиваетъ пьянство и развратъ, и не прибавляетъ-ли немедленно, что „всякій человѣкъ и каждое общество тѣмъ не менѣе одобрятъ основаніе фабрики?“ Одобритъ это, конечно, и правительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилитъ полицію, увеличитъ „мирный“ составъ войскъ, не оставитъ безъ увеличенія и состава судовъ... Но вотъ что просмотрѣлъ историкъ умственнаго и нравственнаго прогресса: что, если будемъ безпрепятственно давать волю такому развитію *предполагаемаго* матеріальнаго блага рядомъ съ *дѣйствительнымъ* нравственнымъ зломъ, въ недалекомъ будущемъ торгово-промышленные центры представятъ слѣдующую поучительную картину. Важнѣйшее, срединное мѣсто въ общежитіи займутъ фабрика и заводъ съ ихъ необходимыми придатками, трактиромъ, кабакомъ съ одной стороны и домомъ проституціи съ другой; торговый магазинъ съ вывѣсками и рекламами составитъ фасадъ величественнаго цѣлаго, его „казовую“ сторону, „товаръ лицомъ“, представленный и сопоставленный купеческою ловкостью при усердномъ содѣйствіи купленнаго ею „свободнаго“ искусства. Фабрика же, гдѣ люди на шесть дней превращаются въ винты, гайки, рычаги, клапаны и другія части сложной машины, фабрика съ притонами разгула и разврата, гдѣ фабричные проводятъ седьмой

день, будетъ изнанкою; и наконецъ самое послѣднее мѣсто, задворки заводовъ и фабрикъ займутъ университетъ и всѣ ученыя, учебныя и художественные учрежденія! Ученое сословіе, дѣля барыши съ третьимъ сословіемъ, то есть содѣйствуя обращенію людей четвертаго, фабричнаго сословія въ части машинъ, обезглавливая ихъ на всѣ шесть дней недѣли, показываетъ видъ, будто принимаетъ горячее участіе въ рабочихъ и въ седьмой день занимаетъ ихъ популярными чтеніями и общедоступными спектаклями, великодушно возвращая имъ на этотъ единственный день голову и чувство, которые такимъ образомъ для рабочихъ тоже, что̀ шляпа, надѣваемая по праздникамъ. Но, занимая вышесказанными поученіями и развлеченіями праздникъ, благодѣтели народа уже не оставляютъ времени для служенія Господу въ день Господень, такъ, что, за недосугомъ и отсутствіемъ посѣтителей, придется закрыть храмы, обреченные на вымираніе тамъ, гдѣ надъ Тропчнымъ Богомъ торжествуютъ Ваалъ, Меркурій, Вакхъ и Астарта. Участвуя въ дѣйствительномъ порабощеніи и обезглавленіи людей четвертаго сословія, ученые даютъ имъ мнимое, поддѣльное, удешевленное, популярное просвѣщеніе („тенденціозное, искаженное, невиданное еще доселѣ полу-образованіе“, по признанію даже сочувствующихъ соціализму: Göhre, Drei Monate Fabrikarbeiter, 152—155) вмѣсто дѣйствительнаго, самостоятельнаго, активнаго участія въ познаваніи; и въ тоже время ихъ „освобождаютъ отъ предразсудковъ, то есть отъ религіи, замѣняя ея авторитетъ своимъ собственнымъ (отзывъ Гарнака объ этой сторонѣ соціалистической пропаганды въ Verhandlungen des 9 Evangelisch-sozialen Kongress. in Berlin 1898, 141—2). Тѣже ученые, которые не вошли „въ долю“ съ прогрессомъ третьяго сословія, стараются вооружить противъ него четвертое. Таковы варіанты дѣятельности ученаго (но уже не „Латинскаго“), а международнаго квартала Торгово-промышленнаго Града Богатства въ его законченномъ видѣ.

Описанная группа зданій будетъ служить выраженіемъ политико-экономической мудрости посада, эксплуатирующаго село. Противъ же этой группы зданій должна расположиться другая, состоящая изъ казармъ для войскъ, изъ полицейскихъ частей, суда и тюрьмы, все вмѣстѣ, какъ необходимое дополненіе учрежденій 1-й группы. И эта 2-я группа будетъ выраженіемъ политико-юридической мудрости города, мудрости вспомоществующей торгово-промышленному классу совокупно съ рабочимъ классомъ въ эксплуатаціи села или пятаго сословія, потому что городъ относится къ селу какъ хищникъ, какъ плотоядное животное къ травоядному. Душу города составляетъ такимъ образомъ двойной прогрессъ: 1) торгово-промышленный, постоянно усиливающій внутреннюю борьбу и 2) полицейско-судебный, обязанный сдерживать ее, предупреждать столкновенія постояннымъ надзоромъ надъ всѣми и карать выходящихъ за предѣлы дозволенной свободы. Наконецъ, извнѣ этотъ городъ, это не братство, а гражданство, это не отечество, а безродное государство, это принудительный рабочій домъ—острогъ, съ кафе-шантаномъ и борделью для охмеленія послѣ труда, извнѣ этотъ городъ долженъ быть представленъ крѣпостью со всѣми усовершенствованіями въ наступа-

тельныхъ и оборонительныхъ орудіяхъ войны, этой союзницы и слуги лицемѣрнаго будто-бы мирнаго развитія, что̀ и представляетъ третью сторону современнаго прогресса, прогрессъ военный. Новѣйшей цивилизаціи, такъ много говорящей о братствѣ народовъ и общечеловѣческихъ интересахъ, крѣпость необходима не менѣе, чѣмъ замкнутой въ узкіе предѣлы и разобщенной на мелкіе союзы средневѣковой: она понадобилась Парижу противъ нашествія Берлина; Гибралтаръ нуженъ Англіи какъ ключъ средиземно-морской торговли, Суецъ какъ ключъ мирового морского транзита; конкуррируя съ Джопомъ-Булемъ, Американскій „Самъ“ ставитъ заблаговременно Тихо-океанскіе форпосты на Филиппинахъ. Это все предупредительныя мѣры на путяхъ международнаго сближенія въ области „мирныхъ интересовъ“ и притомъ между соплеменниками или „добрыми сосѣдями“... Но ждется и нѣчто бо̀льшее: бѣлый промышленный Западъ не всегда будетъ тріумфаторомъ надъ желтымъ Востокомъ и чернымъ Югомъ; онъ уже не смѣетъ сказать: „не боюся я Востока“, потому что Востокъ не только не спитъ глубоко, но пробудился болѣе грознымъ, чѣмъ въ дни Вавилона и Ниневіи, чѣмъ въ дни Аттиллы, „бича Божія“, Батыя и Тимура, и „желтая опасность“, панмонголизмъ, облекавшаяся еще такъ недавно въ форму апокалипсическихъ видѣній („Три разговора. Антихристъ“ Соловьева), стала уже дѣйствительностью и дѣйствительностью ужасною, въ осуществленіи которой виновны именно алчность и ненасытность торгово-промышленнаго Запада: послѣ Японскихъ побѣдъ невозможно уже скрывать, что Западъ изобрѣтаетъ и куетъ оружіе и обучаетъ его употребленію земледѣльцевъ и кочевниковъ Востока для пораженія самого же себя этимъ же самымъ оружіемъ. Иначе и быть не можетъ: „извлекшій мечъ отъ меча и погибнетъ!“ („Выставка“).

Какъ ни велики перечисленныя бѣдствія, порождаемыя индустріализмомъ и меркантилизмомъ, они все еще не исчерпываютъ мѣру ихъ прегрѣшеній. Остаётся раскрыть еще одинъ грѣхъ, грѣхъ величайшій, первородный въ данномъ случаѣ, тотъ, отъ котораго плодятся и множатся всѣ остальные пороки и преступленія. Это утрата смысла и цѣли жизни, измѣна долгу существованія, замѣна дѣла любви всеобъемлющей узкимъ себялюбіемъ, корыстью, прихотью, забавою, похотью. Если единственнымъ здоровымъ, единственнымъ нравственнымъ опредѣленіемъ жизни можетъ быть лишь: „жить не для себя только и не для однихъ другихъ, а со всѣми для всѣхъ“, то жизнь, основанная на началѣ торгово-промышленномъ есть принципіальное отреченіе отъ этого опредѣленія, узаконеніе ложной и безнравственной противоположной основы. Въ обществѣ, въ которомъ одни трудятся на другихъ, гдѣ одни богатѣютъ за счетъ другихъ, люди раздѣлены на два противоположныхъ лагеря: одни живутъ только для себя, другіе—только для другихъ; а при такомъ дѣленіи, неизбѣжно приводящемъ къ ненависти, зависти, враждѣ и борьбѣ, добровольное согласіе, то-есть жизнь со всѣми для всѣхъ, невозможно.

Невозможна и родственная любовь, основа нравственности, такъ какъ объектъ любви здѣсь не люди, а вещи; высшая цѣнность здѣсь не душа

безсмертная, а тлѣнное богатство матеріальное. На Евангельскій вопросъ: „что̀ дастъ человѣкъ за душу свою?“ отвѣтъ далъ поэтъ, можно сказать, всей новой Европы, не менѣе, впрочемъ, почитаемый и Новымъ Свѣтомъ: въ лицѣ Фауста Гёте изобразилъ человѣка, продающаго свою душу за чувственное наслажденіе; въ наукѣ онъ разочаровался, мыслью не удовлетворяется; наука вѣдь не даетъ ни счастья, ни полнаго знанія, а крылья мысли, по его убѣжденію, никогда не могутъ сдѣлаться тѣлесными; вотъ онъ и продалъ душу за наслажденіе. Дѣйствительный же современный Фаустъ, особенно Англійскій, далеко не былъ столь грандіозенъ: уподобляясь даже не юношѣ, рвущемуся „отъ страстнаго желанія къ наслажденію и въ наслажденіи вздыхающему о желаніяхъ“, а уже ребенку, этотъ новѣйшій Фаустъ продалъ душу за мануфактурныя лишь игрушки, сходенъ въ этомъ отношеніи больше со старымъ Англійскимъ Фаустомъ (Марло̀), продавшимъ себя ради денегъ, на которыя и пріобрѣтаются продукты фабричнаго индустріализма. Впрочемъ, въ концѣ концовъ и Нѣмецкій Фаустъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ осушить болото и завести на его мѣстѣ *фабрику* (Faust. 2 Theil). („Выставка 1889 года“).

Эта эволюція души современнаго человѣка, оканчивающаяся атрофіей души, есть результатъ цѣлаго ряда измѣнъ: „измѣнивши въ началѣ Отцу Небесному въ своемъ паденіи, въ нарушеніи заповѣди Отца ради исполненія желанія жены, человѣчество совершило вторую измѣну въ оставленіи земледѣлія и села, то-есть праха своихъ предковъ, измѣну роду и племени ради устройства города или юридико-экономическаго общества вмѣсто семьи и родственной общины. Изъ этого корня со временемъ выросла и третья измѣна Христіанству, выросъ Католицизмъ, обратившій даже самый законъ благодати въ законъ юридическій. Наконецъ, наиболѣе полное выраженіе измѣны Христіанству представила Англія, создавшая политическую экономію, въ которой всѣмъ людямъ дается новая оцѣнка, не нравственная уже и даже не юридическая, а денежная, гдѣ люди трактуются какъ товаръ, цѣнность коего опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра. Въ чемъ наша задача?“). „Само просвѣщеніе“ говоритъ одинъ изъ ученыхъ соціализма, „стало товаромъ и уже обезцѣненнымъ. Если прежде говорили объ аристократіи духа, теперь толкуютъ уже о пролетаріатѣ интеллигенціи... Она взята внаймы купцомъ, фабрикантомъ, банкиромъ, биржевикомъ; она перестала быть духовнымъ вождемъ буржуазіи... она сама стремится выбиться впередъ, нажиться; не развитіе, а разцѣнка и оплата ея духовныхъ имуществъ составляютъ теперь ея серьезнѣйшую заботу, а проституированіе себя, продажа своихъ убѣжденій,—у нея главное средство успѣха... Вотъ что сдѣлалъ капиталистическій способъ производства изъ идеалистовъ, изслѣдователей и мыслителей!“ (Kautsky. Das Erfurter Programm. 51—54). Но, констатируя этотъ фактъ, соціализмъ не замѣчаетъ, что онъ самъ является завершеніемъ пути отъ ложнаго начала къ ложной цѣли. Это начало (матеріальнаго обогащенія какъ задачи жизни) расширяется до значенія

универсальнаго, до стимула, движущаго всею исторіей человѣчества. Сбудутся ли или обманутъ надежды соціализма, одно пока, по его собственному признанію, несомнѣнно, что „торговая зараза—этотъ вампиръ, передъ которымъ честь, совѣсть и нравственность теряютъ смыслъ“ (Bax. Religion of Socialism. 91), распространяется, люди перестаютъ быть людьми и обращаются въ купцовъ, продающихъ свои таланты и знанія; весь міръ становится „державою купца“, отношенія нравственныя, сердечныя, душевныя все болѣе замѣняются ледяными юридическими, „дѣловыми“, мундирными, канцелярскими и конторскими; усовершенствованная регламентація вездѣ и во всемъ придаетъ обществу чисто-механическій обликъ, и получается уже вѣроятность, что доведенное до совершенства безукоризненной машины общество достигнетъ такого высокаго уровня развитія, что не будетъ нуждаться даже въ выдающемся индивидуальномъ умѣ, не говоря уже о личномъ чувствѣ или душѣ“ („Вопросъ о причинахъ и т. д.“). Если исторія, въ ея истинномъ значеніи, есть психическая задача, въ смыслѣ не только изученія, но и пробужденія души, родственнаго чувства, то соціологія вмѣстѣ съ ея заключительною главою, соціализмомъ, есть наука о бездушномъ обществѣ, наука разобщенія у однихъ и порабощенія у другихъ“ (Вопросъ о братствѣ и т. д.). „Политическая экономія есть Іудина наука, какъ назвалъ ее одинъ изъ Славянофиловъ“ (тамъ же); она научаетъ измѣнамъ, предательству: измѣнамъ сыновнему и братскому долгу и дѣлу, предательству родства и отечества ради чувственности и наживы. Экономическая цѣль жизни, накопленіе богатствъ, есть „домостроительство погибели, а не спасенія“ (тамъ же).

Погибели, несомнѣнно, общей! Но эту ужасную истину всего менѣе сознаютъ одурманенные бѣшеною погонею за колесомъ фортуны, хотя оно-то и есть колесо ненасытнаго Джагерната, подъ оборотами котораго гибнутъ не одни избранники несчастія, а безъ разбора и безъ исключенія всѣ и все: „нынѣ я, а завтра—ты,—все во имя суеты!“ Болѣе нравственный и потому менѣе сильный въ этой борьбѣ тѣла противъ души гибнетъ однако раньше перешагнувшихъ „по ту сторону добра и зла“ въ этой „переоцѣнкѣ цѣнностей“, эксплуатируемые раньше эксплуататоровъ, жертвы „высокой культуры“ раньше ея палачей, вѣрные отеческимъ преданіямъ раньше измѣнниковъ и ренегатовъ, бѣдняки раньше богачей, село раньше города. Остановимся вниманіемъ на послѣднемъ, на *гибели села*, приносимаго въ жертву городу, ибо это явленіе, имѣющее значеніе центральное во всемъ вопросѣ.

Самый фактъ обезлюденія деревни, вслѣдствіе переселеній въ города—внѣ всякаго сомнѣнія; онъ у всѣхъ передъ глазами и успѣлъ уже не только вызвать цѣлую научную и публицистическую литературу *), но и проникнуть

*) Веберъ. Ростъ городовъ въ XIX столѣтіи, пер. Котельникова. Спб. 1903. Meuriot. Les agglomérations urbaines dans l'Europe contemporaine. Paris. 1898. Rumelin. Stadt und Dorf. Allendorf. Der Zuzug in die Städte. Iena. 1901. Graham. The Rural Exodus. London. 1892. Вандервельде. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Москва. 1904. Méline. Rétour à la Terre. Paris. 1905, и др.

въ область художественнаго творчества (Трилогія Бельгійскаго поэта-символиста Emile Verhaeren'a: „Compagnies hallucinées“; „Villes tentaculaires“ и „Aubes“). Какой печальный переворотъ произошелъ въ этомъ отношеніи въ XIX вѣкѣ; видно изъ того, что сто лѣтъ тому назадъ во всей Европѣ было только 22 города, имѣвшихъ населеніе свыше 100,000 чел., при чемъ сумма населенія всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, равнялись 4.700,000 человѣкъ, или $^1/_{35}$ всего континентальнаго населенія, тогда какъ въ концѣ вѣка число такихъ городовъ дошло уже до 147 съ 40 милліонами жителей, что равняется $^1/_{10}$ всего населенія Европы (Веберъ, 23 и сл.). Въ Англіи уже $^2/_3$ всѣхъ жителей страны сосредоточились въ городахъ, и одинъ Лондонъ не только на много превысилъ людностью сумму обитателей всѣхъ прежнихъ городовъ ($6^1/_2$ мил. противъ 4, 7), но и населеніе многихъ Европейскихъ странъ (Баваріи и друг. мелкихъ Нѣмец. государствъ, Греціи, Сербіи, Болгаріи, Румыніи, Даніи, Швейцаріи), почти сравнялся съ Бельгіей и Швеціей съ Норвегіей и превзошелъ всѣ независимыя государства Азіи, кромѣ Японіи, Китая и Персіи и всѣ Американскія, кромѣ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ, Мексики и Бразиліи!

Этому чудовищному росту городовъ, обольщающихъ деревню своими соблазнами и, подобно морскимъ головоногимъ („Les villes tentaculaires“) втягивающимъ ее въ себя и высасывающимъ ея силы, пропорціоналенъ ростъ цѣлаго ряда общественныхъ бѣдствій. Уже Руссо назвалъ города „пропастями, поглощающими человѣческій родъ“; новѣйшіе статистики и политико-экономы подтверждаютъ за ними репутацію не только ненасытныхъ поглотителей произведеній природы и труда, но и настоящихъ пожирателей людей. Даже рѣзкія краски Золя („Le Ventre de Paris“) кажутся блѣдными сравнительно съ цифровыми данными о потребленіи брюхомъ Парижа, Лондона, Берлина и Нью-Іорка пищевыхъ продуктовъ, доставляемыхъ изъ ближнихъ и дальнихъ краевъ всего земного шара. Но что все это значитъ сравнительно съ гекатомбами, приносимыхъ имъ въ жертву человѣческихъ жизней фальсификаціей и скудностью пищи, голодовками бѣдняковъ рядомъ съ обжорствомъ богачей, удушеніемъ нищихъ рядомъ съ пышными палатами роскоши, ростомъ чахотки и сифилиса, алкоголизмомъ, развратомъ, уменьшеніемъ рождаемости, возрастаніемъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней и самоубійствами! Все это видитъ, подсчитываетъ и анализируетъ современная городская цивилизація, смакуетъ въ пикантныхъ или потрясающихъ художественныхъ изображеніяхъ, лицемѣрно или малодушно оплакиваетъ на гуманистическихъ и филантропическихъ конгрессахъ, публичныхъ лекціяхъ и въ проповѣдяхъ... и оставляетъ зло неизмѣннымъ въ его основахъ, находя городскую централизацію неизбѣжнымъ слѣдствіемъ централизаціи экономической. Охотно взваливая отвѣтственность за этотъ грѣхъ на капиталистическій строй, прожектёры новаго, соціалистическаго порядка не умѣютъ однако сами выйти изъ той же дилеммы; не умѣютъ, да, въ строгомъ смыслѣ, и не хотятъ, находя, что переселеніе изъ деревень въ города „не безусловное зло и всѣми было бы признано даже полезнымъ, если бы сдерживалось въ извѣстныхъ границахъ“ (Вандервельде, 23).

Еще очень недавно вожаки соціализма смотрѣли на сельскій бытъ, какъ на архаическую, отживающую форму общежитія, и не столько перемѣна теоретическихъ убѣжденій, сколько практическія соображенія (главнымъ образомъ расчетъ въ избирательной борьбѣ) заставили ихъ смягчить свой суровый приговоръ надъ деревнею. Но и сейчасъ они не скрываютъ, что „развитіе соціализма стоитъ въ прямой связи съ ростомъ городскихъ агломерацій", съ перевѣсомъ города надъ деревнею. (Вандервельде. 226—229), съ централизаціей производства; „мелкопомѣстный крестьянинъ" попрежнему остается для соціализма „стѣсняющимъ, тормазящимъ элементомъ" (Bebel. Die Frau, 315). Положимъ (для успокоенія этого неудобнаго избирателя) „Эрфуртская Программа" не требуетъ обязательной экспропріаціи мелкаго землевладѣнія и мелкаго мастерства, но потому лишь, что то и другое и безъ внѣшнихъ принужденій осуждено на быстрое вымираніе: они прекратятся сами собою за невыгодностью и невозможностью соперничать съ крупнымъ производствомъ и интенсивною эксплуатаціей (Kautsky. Das Erfurter Programm. 150—1, 153).

Если послѣ этого соціалисты увѣряютъ, что въ Обществѣ Будущаго уничтожится противорѣчіе между городомъ и деревнею (Bebel. 312—3, 315. Kautsky. 153) и воспослѣдуетъ бытовая децентрализація: изъ этого было бы совершенно неправильно заключать о сознаніи соціалистами коренного зла индустріализма и объ осужденіи искаженнаго городскаго быта по существу. Ничего подобнаго! Только въ своей юношеской, романтической порѣ развитія, еще до разцвѣта машиннаго производства, соціализмъ, въ лицѣ Фурье и другихъ „истинныхъ друзей рѣпы и капусты" (Fourier. Harmonie Universelle et le Phalanstère. 1849. I, 284) могъ предаваться пасторальнымъ мечтамъ о такомъ благоденствіи, въ которомъ промышленность ограничивалась бы лишь второстепеннымъ, добавочнымъ значеніемъ при сельско-хозяйственныхъ трудахъ. Но уже Пеккёръ (Pecqueur. Les intérets du commerce. Paris, 1839), находя, что большая часть завидныхъ результатовъ цивилизаціи, въ томъ числѣ большія мануфактуры и торговая промышленность, сосредоточена въ городахъ (тогда какъ „въ деревняхъ одно изолированное и словно осужденное на изгнаніе земледѣліе, умственная спячка, огрубеніе способностей и косность) надѣется, что въ недалекомъ будущемъ, главнымъ образомъ благодаря торжеству пара, деревни „урбанизируются", появятся и въ нихъ благодѣтельныя фабрики и промышленныя заведенія, а вслѣдъ за ними и комфортабельные дома, тогда какъ большіе города, „необходимые для цивилизаціи" и продолжающіе расширяться, будутъ походить на рядъ дачъ, не лишенныхъ, какъ теперь, земли, неба, воздуха и растительности (I, 121—2, 172). Новѣйшіе соціалисты не скрываютъ, что такая *урбанизація деревни* составляетъ и ихъ идеалъ: „индустрія перенесется въ сельскую равнину (Kautsky, 153) или въ Альпійскія мѣстности (Вандервельде), словомъ, въ деревню" (Bebel, 314), но останется вѣрна своимъ задачамъ, путямъ и пріемамъ, не вернется къ скромному кустарному домашнему ремеслу; „ходъ экономическаго развитія и въ соціалистическомъ обществѣ останется тотъ же: крупное производство

будетъ расти, а мелкое вымирать (Kautsky, 151), спасти его невозможно" (Bebel, 236), побѣдоносное шествіе по странѣ крупнаго капиталистическаго фабричнаго производства есть доминирующій фактъ экономической эволюціи" (Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ. 461).

Не городъ, слѣдовательно, капитулируетъ передъ селомъ, а деревня послѣдуетъ по стопамъ города; *урбанизація села* выразится въ *индустріализаціи его самого и земледѣлія*. Вмѣсто производства дешевыхъ хлѣбныхъ злаковъ, которыхъ еще Линней (въ похвальномъ впрочемъ смыслѣ словъ) назвалъ „плебеями растительнаго царства, чернью, деревенщиной, но и кормильцами человѣческаго рода", брюхо столичныхъ гастрономовъ побуждаетъ теперь жителей деревни заняться интенсивнымъ огородничествомъ и плодоводствомъ, парниковой и тепличной насильственной выгонкой овощей и фруктовъ въ противоестественную пору года и въ неестественныхъ формахъ и величинахъ. Эти „фабрики раннихъ деликатессовъ" (primeurs) и „фабрики пищевыхъ консервовъ" представляютъ собою типичную для городского вліянія попытку индустріализаціи земледѣлія; но ихъ недостаточно для сторонниковъ урбанизаціи деревни. Настоящія промышленныя учрежденія, заводы и фабрики, сначала по необходимости (по расчету), отступившія отъ центра городовъ на окраины, двинулись теперь къ деревнямъ, не для обогащенія ихъ, конечно, а для удешевленія платы за землю и за помѣщеніе, за трудъ и содержаніе рабочихъ и для пользованія даровыми водяными двигателями, благодаря вновь открытымъ способамъ передачи моторной энергіи на далекія разстоянія. И вотъ утесы, ущелья и водопады Ніагары, Скалистыхъ горъ, Канады, Швейцарскихъ и приморскихъ Альпъ, озарились свѣтомъ электричества и огласились стонами паровыхъ молотовъ, скрежетомъ и лязгомъ заводскихъ и фабричныхъ машинъ, а изъ гигантскихъ дымовыхъ трубъ смрадный чадъ „усовершенствованнаго производства" тяжелыми вздохами сталъ подниматься туда, „гдѣ парили лишь туманы, да цари-орлы", къ великой радости и капиталистовъ, и соціалистовъ, одинаково находящихъ „весьма желательнымъ, чтобы эта политика промышленныхъ предпринимателей упрочивалась и развивалась *во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ*" (Вандервельде 275), среди которыхъ не слѣдуетъ однако забывать алькоголизмъ и развратъ, также во всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ.

Конечно, въ противовѣсъ всѣмъ этимъ бѣдамъ спѣшатъ противопоставить приманку будто бы возрастающаго матеріальнаго благосостоянія. Но если бы она даже и оказалась не даромъ Данайцевъ, въ состояніи ли она вознаградить за другую утрату, которую терпитъ человѣчество, замѣняя естественный сельскій бытъ искусственнымъ, городскимъ, торгово-промышленнымъ? Каковы бы ни были матеріальные результаты индустріализма и меркантилизма, они, все равно, не могутъ, не смѣютъ быть рѣшающими побужденіями для опредѣленія характера и цѣли человѣческой дѣятельности. *Соціальныя отношенія нельзя ставить вне этики* („Вопросъ о братствѣ и т. д."): неизмѣримо выше того, что̀ выгодно, стои̇тъ то, что̀ нравственно, и впереди

вопроса о наживѣ, о доходѣ и барышѣ царитъ вопросъ о выполненіи долга *и долга*, разумѣется, *реальнаго, то-есть нравственнаго, а не фиктивнаго, денежнаго.*

Съ этой-то точки зрѣнія и подлежитъ весь торгово-промышленный строй наиболѣе тяжкому осужденію. Его призрачный прогрессъ, тріумфъ машины, фабрики, конторы, банки, биржи, города, основанный на умноженіи богатствъ вещественныхъ, неразрывно связанъ съ конкуренціей, то-есть съ завистью и борьбою другъ противъ друга, съ рекламою, то-есть самохвальствомъ и соблазномъ, а часто и обманомъ, наконецъ, съ вытѣсненіемъ слабѣйшаго сильнѣйшимъ (капитализмъ и борьба классовъ, завоевательная и колоніальная, эксплуатаціонная политика); а все это есть непрерывное, всестороннее расширеніе и усиленіе небратскихъ враждебныхъ отношеній между людьми („Вопросъ о небратскихъ отношеніяхъ"), а слѣдовательно, вѣрный путь ко всеобщей гибели. Вотъ почему только что указанное, на ложномъ началѣ основанное разрѣшеніе противоположности между городомъ и селомъ (урбанизація села) не спасеніе отъ зла, а вящее его усугубленіе, задушеніе села городомъ, искорененіе души даже въ ея первоначальныхъ и наиболѣе живучихъ твердыняхъ, внесеніе растлѣвающаго и мертвящаго городского соблазна туда, гдѣ теплится послѣдній слабый огонекъ родственнаго чувства. Естественный вопросъ о жизни и смерти, о долгѣ, вытекающемъ изъ смерти, дающемъ смыслъ жизни и обусловливающемъ ея спасеніе, затемняется вопросомъ о бѣдности и богатствѣ, о погонѣ за доходами и барышами; благородная и спасительная *всеобщая повинность участія во всеобщемъ трудѣ всеобщаго спасенія замѣняется губительнымъ правомъ на участіе немногихъ, многихъ или всѣхъ, въ комфортѣ*, а если можно, такъ и *въ прихотяхъ* и *въ излишествахъ*, а также и *въ досугѣ*, то-есть (за отсутствіемъ истиннаго дѣла) въ праздности. Однимъ словомъ, это есть превращеніе сына человѣческаго, вѣрнаго долгу отцамъ, въ сына блуднаго, оставившаго домъ отчій, забывшаго долгъ сыновній и замѣнившаго отцелюбіе вещелюбіемъ, женолюбіемъ и другими пороками („Вопросъ о братствѣ и т. д. 2 редакція).

Для человѣчества, желающаго мира всего міра, жизни дѣйствительно-братской, невозможной, какъ и само братство, безъ отечества, нормальною жизнью можетъ быть только жизнь сыновъ, неразлучающихся съ отцами, давшими имъ жизнь и ждущими отъ нихъ *уплаты долга, возврата жизни, эквивалентомъ которой не можетъ быть никакая вещь, никакое богатство* никакой продуктъ индустріализма, ни одинъ объектъ торговли, купли-продажи. Такова по своему назначенію *жизнь сельская*. Оба другихъ образа жизни, *кочевой* и *городской*, уклоненія отъ единой нормальной: кочевая форма недозрѣвшая до истинной, а городская—уклонившаяся отъ нея, отживающая, ведущая къ гибели („Супраморализмъ", вопросъ VII). Процессъ вырожденія нормальнаго, здороваго образа жизни въ аномальный, болѣзнетворный глубоко поученъ потому именно, что съ полною наглядностью раскрываетъ намъ параллельный поступательный ходъ того накопленія матеріальныхъ богатствъ, въ которомъ видятъ прогрессъ настоящаго надъ прошедшимъ и задачу бу-

дущаго. Первоначальная *общинная жизнь* патріархальныхъ временъ сомкнулась какъ бы объятіемъ любви вокругъ земли въ буквальномъ смыслѣ отеческой, вокругъ кладбищъ, хранившихъ прахъ отцовъ и предковъ, вокругъ „дѣдинцевъ"-кремлей, которые именно поэтому и защищались такъ самоотверженно сынами, что они были ихъ величайшею святынею. Обособленіе родовъ и вытекающее изъ него постепенное отчужденіе ближайшихъ родственныхъ группъ отъ дальнѣйшихъ выразились наглядно, бытовымъ образомъ, въ возрастаніи *значенія семейнаго жилища*, родного дома. Какъ всякая религія есть первоначально культъ отцовъ, такъ и первоначальное святилище есть хранилище праха всѣхъ отцовъ, кладбище, кремль. Начавшееся обособленіе родовъ переноситъ алтарь, бывшій доселѣ всеобщимъ, въ частный домъ, въ жилище родовыхъ ларовъ и пенатовъ; черезъ это родовое, семейное жилище пріобрѣтаетъ священное значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ побужденіе и къ внѣшнему его улучшенію: первоначальный, простѣйшій кровъ, пещера, шалашъ, изба, „убѣгъ" отъ непогоды, „пристанище" для необходимаго отдыха, становятся мѣстомъ продолжительнаго пребыванія, осѣдлости, признакомъ собственности, сторожемъ богатства, укрѣпленіемъ для охраны его, замкнутымъ отъ сторонннхъ лицъ (обращеннымъ внутрь въ Римѣ и на Востокѣ, въ противоположность первоначальному всѣмъ открытому шатру кочевника). Жилище становится мѣстомъ безопасности отъ враговъ, „покоемъ"; но безопасность, спокойствіе и довольство куплены цѣною обособленія, отчужденія отъ братьевъ, превращающихся въ соперниковъ въ борьбѣ за вещественныя блага. Столь восхваляемая неприкосновенность жилища, смѣнившая старинное гостепріимство, превращаетъ это жилище на „правовомъ" Западѣ въ крѣпость (говорятъ же Англичане съ гордостію: „мой домъ—моя крѣпость!"), а на безправномъ мусульманскомъ Востокѣ—въ тюрьму безъ оконъ на улицу. Для того же, чтобы жизнь въ крѣпости не совсѣмъ превратилась въ тюремное заключеніе по унынію, домъ требуетъ уютной и красивой обстановки, комфорта, а за нимъ вслѣдъ, по возможности, и роскоши. Семейное жилище людей обособившихся, закупорившихся отъ братьевъ и забывшихъ объ отцахъ, кладбище коихъ въ эту пору цивилизаціи изъ центра общежитія вытѣсняется на окраины, если не совсѣмъ упраздняется (кремація), современное жилище, этотъ „home side at home", изъ алтаря родственныхъ чувствъ, угасшихъ въ сердцахъ его обитателей, становится капищемъ для культа вещи, художественною игрушкою, принимаемою за дѣйствительность, для которой уже все закончено, нѣтъ уже упованія, нѣтъ будущности, остается одна безвыходность. Это капище, этотъ домъ-фетишъ можетъ быть и прекрасно, и уютно, и комфортабельно, и пышно устроенъ; но, взятый въ своей обособленности, въ своемъ одиночествѣ, въ своей исключительности, онъ способенъ привести къ отчаянію, навести ужасъ".

„Какая противоположность въ этомъ отношеніи между Англіей и Россіей! Англія, окруженная океаномъ, „на отоцѣ моря" расположенная, можетъ считаться превосходною крѣпостью, внутри которой живущіе могли свободно

предаваться *своимъ* дѣламъ, жить для самихъ себя, изолируясь отъ другихъ. Россія, наоборотъ, не имѣетъ никакой естественной защиты. Отсюда и *служилый* характеръ ея населенія; оттого она страна „*скородомовъ*“ и „*скорогорожъ*“, какъ и страна *обыденныхъ*, однодневно создававшихся *храмовъ*, незнакомыхъ Западу, строившему свои готическіе соборы иногда цѣлыми вѣками. Постройки на Руси при такихъ условіяхъ принимали временный характеръ; жилища не могли стремиться къ законченности, обращаться въ идоловъ, изъ нихъ не творили кумировъ; при нападеніи и разгромѣ ихъ оставляли почти безъ сожалѣнія; при побѣдѣ же или по уходѣ врага возвращались не къ ихъ пепелищу, а къ родной землѣ, къ праху отцовъ, изъ котораго не только жилье сыновъ, но и храмы ихъ вырастали вновь съ чудесною быстротою. Съ другой стороны на нашихъ постройкахъ лежитъ отпечатокъ родовой общины; ибо, по мнѣнію одного археолога, что̀ такое нашъ Русскій домъ, какъ не совокупность клѣтей, соединенныхъ сѣнями или покрышею? Онъ могъ расширяться неопредѣленно вмѣстѣ съ ростомъ рода; оттого ему и присущи названія *собирательныя*: „хоромы“, „палаты“, „сѣни“, „палати“... Весь домашній скарбъ не могъ, по тѣмъ же причинамъ, сдѣлаться у насъ кумиромъ, какимъ онъ сталъ у Западныхъ народовъ, у Итальянцевъ („tesoro“), раньше всѣхъ (со временъ Возрожденія) вернувшихся къ поклоненію вещи, и особенно у творцовъ новой торговопромышленной силы, Голландцевъ и Англичанъ. Произведенія мануфактурной промышленности, создающія красивую обстановку, также надо причислять къ идоламъ; напримѣръ, прихотливыя ткани, одежды вещей и въ особенности одежды людей, это несовершенное подобіе несовершенныхъ естественныхъ покрововъ, эти тлѣнныя оболочки нашего тлѣннаго одѣянія, то есть тѣла“ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“.).

Мануфактурная промышленность и есть истинное, настоящее идолопоклонство, въ противоположность земледѣлію, которое гніющія вещества обращаетъ въ живыя, здоровыя тѣла, служа такимъ образомъ разрѣшенію санитарно-продовольственнаго вопроса. Мануфактурная же промышленность есть обращеніе живого въ мертвое, увеличеніе гнили и умноженіе потребителей, безъ увеличенія продовольственныхъ запасовъ; она дѣйствуетъ, слѣдовательно антигигіенично и не принимаетъ участія въ рѣшеніи санитарно-продовольственнаго вопроса въ его должномъ смыслѣ. За то она творитъ кумировъ, которыми обольщаетъ человѣка, заставляя его, ради благолѣпія тлѣнныхъ вещей, забывать красоту безсмертія.

Побѣда вещи надъ духомъ почти закончена. Въ погонѣ за бездушнымъ матерьяльнымъ благомъ мы ищемъ овладѣть вещью и считаемъ себя богатыми, когда убѣждены, что овладѣли ею. Но убѣжденіе здѣсь только самообольщеніе: въ дѣйствительности не человѣкъ владѣетъ вещью, а вещь обладаетъ человѣкомъ, связываетъ его, лишаетъ свободы, вноситъ раздоръ въ среду людей. Говоря это, мы разумѣемъ не одну даровую, отъ природы доставшуюся намъ вещь, но и ту, къ которой приложенъ былъ трудъ человѣческій. От-

печатокъ послѣдняго заставляетъ думать, что человѣкъ уже овладѣлъ вещью, тогда какъ этотъ отпечатокъ въ дѣйствительности скорѣе закрываетъ отъ насъ истинную сущность вещи, ту сущность, которой человѣкъ еще не знаетъ, потому что не владѣетъ еще силами природы, создающими сущность вещей. Своею ограниченною теперешнею наукою человѣчество еще не въ состояніи познать въ совершенствѣ „матерь вещей“, природу, а слѣдовательно разумно и нравственно направлять ея силы и дѣйствія; вмѣсто *отеческой регуляціи*, человѣчество ограничивается *наемнической эксплуатаціей* природы, а такое поведеніе создаетъ не хозяйское обладаніе, а только насиліе и хищеніе. Вотъ въ какомъ смыслѣ, а отнюдь не въ Прудоновскомъ, можно сказать, что наша (предполагаемая) собственность есть воровство. Праздны всѣ дрязги (тяжбы) и драки (войны) изъ за собственности, преждевременны всѣ споры о частной и коллективной (общественной) собственности и о способахъ пользованія ею, когда *у всего человѣчества въ совокупности нѣтъ еще ни правовыхъ (трудовыхъ), ни фактическихъ (изъ силы исходящихъ) основаній для собственности*, то есть когда *природа (совокупность вещей) еще не въ его власти*. „Называя уже теперь вещи своими, мы присвоиваемъ не принадлежащее намъ, грѣшимъ, слѣдовательно, противъ восьмой заповѣди. Только принимая то, чѣмъ мы пользуемся, въ качествѣ полученнаго нами въ долгъ съ обязанностью уплаты, можемъ мы снять съ себя обвиненіе въ кражѣ; но за то рискуемъ навлечь на себя другое обвиненіе—въ несостоятельности, такъ какъ все, чѣмъ мы пользуемся, есть произведеніе земли, то-есть проценты съ капитала, намъ не принадлежащаго. Чтобы не быть обвиненными въ кражѣ или чтобы не объявиться несостоятельными должниками, *мы обязаны не хищеніемъ, не истощеніемъ (эксплоатаціей), а посредствомъ совершеннаго знанія и труда, регуляціею, пріобрѣсти этотъ капиталъ, предназначенный въ общее всѣхъ людей достояніе*“. („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“).

Однако даже и тогда изъ совокупности вещей, носящихъ на себѣ отпечатокъ нашего труда, мы не должны составлять какого-то особаго мірка, пріуроченнаго только къ личной и семейной нашей жизни, не должны творить себѣ кумира, не должны обожать это малое подобіе другого, большого міра, который въ свою очередь, какъ ни великъ и ни цѣненъ онъ, не долженъ быть обожаемъ. Не соперничать, не равняться съ лиліями долинъ, съ синевою неба, съ „зорями огненными“ въ нашихъ одеждахъ и нашихъ золочёныхъ клѣткахъ-покояхъ должны мы, а *вносить сознаніе и волю въ слѣпую силу, призванную* (подъ разумнымъ и нравственнымъ управленіемъ нашимъ) не растлѣвать излишествами и роскошью немногихъ и убивать скудостью и нуждою остальныхъ, а *давать необходимое для жизни и здоровья всѣмъ*, въ отличіе отъ той цивилизаціи, что умѣетъ только брать временные, крупные барыши съ земли, но не знаетъ какъ обезпечить даже хлѣбъ насущный всѣмъ, всегда и вездѣ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“). „Нельзя забывать необходимаго, основного, ради ненужнаго, излишняго, слѣдовательно, вреднаго; нельзя и служить двумъ повелителямъ за-разъ: и долгу,

и прихоти, ибо чувственный соблазнъ личнаго наслажденія имѣетъ въ такомъ случаѣ всѣ вѣроятности пересилить нравственное достоинство труда, направленнаго ко всеобщему благу. Паденіе станетъ неизбѣжнымъ“ (Тамъ же).

Оставленіе сынами родителей ради своихъ удобствъ и наслажденья и есть первое паденіе. Но такъ какъ сердце не живетъ безъ любви, на мѣсто замершаго въ немъ чувства къ родителямъ вселяется иная страсть: *вещелюбіе*, *матеріализмъ*, какъ почва для роста чувственныхъ наслажденій, и *женолюбіе*, *гетеризмъ*, какъ сильнѣйшее воплощеніе и обобщеніе чувственности, сопряженное съ еще бо̀льшимъ отчужденіемъ отъ родителей, и это уже самое глубокое паденіе („Вопросъ о братствѣ“, 2 редак.). Оно-то и совершается въ городской, торговопромышленной культурѣ, которая, можно сказать, если не всецѣло, то въ значительной степени сводится къ культу женщины. Блудный сынъ, покинувшій домъ отчій, не-надолго останавливается на распутіи, въ раздумьи „куда ему направиться къ городу ли, къ культу вещи и женщины, къ благолѣпію имѣнія, или же къ селу; къ праху ли отцовъ, на кладбище мертвыхъ, ждущихъ оживленія, или же къ городу—фабрикѣ, къ городу—рынку, къ городу—выставкѣ, вытѣсняющему кладбища, упраздняющему храмы, унижающему университеты прислуживаніемъ науки торговлѣ и промышленности и презирающему музеи, какъ хранилища памяти о прошломъ, столь мало цѣнимомъ настоящимъ? („Супраморализмъ“, вопросъ VII). Современное человѣчество, сочетаніе Блуднаго Сына по легкомыслію и безволію съ Фаустомъ по безцѣльности знанія и ненасытности желаній, рѣшаетъ вопросъ въ пользу города и, забывая нравственный долгъ, отдается порыву къ чувственному наслажденію и къ богатству тлѣнному. Ваалъ и Астарисъ, боги блудныхъ сыновъ и дочерей-гетеръ, торжествуютъ надъ Богомъ отцовъ, и хоръ отступниковъ звучитъ въ вакхическомъ восторгѣ надъ осиротѣвшимъ міромъ: „ты побѣжденъ, Галилеянинъ!..“

Но горе побѣдителямъ! Что ни казалось бы, что̀ ни говорилось бы, все же „блаженны веси, горе городамъ!“ („Слово о дѣлѣ и долгѣ“). Падетъ, падетъ, великій Вавилонъ, и грозный судъ надъ сынами противленія, если они не раскаются, огненными чертами „мене, текелъ, упарсинъ“, уже написанъ для имѣющихъ очи на томъ храмѣ суеты, въ которомъ находитъ свое высшее воплощеніе вся Европейско-Американская торгово промышленная культура, отрицающая смыслъ и цѣль жизни.

Этотъ храмъ—*Всемірная Выставка*. Выставка есть изображеніе измѣны отцамъ сынами, увлекшимися соблазномъ вещи и красотою женщинъ; это дефратернизація черезъ депатріацію, или экспатріація для служенія вещи (матеріализація) и женщинѣ (эффеминизація). Ея предшественникъ — гуманизмъ. Въ гуманизмѣ, вырождающемся въ гомункулизмъ, въ самой уже неопредѣленности этого слова, заключается отрицаніе смысла жизни. Сыны, покинувшіе прахъ отцовъ, замѣнили наименованіе „сыновъ“ словомъ „человѣкъ“, дабы ничто не напоминало объ отцахъ, а съ ними и о смерти. Ихъ

жилище, городъ, долженъ быть вѣчнымъ брачнымъ пиромъ, на которомъ слово, переставшее быть дѣломъ, стало орудіемъ увеселенія, забавы, какъ и всѣ другія искусства, превратившіяся въ служанокъ полового подбора или торговой наживы, подчиняющей художественное промышленному. Выставки называютъ себя художественно-промышленными не потому, что въ нихъ включенъ особый отдѣлъ изящныхъ искусствъ, а потому, что онѣ вообще наиболѣе характерное художество нашего времени. Выставка это—панегирикъ XIX вѣку; но пока жизнь не представляетъ совершенства, панегирикъ—самая несовершенная, самая лживая форма искусства, если только цѣлью искусства не считать введеніе въ обманъ. Выставка близка къ истинѣ, когда она представляетъ собою Елену или Еву, вообще женщину, виновную въ паденіи міра; но она не даетъ этому изображенію центральнаго положенія, недостаточно показываетъ, какъ бы слѣдовало, отношенія къ этому идолу всѣхъ произведеній промышленности, недостаточно уясняетъ союза ассамблеи и будуара съ биржей, съ рынкомъ; не разоблачаетъ, въ какой степени богъ войны на содержаніи у индустріи и торговли и насколько сама наука проституируетъ себя тою же противоестественною связью. Напрасно выставка тріумфовъ фабрики опускаетъ ея спутниковъ: казарму, полицейское учрежденіе, домъ пьянства и домъ разврата. Намекъ на эти стороны культуры, рекламируемой Выставкою, былъ бы нелишнимъ: вѣдь это проявленія все того же культа, только въ самой грубой формѣ! Романтическая изнутри, Выставка была бы героическою извнѣ, но героическою не въ смыслѣ побѣды и торжества, а въ смыслѣ сокрушенія о жертвахъ, о гибели, которую несутъ все это богатство, вся эта роскошь, эта погоня за наслажденіями и новоизобрѣтенныя наукою орудія разрушенія. Внутри—брачный пиръ, вѣчный праздникъ, постоянная ярмарка; снаружи тоже пиръ, но пиръ смерти, логично, неизбѣжно вытекающій изъ перваго. Такія разоблаченія способны однако смущать настроеніе и отвлекать „отъ дѣла“; недиво, что Выставка ихъ маскируетъ или прямо опускаетъ. За то какое усердіе въ рекламѣ настроенія противоположнаго, жизнерадостнаго! Здѣсь налицо—нарушеніе, вѣрнѣе отрицаніе всѣхъ десяти заповѣдей, 1-й же и 5-й въ особенности. Выставка признаётъ только „иныхъ“ боговъ, въ слѣпыхъ силахъ природы и въ чувственныхъ влеченіяхъ проявляющихся, и отрицаетъ Единаго и особенно Тріединаго, требующаго отъ разумныхъ существъ объединенія противъ этихъ силъ, торжество надъ которыми и управленіе коими и даетъ человѣку власть и надъ собственными животными влеченіями. Вся Выставка, само зданіе и все въ немъ заключающееся, есть именно „твореніе подобій того, что̀ есть на небѣ, и на землѣ, и подъ землею. Это гигантская суета суетъ, поглощающая всѣ силы души, не оставляющая ни мѣста, ни времени, ни охоты для мысли о Богѣ, не говоря уже о дѣлѣ Ему угодномъ. Если Чикагская выставка отступила отъ этого правила и соединилась со „Всемірнымъ Парламентомъ религій“, то сдѣлала это не изъ благочестивыхъ побужденій, а изъ рекламно-декоративныхъ; потому что по мнѣнію устроителей „религія есть одинъ изъ самыхъ *живописныхъ и занятныхъ* фактовъ“, такъ что „исклю-

чать ее изъ Выставки было бы столь же неосновательно, какъ исключить электричество или искусство“ (The World's Parliament of Religions. Proceedings. Preface I vol. p. VII and p. 3). Исказивши первую заповѣдь, Выставка упраздняетъ совсѣмъ четвертую. Эта ветхозавѣтная заповѣдь, снисходительно, какъ дѣтямъ, разрѣшала шесть дней *дѣйствительно* служить *мнимымъ* богамъ, и требовала только одного дня для служенія истинному Богу, и служенія притомъ мнимаго, лишь мыслью, созерцаніемъ, а не исполненіемъ Божественной воли, не дѣломъ управленія слѣпыми силами во всемъ мірѣ, который по бездѣйствію человѣка и сталъ смертоносною силою. Этотъ-то единственный день, хотя бы лишь созерцанія Бога, и отнимаетъ Выставка, чтобы всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, привлечь къ душепагубному созерцанію соблазнительныхъ вещей, порабощающихъ человѣка. Съ величайшимъ озлобленіемъ относится Выставка къ 5-й заповѣди: облекая дочь человѣческую всѣмъ, что̀ есть самаго соблазнительнаго, она старается отвлечь сыновъ и дочерей отъ отцовъ и матерей; освобождая отъ запрещенія, заключающагося въ 7-й заповѣди, и не только разрѣшая ея нарушеніе, но даже наталкивая на это всѣми своими соблазнами, возводя запрещаемое этою заповѣдью въ высшее благо жизни, превращая воспрещеніе въ повелѣніе, Выставка вычеркиваетъ 7-ю заповѣдь изъ закона внѣшняго и внутренняго, вводя на ея мѣсто новую заповѣдь прелюбодѣянія и проституціи, которыя приведутъ къ исполненію также новой заповѣди не-рожденія. Развивая далѣе во всей силѣ соблазнительную привлекательность внѣшности, наружной стороны вещей, Выставка возбуждаетъ аппетиты стяжанія, хищенія, кражи и наживы и всякаго рода нечистыя пожеланія; она вселяетъ зависть, вражду, возбуждаетъ сословіе на сословіе, дѣтей на отцовъ, народъ на народъ и царство на царство, вооружая ихъ истребительнѣйшими орудіями. Этотъ храмъ не только „дамскаго счастія“ („Au Bonheur des Dames“ Золя), но и кавалерскаго также, всю жизнь обращаетъ во взаимное истребленіе не однимъ грубымъ оружіемъ, но и утонченнымъ: мыслью, словомъ, услуги котораго для злословія и лжи приняли въ наши дни небывалые размѣры. Попирая такимъ образомъ 9-ю заповѣдь, Выставка лишаетъ смысла и 10-ю, возбуждая взаимныя обвиненія рабочихъ и капиталистовъ въ нарушеніи 8-й заповѣди и подтверждая этимъ только то, что ни одни, ни другіе не могутъ считаться дѣйствительными собственниками предмета ихъ раздоровъ. Но обвиняя всѣхъ поочередно въ кражѣ, Выставка сама есть не что иное, какъ колоссальная кража; ибо она, какъ и жизнь, какъ и современная культура наша, въ которой столько дарового и такъ мало трудового, есть произведеніе не управляемой еще разумными существами слѣпой силы, которая, по этому самому, и творитъ зло. Представляя же это зло благомъ, вся матеріалистическая, на обогащеніи основанная культура есть величайшая ложь“ („Выставка 1889 года“).

Въ этой громовой обвинительной рѣчи противъ цивилизаціи, сводящейся къ культу Золотого Тельца, колосса, стоящаго на глиняныхъ ногахъ индустріализма и меркантилизма, осужденъ *не одинъ капиталистическій строй общества, но и соціалистическій*. Столь обычное у другихъ противопоставленіе

ихъ, какъ противоположностей, изчезаетъ съ высшей точки зрѣнія нашего мыслителя. Тотъ и другой—сыны общаго отца, матеріализма, и трудно сказать, которому изъ двухъ должна быть присуждена пальма первенства за безнравственность. Правда, капитализмъ открыто отказывается идти трудиться на виноградникъ общаго спасенія, тогда какъ соціализмъ обѣщается свершить этотъ трудъ; но если, подобно второму сыну Евангельской притчи, онъ не исполняетъ обѣщаннаго, если, нескончаемо толкуя о важности хлѣба, онъ предлагаетъ алчущимъ и жаждущимъ не „хлѣбъ животный“ (жизнь дающій) и не источникъ воды, „текущій въ жизнь вѣчную“, а лишь то, что не въ силахъ обезпечить даже жизни минующей, эфемерной: тогда его соблазнительное усердіе не менѣе виновно, чѣмъ грубая лѣнь его старшаго брата.

Повторяемъ: *соціальные вопросы неразрѣшимы внѣ этики и вопреки ей; а соціализмъ именно такъ хочетъ и надѣется рѣшить ихъ, упраздняя этическую основу* своей теоріей историческаго матеріализма (Бернштейнъ, Историч. матеріализмъ. 6), *противопоставляя христіанской психократіи (царству душъ) марксистскую матеріократію* („Санитарно-продовольственный вопросъ“), *власть вещей надъ душою, „о которой соціализмъ совсѣмъ забылъ“* („Вопросъ о братствѣ“).

„Презирая *иной* міръ со всѣми его театральными эффектами“ (Bax, Religion of Socialism, 52), считая его „за величайшее безуміе, препятствующее пользоваться земными благами“ (La Croix. 17 Janv. 1901 по оффиціальному органу Бельгійскихъ соціалистовъ „ Voornit.“), находя безсмертіе „ненужнымъ, непріятнымъ, полагая, что „отъ одной мысли о немъ можно было бы сойти съ ума“ (отзывы рабочихъ-соціалистовъ у Rade, 114, 115 и Göhre, 175) и объявляя Воскресеніе „нелѣпостью“ (Rade, 114), соціализмъ, чтобы избавиться отъ подобныхъ ученій, „враждебныхъ свободѣ и культурѣ и мѣшающихъ наслаждаться“ (Bebel, Christenthum und Socialismus, Berlin. 1903, 13), признаётъ себя врагомъ всякой религіи*) и въ особенности Христіанства, „обносковъ другихъ вѣроисповѣданій, самой вредной изъ религій“ (тамъ же 12. 10). *Небесному соціализму противопоставляетъ земное, божественному—животное*, и эту вѣру въ чисто-животное начало въ человѣкѣ („Menschenthier“, Rade, 99) онъ выдаетъ за окончательное, рѣшающее слово точнаго знанія,

*) Dieu—c'est le mal, сказалъ еще Прудонъ. „Упраздненіе религіи есть требованіе общественнаго счастія“, досказалъ Марксъ. „Я врагъ всякой религіи“, заявляетъ Бебель (Christenthum u. Socialismus, 11); „эта иллюзія для простодушныхъ, поддерживаемая буржуазіей изъ расчета, разрушенная наукою, исчезнетъ сама собою, за ненадобностью, не дождавшись своего упраздненія (Die Frau, 264, 318—320). „Единственный Богъ—Общество, единственный Спаситель—Трудъ“ (Dietzgen у Kannegiesser. Les catholiques allemands. 1 ed., p. 185). „Какъ? Религія народа—соціализмъ!“ иронически провозгласилъ Либкнехтъ въ рейхстагѣ въ 1890 г. „да я въ ужасъ прихожу отъ попытки изобразить соціализмъ, какъ религію! Всякій соціалистъ есть атеистъ!“ (id., 186) „Соціализмъ есть атеистическій гуманизмъ“ (Bax, Religion of Socialism, 81).

опираясь на догматически принимаемый имъ дарвинизмъ и эволюціонизмъ. Прикрываясь правиломъ „жить согласно съ природою“ (Rade, 122), соціализмъ, для привлеченія къ себѣ народной массы, дразнитъ соблазнами естественныя слабости чувственной стороны человѣка („Вопросъ о братствѣ“); онъ проповѣдуетъ, что „всѣ влеченія природы должны быть удовлетворяемы“ и поясняетъ, что „животныя влеченія ничуть не ниже умственныхъ“. (Bebel, Die Frau, 335, 73), и, осудивши воздержаніе (75), поетъ хвалебный гимнъ половому влеченія (74), полагая, что словамъ Лютера о необходимости удовлетворенія этой естественной страсти слѣдовало бы красоваться надъ входами храмовъ, пока они существуютъ (73) и что освященная примѣромъ Гёте смѣна женщинъ и свободная любовь должны быть „привилегіей не однихъ великихъ людей, а всѣхъ“ (343—6).

Какъ видимъ, „пророки новой земли“ обѣщаютъ на ней вѣрующимъ въ „Бога-Общество“, участіе каждаго не только въ „разумной ѣдѣ и разумномъ питьѣ“ (Bebel, 337—340), не только въ комфортѣ и прихоти, но и въ похоти. Такой конечный результатъ, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ началу евангелія соціалистовъ-трансформистовъ, которое должно открываться словами: *„въ началѣ была Гастрея (желудокъ), и Гастрея была у природы, и сама природа была желудокъ“*. Но природное, естественное, такъ понимаемое, совершенно противоположно Христіанскому и даже человѣческому; природнымъ въ этомъ смыслѣ будетъ пожираніе, непрерывное *взаимное пожираніе*; Христіанскимъ же въ отрицательномъ смыслѣ будетъ постъ, а въ положительномъ—творческій процессъ, возсозданіе своего организма; природному же размноженію въ Христіанствѣ соотвѣтствуетъ въ отрицательномъ смыслѣ цѣломудріе, то-есть, отрицаніе рожденія, а въ положительномъ –всеобщее воскрешеніе“ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“). Но изъ устъ Бебеля и другихъ „славныхъ и именитыхъ“ соціализма мы уже слышали, что воздержаніе вредно, а воскресеніе нелѣпо, что одна мысль о возобновленіи жизни и о свиданіи съ умершими „ужасна, ужасна до сумасшествія“, тогда какъ похоть, наоборотъ, похвальна и желательна. Вотъ почему въ новомъ обществѣ *„цѣлью жизни станетъ жизнерадостность, а цѣлью воспитанія*, для всѣхъ обязательнаго и одинаковаго, *развитіе способностей къ максимальному наслажденію“* (Bebel, 332), въ чемъ и состоитъ идеалъ соціализма“ (Bax, 95). А такъ какъ въ общежитіи, основанномъ исключительно на экономическихъ началахъ, спросу должно соотвѣтствовать предложеніе, то этой усовершенствованной алчности и похотливости будетъ соотвѣтствовать и „доселѣ невообразимое богатство“ (Bebel, l. c.). *„Энтузіазмъ* къ объекту паслажденія, *къ продукту“* разовьетъ до еще невиданныхъ размѣровъ „духъ веселаго (вещевого) творчества, соревнованіе въ производствѣ и усовершенствованіи вещей“ (271) и создастъ *„невообразимое возрастаніе продуктовъ*, а съ ними *и источниковъ и способовъ наслажденія“* (281). *Это и будетъ гармоническимъ развитіемъ человѣка“* (283), о которомъ мечталъ предшественникъ соціализма, гуманизмъ; это-то и явится „небомъ на землѣ“, *царствомъ „высшаго, идеальнаго эгоизма*, примиреннаго съ общимъ благомъ“

(272, 274); обезпечивающимъ каждому „наибольшую мѣру пріятностей жизни“ (267).

Если въ этотъ идеалъ соціализмъ вводитъ трудъ для всѣхъ обязательный, на основаніи правила „да не будетъ наслажденія безъ труда, ни труда безъ наслажденія“ (Bebel, 267), то онъ спѣшитъ успокоить, что въ будущемъ царствѣ наслажденій *трудъ будетъ умѣренный*, насколько можно *пріятный и въ высшей степени производительный*“ (тамъ же), вслѣдствіе чего онъ не только будетъ отбываться въ красивыхъ, даже пышныхъ, вполнѣ гигіеническихъ помѣщеніяхъ, но и сведется всего на какихъ нибудь полтора, много-много два съ половиною часа въ день для удовлетворенія всѣхъ потребностей (275—277 и Bax, 78). Передъ столь заманчивою перспективою $22^1/_2$ часового „недѣланія“, которое не всегда будетъ посвящаться однимъ „благороднѣйшимъ наслажденіямъ“, какъ надѣется Каутскій, а можетъ быть отдано въ распоряженіе и тѣхъ животныхъ стремленій, что̀ должны считаться ничуть не ниспими духовныхъ, современные споры о 8-часовомъ трудѣ и 16-часовой праздности могутъ казаться жалкимъ, ребячествомъ, проявленіемъ „несовершеннаго еще развитія потребностей“, тѣмъ болѣе, что идеаломъ „будущаго Царства Труда“ оказывается *„не свобода труда, а освобожденіе отъ него* (Kautsky, Das Erfurter Programm, 175), если не полное, то возможно бо̀льшее, такъ какъ „для истиннаго соціалиста *трудъ есть зло;* трудящійся сверхъ необходимости не герой, а безумецъ; *довести трудъ до минимума*— вотъ стремленіе соціализма“ (Bax, Religion of Socialism. 94, 95). Къ этому-то и должны направляться вся мудрость науки, вся ловкость и сила техники будущаго. Вымираніе наукъ неприкладныхъ уже началось; уже и сейчасъ наука—раба купцовъ и фабрикантовъ. Но при торжествѣ соціализма „ей предстоитъ еще худшая участь: стать рабою фабричныхъ рабочихъ; тогда все, не имѣющее матеріальнаго приложенія, должно будетъ совсѣмъ исчезнуть“ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“), какъ бы ни божились въ противоположномъ „пророки новой земли.

Какъ видимъ по подлиннымъ, дословнымъ признаніямъ самого соціализма, онъ, не смотря на свою ненависть къ старому общественному строю, сходится съ нимъ въ своихъ основныхъ и конечныхъ матеріалистическихъ стремленіяхъ. Только въ дни юности могъ онъ мечтать смести прочь все прежнее, все замѣнить новымъ; теперь же опытъ жизни, какъ Бенъ-Акиба въ „Уріэлѣ Акостѣ“, можетъ махнуть рукою и на его новаторство, повторяя вѣчный припѣвъ: „все это было, уже было прежде“! Умудренный „дѣловою практикою и въ тоже время не брезгающій тогою ученаго, соціализмъ „отказался отъ утопій“ (хотя Беллами, Гертцки („Freiland) и другіе непрерывно умножаютъ въ литературѣ отдѣлъ проектовъ идеальныхъ общежитій, начатый еще Платономъ, Т. Моромъ и Кампанеллою). Основы будущаго совершеннаго порядка соціализмъ открываетъ теперь уже въ томъ самомъ реальномъ, настоящемъ, противъ котораго онъ борется (Kautsky, 239). „*Соціальная община* (вѣщаетъ каноническій комментаторъ „Эрфуртской Про-

граммы) „не есть произвольный вымыселъ, а необходимое произведеніе предшествующаго экономическаго развитія“; она *вытекаетъ изъ современнаго государства и въ немъ „получаетъ свое единственное* (!!) *естественное обоснованіе* (тамъ же, 123). Не основы, слѣдовательно, современнаго капиталистическаго строя, не сущность и не цѣль его измѣнитъ соціализмъ, *а только формы. „Онъ примкнетъ къ капиталистическому производству,* который самъ выработаетъ начала для развитія своихъ преемниковъ, тѣхъ новыхъ людей, которые будутъ нуждаться въ новыхъ способахъ производства. Онъ же (то-есть все тотъ же старецъ Капитализмъ) породитъ и ту общественную организацію, что̀ ляжетъ въ основу новыхъ способовъ производства“ (117). *„Хозяйственная дѣятельность современнаго государства—вотъ естественная точка отправленія для общества соціалистовъ* (119), а его ближайшая задача—захватить (въ лицѣ рабочаго класса) власть для того, чтобы, при помощи ея, *превратить государство въ большое, во всемъ существенномъ самодовлѣющее хозяйственное общество“* (130 и 145). Дальнѣйшая же *цѣль*, какъ мы уже убѣдились, остается таже, что̀ и въ старомъ обществѣ: *матерьяльное обогащеніе, „энтузіазмъ къ продукту“*, то-есть все таже первобытная Гастрея, но усовершенствованная подборомъ и наслѣдственностью, выросшая до чудовищныхъ размѣровъ, уже не знающая ни конкуренціи, ни сопротивленія, „все втягивающая въ себя“,— непрерывное, безконечное поглощеніе вещей и жизненныхъ силъ черезъ фильтръ чувственныхъ наслажденій.

Послѣ этихъ разоблаченій самихъ вождей соціализма очевиднымъ и несомнѣннымъ слѣдуетъ признать, что обѣщаемый новый строй общества, полагающій однако въ свою основу начало *только экономическое* и притомъ промышленное, фабрично-заводское, крупно производственное, долженъ страдать всѣми недостатками, свойственными этому началу по существу его. Поскольку же новый строй примыкаетъ къ прежнему *государственному,* онъ наслѣдуетъ органическіе пороки и этого послѣдняго. Если соціализмъ надѣется со временемъ устранить изъ своего общежитія элементъ юридическій, то мы могли бы признать это за улучшеніе въ томъ лишь случаѣ, когда *юридическое* было бы замѣнено *этическимъ*; замѣна же юридическаго *экономическимъ* („Основа всего — экономическій, хозяйственный элементъ“. Вах, 169) не только не улучшеніе, а скорѣе ухудшеніе, вящее паденіе человѣчества, дальнѣйшее уклоненіе отъ нравственнаго. При всей своей слабости, внѣшній юридическій законъ все же силится обосновать себя на идеѣ справедливости, нравственнаго блага, тогда какъ экономическій строй зиждется исключительно *на расчетѣ и подсчетѣ.* Статистика здѣсь главная наука, главный регуляторъ всей дѣятельности (Bebel, 268—9), а бухгалтерія—вѣчный и вездѣсущій контролеръ. Первая замѣняетъ Богу-Обществу разумъ, вторая—совѣсть, и, благодаря такому упрощенію, увѣряютъ насъ, „все пойдетъ по плану и въ полномъ порядкѣ, все будетъ опредѣляться очень легко, а исполняться еще легче, словно шутя, словно играя“ (271). Добровольность, великодушіе, самопожертвованіе прекратятся также, какъ и лѣнь: удостовѣреніе на отработанные четыре часа (286—7) окажется единственнымъ мѣриломъ нравственности этого

общества, гдѣ всякій трудъ станетъ товаромъ, гдѣ каждый шагъ будетъ оплаченъ, гдѣ весь міръ преобразится въ торжище („Вопросъ о причинахъ“).

Уже одно такое превращеніе живыхъ, свободныхъ, разнообразныхъ личностей въ монотонную, обезличенную машину есть глубокій регрессъ. Но надо еще подумать, какою цѣною покупаются ожидаемая полномѣрность и правильность отправленій этого Общества-Машины, которая не грезилась даже автору „Человѣка-Машины“ („L'Homme-Machine“ Ла-Меттри). Обѣщанная *свобода превращается* на дѣлѣ *въ тяжелую неволю*: соціализмъ, при случаѣ, гдѣ ему нужно, такъ охотно дружащій съ анархизмомъ, съ этимъ delirium tremens личной свободы, сознаётся, что какъ только онъ восторжествуетъ надъ „гнилымъ бюрократизмомъ“, ему самому придется „обзавестись также управленіемъ мѣстнымъ и центральнымъ“ (Bebel, 267—8) и предоставить выборнымъ администраторамъ право распредѣленія занятій между „товарищами“, контроля надъ исполненіемъ и примѣненія побудительныхъ мѣръ для приведенія къ одному знаменателю тѣхъ, чей строптивый нравъ осмѣлился бы уклониться отъ общей, догматически предписанной нормы. Чего слѣдуетъ ожидать отъ этой возрождающейся гидры власти, тому наглядными доказательствомъ могутъ служить траги-комическія попытки основать соціалистическія и коммунистическія общежитія въ разныхъ странахъ; мы же считаемъ себя въ правѣ сказать, что если бы послѣдовательно проведенная коммуна оказалась дѣйствительно осуществимою въ крупныхъ размѣрахъ, опека въ ней доходила бы до максимума, а зависть, съ вытекающимъ изъ нея обличеніемъ соперниковъ, была бы возведена въ высшую добродѣтель („Вопросъ о братствѣ“. 2 редакція, примѣч. 5. Ср. остроумный памфлетъ Евг. Рихтера „Торжество соціализма“).

И тѣмъ болѣе претящее впечатлѣніе должна производить эта жалкая дѣйствительность, чѣмъ парядиѣе расписываютъ соціалисты свои стремленія къ справедливости и равноправію. Если Пресвятая Троица, нераздѣльная и несліянная, одинаково далекая какъ отъ розни, такъ и отъ угнетенія, есть дѣйствительно высшій образецъ общества нравственнаго, то соціалистическій идеалъ общества чисто-экономическаго, всецѣло корыстнаго, со своими фразами о сочетаніи въ немъ полной свободы съ полною солидарностью, есть величайшій подлогъ, наглая фальсификація дѣйствительно-нравственнаго строя общежитія: ибо *въ соціалистическомъ идеалѣ нѣтъ перваго условія союза нравственнаго—любви безкорыстной и добровольной*, душу свою полагающей за други своя, *а есть только расчетъ*, безсердечное, торгашеское „do ut des“. „Мысль объ основаніи на землѣ подобія Тріединому никогда не была чужда человѣчеству; но никогда человѣчество не ставило себѣ цѣлью постепеннаго осуществленія такого подобія, даже никогда не дѣлало, по крайней мѣрѣ сознательно, оцѣнки различнымъ договорамъ, союзамъ, ассоціаціямъ съ этой, высшей точки зрѣнія, быть можетъ отъ того, что не считало возможнымъ отказаться отъ такихъ договоровъ, которые однако противорѣчатъ величавому образцу. Соціализмъ оказался смѣлѣе; разцѣнку онъ произвелъ, но подмѣнилъ

при этомъ образецъ для сравненія: усвоивъ только внѣшнюю форму Троицы (сочетаніе свободы съ солидарностью), онъ упразднилъ ея сущность, онъ забылъ о душѣ („Вопросъ о братствѣ". 2 ред.), то-есть о знаніи, о чувствѣ (любви) и о волѣ, какъ основахъ совершеннаго общества. Для него въ началѣ было не Слово (Логосъ, Знаніе) и не Любовь, а Гастрея, первоначальная животная потребность, которая двигала, движетъ и будетъ направлять и впредь судьбу человѣческаго рода по законамъ фаталистической эволюціи, въ которой, въ строгомъ смыслѣ, даже пѣтъ мѣста волѣ, такъ что все философское ученіе марксизма есть нравственный квіэтизмъ, проповѣдь бездѣйствія и безволія („О марксистахъ" и „Кризисъ марксизма"). „Усвоивъ лишь внѣшнюю форму, личину, искусственную маску Тріединаго Существа, соціализмъ сдѣлалъ эту форму вмѣстилищемъ всѣхъ пороковъ: политической наглости, гражданской зависти, экономической корысти и всевозможной чувственности, поставивъ вещелюбіе, женолюбіе и себялюбіе выше отцелюбія и братолюбія („Вопросъ о братствѣ"); царству Отца, Сына и Святого Духа его идеалъ противопоставляетъ нескончаемый брачный пиръ блудныхъ сыновъ и дочерей, забывшихъ родителей и все прошедшее для вакхическаго упоенія мгновеніемъ настоящаго (Тамъ же).

Вотъ почему не вѣтвь масличную, а мечъ обоюдоострый, *не миръ, а вящую, лютую вражду* несетъ намъ эта будто бы „благая вѣсть, это новое Евангеліе, новая жизнь и новая сила" (Kautsky, 231). Не отрицаютъ этого и сами вѣстники; осуществленія своей задачи они ждутъ исключительно отъ рабочаго сословія, *не иначе, какъ путемъ борьбы* его съ другими классами (Kautsky, 177). *Рабочее движеніе,* говорятъ они, *непремѣнно и неизбѣжно—движеніе революціонное, боевое* противъ существующаго порядка (196); отъ него *не спасутъ никакія подачки, никакія полумѣры, никакіе компромиссы, всего менѣе конституціонный парламентаризмъ, эта „главная опора порабощенія низшихъ классовъ буржуазіей" настоящею царицею парламентаризма при содѣйствіи „голосующей скотины"* (Stimmvieh). (Kautsky, Das Erfurter Programm, 223, 226). Борьба эта, экономическая по содержанію и цѣли, превращается въ политическую по главному средству, ведущему къ успѣху, по стремленію къ захвату власти (219): рабочая партія должна овладѣть властью (227—8) и воспользоваться ею для возвеличенія себя, для осуществленія своихъ намѣреній; *сдѣлать борьбу рабочей партіи изъ-за власти сознательною, объединить ее и направить къ конечной цѣли — вотъ задача соціалдемократіи* (177, 240). Да не смущаютъ васъ сентиментальныя соображенія о протестѣ большинства, о нежелательности насилія надъ нимъ! Что такое большинство? *Большинство глупо*; это стадо барановъ! *Его надо принуждать къ тому, что направлено къ его же пользъ,* ему еще непонятной. Не смущайтесь и боязнью нарушить право свободныхъ людей рѣшать самимъ свою участь! Во имя нашего дѣла,—къ чорту это право, будь оно даже правомъ большинства, *пока мы въ меньшинствѣ*! Мы возстановимъ его, *какъ только большинство станетъ нашимъ*! (Bax, Religion of Socialism, 118—120).

Такъ говорятъ вожди политическихъ партій. Удивительно ли, что, воспринимая эти правила практической мудрости парламентаризма и сочетая ихъ съ принципіальнымъ ученіемъ о неизбѣжности борьбы классовъ, интеллигентные рабочіе съ боевымъ задоромъ восклицаютъ: „миръ въ свое время, а сейчасъ *надо сражаться и ненавидѣть!*“ (Rade, 88). Вожди же прислушиваются, поощряютъ и успокоиваютъ: „сила-де не конечная цѣль прогресса, но все же его существенное орудіе, *сила* „это *повивальная бабка прогресса*“ (Bax, 105). „Всѣ новыя формы общества всегда возникали изъ борьбы смѣнявшихся силъ“ (Kautsky, 139). „*Война—мать всѣхъ вещей*... все проявленіе борьбы. Честь ей и слава! Ей одной обязаны мы всѣми благодѣяніями прогресса. Не призналъ ли этого даже великій Кантъ, когда сказалъ: „человѣкъ жаждетъ согласія, но природа лучше его знаетъ, что̀ хорошо для его породы; она жаждетъ раздора“. Вѣрно, вѣрно! И „*какъ отрадно, какъ весело то воззрѣніе на жизнь, которое возводитъ борьбу въ средоточіе всего существованія!*“ Нечего, слѣдовательно, бояться и классовой борьбы; будемъ только вести ее „приличными средствами, на законной, на честной почвѣ“ (Gombart, Socialismus und sociale Bewegung im 19 Jahrhundert. Jena, 1901, 96—100).

Если есть въ соціализмѣ что-либо цѣнное, такъ это его откровенность и прямолинейность. Саддукеи „Евангелія Богатства“ въ данномъ случаѣ честнѣе его фарисеевъ: они открыто и безъ увертокъ исповѣдуютъ, что если *взаимное пожираніе* было основнымъ закономъ природы изначала, то и въ дальнѣйшемъ развитіи, естественномъ и матеріальномъ, борьба другъ противъ друга изъ-за „желудочнаго вопроса“ столь же законна, и что конечный наградой за долговременное взаимное пожираніе можетъ быть только всеобщее желудочное же благополучіе, *всеобщее обжираніе* и его слѣдствія, другія похоти. Вѣрхомъ же послѣдовательности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безнравственности является отреченіе отъ родственности и долга сыновняго. Уже капиталистическій индустріализмъ и меркантилизмъ трудятся исключительно на пользу и утѣху живущихъ, забывая объ умершихъ („Вопросъ о братствѣ, 2 ред.); соціализмъ же доводитъ это направленіе до крайнихъ слѣдствій: при его презрѣніи и даже ненависти къ прошедшему, къ традиціонному, патріархальному, родовому, сельскому быту, къ родинѣ, къ отечеству, которое онъ замѣняетъ интернаціональностью *), что̀ ему за дѣло до отцовъ, до предковъ, до какой-то родственности? Родственность естественная, замѣнившаяся въ юридическомъ обществѣ отвлеченною гражданственностью, замѣняется въ промышленно-кооперативной ассоціаціи дѣловымъ товариществомъ (Gennossenschaft), которое нельзя назвать даже, какъ принято у многихъ купеческихъ и промысловыхъ предпріятій, товариществомъ на вѣрѣ, а слѣдуетъ назвать товариществомъ, основаннымъ на взаимномъ недовѣріи: ибо добровольнаго

*) „У пролетарія нѣтъ отечества“, объявляетъ „Коммунистическій Манифестъ“. „Соціалдемократія по существу своему интернаціональна“ (Kautsky, 252); „націонализація государства ей противна“ (Bax, 126—7); „для соціалиста рѣшающимъ правиломъ въ обсужденіи вопроса объ отечествѣ остается: „ubi bene ibi patria (Kautsky, 247).

труда и непринужденной взаимопомощи тутъ нѣтъ и помина; здѣсь все опредѣлено заранѣе, подсчитано и взвѣшено, приведено къ равнымъ долямъ; словомъ, здѣсь все подневольное, иначе сказать, полная противоположность союзу любви, союзу родственному. Даже къ браку, въ его установившемся, большинствомъ принятомъ смыслѣ, соціализмъ относится несочувственно; уступки „старой, пережившей себя формѣ“ дѣлаются лишь по необходимости, въ силу еще значительной привязанности къ ней рабочихъ (Rade, Göhre и Huret, Enquête sociale pass.), да потому, что она сама по себѣ „не противорѣчитъ товарищескому способу производства“ (Kautsky, 146). Идеаломъ тѣмъ не менѣе остается никакимъ обязательствомъ и рокомъ не связанное, свободное, не узаконяемое никакимъ внѣшнимъ актомъ и обрядомъ сближеніе половъ и столь же легкое разлученіе (подробности у Бебеля и въ „передовой“ литературѣ этой стороны женскаго вопроса). Источникъ родственнаго чувства такимъ образомъ уничтожается даже въ его ближайшемъ кругу. Удивляться ли послѣ этого отчужденію отъ родителей? Если уже исключительное „прилѣпленіе къ женѣ своей“, съ которою человѣкъ становится „плоть едина“, ведетъ къ „оставленію отца и матери“, то насколько же болѣе побуждаетъ покидать родителей прилѣпленіе не къ женѣ уже, а къ гетерѣ, не къ основательницѣ и сотрудницѣ новой семьи, а къ мѣняемой по прихоти „подругѣ вольной“ наслажденій. Какъ воспитаться и окрѣпнуть долгу сыновнему въ той неустойчивой средѣ, гдѣ уже не двое будутъ неразлучно плоть едина, а, разлучаясь и соединяясь по прихоти, то трое, то четверо, или сколько угодно плотей. Но по этому самому не будетъ уже души ни единой?.. Вполнѣ естественно, что для блудныхъ сыновъ, забывшихъ отчій домъ, всякое напоминаніе о немъ, оживляющее замершія мысли о благодарности, о долгѣ къ родителямъ, кажутся докучливымъ, противнымъ. „Семейный очагъ вмѣстѣ съ тономъ и алтаремъ“, говоритъ одинъ Англійскій соціалистъ, „есть Троица буржуазіи“; „собранія родственниковъ, ихъ сходки, бесѣды соборъ людей, не имѣющихъ часто ничего общаго между собою, *кромѣ родства (!)*; культъ предковъ, фамильные портреты, безсмыслица, безобразіе, точно такъ же, какъ и трауръ по умершимъ роднымъ“ (Bax, Religion of Socialism. 136, 143, 138, 143).

Дальше идти невозможно. Мы здѣсь на крайней точкѣ прогресса, ставшаго „по ту сторону добра и зла“, внѣ этики, на почвѣ „чисто-экономической“ и потому именно нечистой и безнравственной. Но что посѣешь, то и пожнешь! Сѣющіе въ тлѣніе, предпочитающіе красотѣ безсмертія благолѣпіе тлѣннаго, пожнутъ тлѣніе. Къ общему спасенію не приходятъ путемъ погибели, вражды, борьбы, корысти, идолопоклонства передъ золотомъ и торгово-промышленными бездѣлушками. Ни комфортъ, ни роскошь, ни груды золота въ рукахъ капиталистовъ, ни чудовищная производительность матеріальныхъ благъ будущимъ кооперативнымъ хозяйствомъ, ни равный раздѣлъ богатства, ни общность имуществъ, ни легкость и краткость труда, ни вся вакханалія чувственныхъ наслажденій не въ состояніи создать рая на землѣ, потому

во-1), что всѐ это отвѣтъ не на нравственный долгъ людей, а на ихъ слабости и пороки; а во-2) потому, что *все матеріальное богатство и всѣ чувственныя наслажденія не уничтожаютъ нашей естественной бѣдности и вытекающихъ изъ нея страданій.*

И у капитализма, и у соціализма ложны альфа и омега, начало и конецъ, ложны и промежуточныя звенья обѣихъ системъ. Участіе всѣхъ въ комфортѣ, роскоши и чувственной похоти, если бы даже и сбылось, ничуть не обезпечило бы всѣмъ основнаго блага насущнаго, не спасло бы отъ голода, болѣзней, слабостей и аномалій физическихъ и умственныхъ и, наконецъ, отъ смерти. О послѣдней побѣдѣ даже и мечтать не хотятъ, какъ о несбыточной невозможности и гонятъ прочь мысль о безсмертіи, какъ „нѣчто ужасное, съ ума сводящее, мѣшающее пользоваться благами жизни“. Но о достиженіи остального уже мечтаютъ, напримѣръ, объ упраздненіи „*преждевременной* смерти“ (какъ будто должна быть смерть *своевременная!)* „Смерть старика (по мнѣнію одного „христіанскаго“ соціалиста) естественна (!) и почти прекрасная вещь (!!)“; но смерть ребенка и юноши—явленіе ненормальное, чудовищное; ему нѣтъ мѣста въ усовершенствованномъ общежитіи, и въ устраненіи этой аномаліи „нѣтъ ничего нелѣпаго или несбыточнаго, потому что причина явленія—бѣдность и ея слѣдствія“. (Headlam, Christian Socialism. Fabian Tracts. № 42. Reprint. 1896, 3). Мы же скажемъ, что въ этихъ словахъ съ одной стороны чудовищна безнравственность, жалѣющая о смерти тѣхъ, кто получилъ жизнь и не жалѣющая о тѣхъ, кто далъ ее, и нелѣпа надежда устранить смерть возрастаніемъ богатства и его слѣдствій, по бо̀льшей части столь смертоносныхъ. „*Пока будетъ смерть, будетъ и бѣдность, бѣдность природная*“ („Эпиграфы къ „Пасхальнымъ Вопросамъ“), *естественный пауперизмъ*, проистекающій не изъ недостатка матеріальныхъ внѣшнихъ благъ или изъ ихъ неудовлетворительнаго распредѣленія, а изъ природнаго несовершенства нашей организаціи и отъ неродственныхъ отношеній нашихъ къ природѣ и природы къ намъ. И вотъ эту-то основную причину всеобщей нужды, всѣхъ бѣдствій и всей вражды въ человѣчествѣ совершенно не хотятъ или не умѣютъ увидѣть и понять надѣющіеся спасти человѣчество политическими и экономическими мѣрами. На недостаточность первыхъ имъ начинаютъ указывать уже люди ихъ собственнаго лагеря: „Все это прекрасно, все это прогрессъ, все это наука!.. И однако, не смотря на все, это, люди кругомъ насъ мрутъ съ голода!.. Право на жизнь, первое изъ всѣхъ правъ, игнорируется этимъ прогрессомъ!.. Чего же послѣ этого сто̀ятъ наши старые и достойные осмѣянія политическіе вопросы, такъ долго наполнявшіе своею пустотою умы, а, можетъ быть, и сердца наши?..“ (Рѣчь аббата Нодэ на Ліонскомъ, конгрессѣ Христіанской Демократіи. 1-г Congrès de la Démocratie Chrétienne. Procès-verbaux, 165). Мы же спѣшимъ прибавить: не одни политическіе вопросы, но и экономическіе, если они выдѣлены отъ нравственныхъ и поставлены выше ихъ.

Маньаки „хозяйственныхъ способовъ“ прогресса даже и не доходятъ

до хозяйства надъ природою; они не идутъ дальше эксплуатаціи ей, дальше наемническаго или хищническаго, явно-грабительскаго отношенія къ ней. „Мы все еще смотримъ на природу, какъ на кладовую средствъ для удобствъ жизни и наслажденій“ („Вопросъ о братствѣ“. 1 редакц. Слова архіеп. Амвросія Харьковскаго). Но, какъ ни велика кладовая, и она истощится при разбойничьемъ отношеніи къ ней. Смущаются ли однако этимъ соображеніемъ апостолы „Евангелія Богатства“ и вѣрноподданные Царства Золотого Тельца? Нимало! У нихъ только и на умѣ, только и рѣчи, что̀ о пріисканіи новыхъ источниковъ наживы, да о наибольшемъ доходѣ. Нужно же *наибольшій, но все же случайный доходъ обратить въ постоянный и вѣрный доходъ* (тамъ же), а для этого единственный путь—*совершенное знаніе природы и управленіе ею.* Естествознаніе, а не политическая экономія ведетъ къ этому. Нужно знаніе природы такое, которое поставляло бы себѣ цѣлью счастіе всѣхъ, живыхъ и умершихъ, знаніе, которое поэтому должно составлять достояніе также всѣхъ, а не одной привилегированной касты ученыхъ и техниковъ, работающихъ на купцовъ и фабрикантовъ, убѣжденныхъ въ „всемірности дѣловой имперіи“ (Empire of Business“ Карнэджи), тогда какъ „именно для банкировъ-то и фабрикантовъ и нѣтъ мѣста въ дѣйствительно всемірной, *небесной* дѣятельности, отъ которой зависитъ и вся разумная и нравственная дѣятельность земная. Даже для села менѣе препятствій сдѣлаться „гражданиномъ міра“, тогда какъ Лондоны и Парижы изъ первыхъ должны стать послѣдними“ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія мира“). „Именно въ странахъ мануфактурныхъ наука не можетъ раскрыться во всей своей полнотѣ, не можетъ получить приложенія, соотвѣтствующаго широтѣ мысли научной, такъ какъ дѣятельность тамъ не совпадаетъ съ знаніемъ, ибо послѣднее стремится охватить всю природу, а первая сосредоточивается главнымъ образомъ на производствѣ мелочей и пустяковъ (Тамъ же). По признанію самихъ поклонниковъ экономическаго прогресса, „энтузіазмъ науки и энтузіазмъ рынка въ настоящемъ строѣ общества совпадаютъ“ (Вах, 133). Мало того! Хуже того, еще позорнѣе, еще гибельнѣе! „Нынѣшняя наука находится подъ вліяніемъ половымъ; ибо, рабски подчиняясь промышленности, она въ значительной степени трудится для культа *женщины*, въ интересахъ полового подбора; если же она работаетъ надъ примѣненіями къ военному дѣлу, она является сотрудницею дѣятельности *мужской* половины человѣчества, но сотрудницею, увеличивающею зло дѣятельности губительной; если же, наконецъ, наука остается чистою, неприкладною, отвлеченною, она, правда, можетъ быть сочтена *безполою*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *безжизненною*, ибо въ ней нѣтъ чувства къ отцамъ, источникамъ жизни сыновъ; она и здѣсь, какъ въ двухъ первыхъ случаяхъ, не подобна Духу Святому, *животворящему, отъ Отца исходящему* („Вопросъ о братствѣ“. 2 ред.). Въ соціализмѣ же наукѣ предстоитъ еще худшая участь, еще вящшее униженіе: ибо здѣсь всѣ, „ассенизаторы и профессоры“, „всѣ въ равномъ достоинствѣ“ будутъ предстоять не передъ Богомъ отцовъ, а передъ богинею Кооперацією, при чемъ даже ученый трудъ снизойдетъ на уровень товара (такъ и по Бебелю, и по Беллами).

Правда, соціализмъ обѣщаетъ всѣхъ сдѣлать образованными, и въ этомъ нѣтъ ничего несбыточнаго; но это среднее, популярное образованіе, догматически запоминаемое по готовому масштабу и плану, эта фальсифицированная, тенденціозно сфабрикованная умственная пища, которою соціализмъ нашихъ дней пробавляетъ своихъ довѣрчивыхъ адептовъ, создавая „еще невиданное доселѣ полуобразованіе“ („Eine Halbbildung wie nie zuvor“, Göhre, 152—154), эти сумерки прогресса отдѣлены цѣлою бездною отъ полуденнаго солнца истиннаго знанія, отъ дѣйствительнаго, дѣятельнаго участія всѣхъ въ знаніи не только уже упроченномъ, но и развивающемся, идущемъ дальше („Вопросъ о братствѣ“, 1 ред.) *не для эксплуатаціи природы, не для расхищенія ея и гибели насъ вмѣстѣ съ нею, а для регуляціи и спасенія ея и насъ.* „Всякая работа должна стать не рыночною цѣнностью, не товаромъ, предлагаемомъ на торгу безъ зазрѣнія совѣсти, а „изслѣдованіемъ, какъ и всякое знаніе—дѣломъ“ („Наука дѣтская и совершеннолѣтняя“).

Только тогда наука станетъ всемогуща; а безъ науки, *такъ* понимаемой, какъ смѣетъ соціализмъ говорить о наступившемъ уже будто бы торжествѣ надъ природою, когда ни урожай, ни здоровье не въ нашихъ рукахъ, мы же всѣ въ рукахъ смерти? Не смѣшно ли слышать на эту трагическую тему самодовольно-пошлые, успокоительные комментаріи объ обезпеченіи отъ голода примѣненіемъ обширныхъ зернохранилищъ (Bebel, 304), или искусственнымъ противодѣйствіемъ дѣторожденію во избѣжаніе перенаселенія земного шара (354), или наконецъ легкимъ фабрично-химическимъ способомъ добыванія пищевыхъ продуктовъ (281)? Даже если бы послѣдняя задача (этотъ идеалъ городского Запада) и оказалась сбыточною, развѣ такое превращеніе поля и неба въ фабричную тюрьму и живой дѣятельности земледѣльца въ новый видъ машиннаго труда не сопровождалось бы окончательною умственною и нравственною гибелью народа? Развѣ эта послѣдняя замѣна регуляціи природы эксплуатаціею не была бы конечнымъ отреченіемъ отъ неба; ибо „не земля насъ кормитъ, а небо“ (по выраженію крестьянъ), и у Отца Небеснаго, а не у завода искусственной пищи просимъ мы хлѣба насущнаго. Говоримъ: „будь это возможно“... но на чемъ основана эта надежда при нашемъ съ одной стороны хищническомъ отношеніи къ природѣ, а съ другой—при нашей рабской зависимости отъ нея? Однимъ изъ наиболѣе гибельныхъ видовъ самообмана въ современной жизни есть злоупотребленіе словами „господство надъ природою“. Гдѣ оно, это господство, если подъ нимъ разумѣть не примѣненіе ея силъ на пустяки или на второстепенныя удобства жизни, а дѣйствительную, постоянную власть надъ основными условіями не только нашего собственнаго существованія, но и дѣйствій окружающихъ насъ космическихъ силъ? („Вопросъ о причинахъ и т. д.“ и „о злоупотребленіи словами „господство надъ природою“ и словомъ „братство“).

Власть немыслима безъ свободы, свобода—безъ знанія, доказанное, всемогущее знаніе—безъ дѣла. Вотъ почему „свободными дѣлаются, а не рождаются. Знаніе, какъ лишь таковое, оставаясь только знаніемъ, можетъ открыть, ко-

нечно, одно лишь рабство, а не свободу. Когда всѣ измѣненія въ мірѣ будутъ опредѣляться разумною волею, когда всѣ условія, отъ которыхъ зависитъ человѣкъ, сдѣлаются *его* орудіями, *его* органами, тогда только будетъ онъ свободенъ". „*Человѣческое всемогущество мыслимо лишь въ проектѣ всеобщаго освобожденія, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и всеобщее воскресеніе.* Высшее благо, какъ и свобода, составляютъ проектъ", только еще проектъ, а не дѣйствительность. Мы безъ устали болтаемъ о свободѣ и всевозможныхъ ея правахъ, а, сами того не замѣчая, „подразумѣваемъ подъ свободою почти полное подчиненіе природѣ и почти полную независимость другъ отъ друга, отъ общаго дѣла, отъ долга, понимаемаго въ надлежащемъ смыслѣ; не видимъ зла во взаимномъ отчужденіи и видимъ даже благо въ подчиненіи слѣпой силѣ, считая это естественнымъ и необходимымъ" („Вопросъ о причинахъ и т. д.").

„А между тѣмъ сама природа не подтверждаетъ и не оправдываетъ такого взгляда. Человѣкъ — крѣпостной земли, праздный пассажиръ, паразитъ, захребетникъ ея; съ нею совершаетъ онъ невольные рейсы вокругъ солнца, также несвободнаго въ своихъ движеніяхъ. Но въ тоже время солнце изливаетъ на землю волны силы, изъ коей растенія дѣлаютъ запасы; на счетъ же этихъ запасовъ образуются движущіяся существа, и не только движущіяся, но и сознающія это движеніе и старающіяся отдѣлиться отъ земли. Сама природа, слѣдовательно, какъ бы нарушаетъ свое крѣпостное право надъ человѣкомъ... она начинаетъ его освобожденіе не только отъ закрѣпощенія, но и отъ паразитизма и всякаго захребетничества; она непосредственно не кормитъ и не одѣваетъ его, заставляя добывать все необходимое *трудомъ*" („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра").

Но, скажутъ намъ, соціализмъ какъ разъ этого и требуетъ: „да не будетъ наслажденія безъ труда, ни труда безъ наслажденія" (Bebel, 267)—вотъ его правило. Правило недостаточное и ложное, отвѣтимъ мы, когда оно ограничивается тѣмъ, въ чемъ соціализмъ видитъ идеалъ, то есть, когда всеобщій трудъ имѣетъ цѣлью наслажденіе однихъ трудящихся, или, иными словами, когда цѣлью жизни остается одно настоящее, одна сравнительно ничтожная часть человѣческаго рода, одни живущіе, а не все человѣчество въ совокупности, не всѣ живущіе *и жившіе*. Въ забвеніи послѣднихъ, въ пожертвованіи ими и заключается грѣхъ ложной культуры, основанной на стремленіи къ матерьяльному обогащенію и къ чувственному наслажденію, и въ грѣхѣ этомъ повиненъ не одинъ соціализмъ, но и все новѣйшее гуманистическое просвѣщеніе. Не поэтъ ли этой нарядной, но безсердечной „общечеловѣчности" сказалъ: „Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы, кто каждый день ихъ долженъ добывать?" Если мы примемъ это выраженіе буквально, то-есть въ томъ смыслѣ, что добывается дѣйствительно жизнь, а не средства только къ поддержанію жизни, и не мнимая, а дѣйствительная свобода, тогда личность приметъ гигантскіе размѣры, колоссальный образъ. Сколько гордости въ такомъ опредѣленіи свободнаго существа, и какое неоправданное дѣйствительностью самомнѣніе со стороны современнаго человѣка считать себя такимъ

существомъ уже и нынѣ! Но даже и этотъ величавый на первый взглядъ идеалъ не долженъ быть цѣлью человѣка: величію силы въ немъ не соотвѣтствуетъ слабость любви. Нельзя ставить на первый планъ всегда себя, даже просвѣтленнаго, облагороженнаго себя и свою личную свободу; нельзя довольствоваться ни „высшимъ идеальнымъ эгоизмомъ“ соціалистовъ (Bebel, 272 и Rade, 123: „хорошій человѣкъ долженъ быть эгоистомъ!“), ни сверхчеловѣчностью Ницше. Можно ли гордиться своимъ просвѣщеніемъ среди братьевъ, оставляемыхъ во тьмѣ невѣжества, или своею свободою, когда вокругъ все человѣчество въ неволѣ?.. „Нѣтъ достоинства въ добываніи жизни только для себя, для своей драгоцѣнной личности и въ защитѣ одной своей независимости: всякій звѣрь такъ поступаетъ!“ Нельзя оправдываться въ данномъ случаѣ ссылкою на то, что забота о личномъ существованіи необходима для дѣтей: „что это за апоѳеозъ подёнщины эфемернаго существованія! Даже съ точки зрѣнія личнаго, эгоистическаго расчета такое опредѣленіе неудовлетворительно. Негодно оно, наконецъ, и съ нравственной точки зрѣнія, а это самое главное, рѣшающее: если бы матерьяльное обезпеченіе неизмѣримо превосходило даже самыя смѣлыя мечты соціалистовъ, если бы трудомъ добывались не только жизнь и свобода, но и самыя орудія ихъ добыванія, и такимъ образомъ создавались бы дѣйствительно полная свобода и самодѣятельность, тождественная съ личнымъ безсмертіемъ, и если бы послѣднее могло быть распространено на всѣхъ живущихъ,—даже и этотъ идеалъ (о которомъ, конечно, и не мечтаютъ ученики „Евангелія Богатства“) остался бы все-таки нравственно-несостоятельнымъ, нечестивымъ и грѣховнымъ; ибо такое безсмертіе было бы пріобрѣтено цѣною неискупленной смерти многихъ поколѣній, отъ которыхъ достигающіе безсмертія получили жизнь. Только эгоистическое, неблагодарное, только безнравственное существо способно было бы принять такое безсмертіе („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“).

Пора отрезвиться преждевременнымъ хвастунамъ свободы, рабамъ, величающимъ себя властелинами міра! „Мы живемъ не на чужой только счетъ, не на счетъ лишь слѣпой природы, „ея подарками, ея подачками намъ, нищимъ и убогимъ, что должно бы казаться позорнымъ для мнящихъ себя вѣнцомъ творенія; „мы живемъ и на счетъ себѣ подобныхъ, даже самыхъ близкихъ, замѣняя, вытѣсняя ихъ, а это уже не только позорно, но и преступно. Всѣ бѣдствія, физическія и нравственныя, суть естественныя послѣдствія подчиненія нашего слѣпой силѣ, на счетъ которой мы живемъ; ибо, повинуясь влеченіямъ силы чуждой, неподобной намъ, хотя и въ насъ самихъ живущей, мы становимся врагами себѣ подобныхъ и даже самыхъ близкихъ. Такимъ образомъ, нынѣшняя жизнь (каковы бы ни были политическіе, юридическіе и экономическіе варіанты ея строя) дѣлаетъ и будетъ дѣлать насъ не только недостойными счастія, но и несчастными. Но если глубина самоосужденія превращаетъ Страшный Судъ изъ трансцендентнаго въ имманентный, то и искупленіе требуетъ съ нашей стороны усилій, труда для обращенія не нами произведеннаго, даровою въ трудовое. Долгъ, слѣдовательно,

возникаетъ не изъ займа только, но и изъ грѣха, изъ преступленія; ибо каждое поколѣніе, рождаясь, тѣмъ самымъ наноситъ смерть своимъ родителямъ, отнимая у нихъ часть ихъ самихъ, часть ихъ силъ, ихъ жизни. Вотъ почему *долгъ* есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *повинность*. Сознаніе, что долгъ жизни не оплаченъ, есть сознаніе своей зависимости, рабства, невольности, смертности, словомъ—не-братства. Въ неоплаченномъ долгѣ заключается наказаніе рабствомъ, смертью. Оплаченный долгъ есть возвращеніе жизни тѣмъ, отъ кого она получена и черезъ это—свободы и себѣ („Вопросъ о братствѣ", 2 ред.).

При этомъ должно замѣтить, что содержаніе долга всегда одинаково; разница только въ уплатѣ, то есть въ чемъ мы полагаемъ ее. „Око за око", жизнь за жизнь, конечно, уплата, и даже, по жестокости, равноцѣнная. Вира, то-есть матерьяльное вознагражденіе, уплачиваемое за погибшую рабочую силу семьѣ убитаго на работахъ, тоже плата, хотя и весьма неравноцѣнная. Но въ обоихъ случаяхъ плата, очевидно, недѣйствительна, произвольна и не уменьшаетъ долга, а въ первомъ случаѣ даже удвояетъ его. Всѣ проступки и преступленія, отъ малѣйшаго оскорбленія до убійства, имѣютъ значеніе разрушенія жизни; юридическія же возмездія жизни не возвращаютъ. Экономическая плата за вещи и услуги столь же недѣйствительна. Правда, за услуги и вещи, полученныя нами отъ другихъ, мы можемъ уплачивать тѣмъ же, то есть подобными-же услугами и вещами, но мы не можемъ возвратить тѣхъ силъ, той части жизни, которая потрачена на ихъ производство. Мѣна не заключаетъ въ себѣ взаимнаго возвращенія потраченныхъ жизненныхъ силъ, а ведетъ только ко взаимному разоренію, къ ослабленію, къ смерти. Все это показываетъ, что *содержаніе долга есть всегда жизнь, а потому и погашеніемъ долга можетъ быть только возстановленіе жизни, воскрешеніе* (Тамъ-же).

Вотъ почему дѣйствительную, всеобщую, природную нашу бѣдность, естественный пауперизмъ, являющійся слѣдствіемъ нашихъ частью рабскихъ, а частью хищническихъ отношеній къ природѣ и вытекающихъ отсюда небратскихъ отношеній между людьми, уничтожить не могутъ никакіе экономическіе пріемы, никакія хозяйственныя, матеріальныя улучшенія, реформы или революціи. Безсильно накопленіе богатства, что бы ни говорили капиталисты утратившіе совѣсть или еще сохранившіе остатки ея: концентрація богатства не можетъ быть долговременна; безъ труда оно таетъ быстро (H. George, Progress and Poverty, 104 sq.) и, какъ выше сказано, имъ и всѣми даже благороднѣйшими плодами его не возмѣщается затраченная на его добычу часть силъ и жизней человѣческихъ, „потъ и кровь труда, прилипшіе къ мильонамъ (выражаясь словами одного Американскаго университета, отказавшагося недавно принять отъ Карнэджи 25 мильоновъ долларовъ на дѣло просвѣщенія). Безсильно и всякое распредѣленіе богатства во всѣхъ его видахъ, деньгами ли, землею ли: „право всѣхъ на землю равносильно праву умирать съ голоду; община обусловливаетъ собою равенство всѣхъ, но равенство передъ нищетою" (Чупровъ въ „Нуждахъ деревни". I, 180).

Не спасетъ отъ общихъ бѣдствій, наконецъ, и никакая организація труда, только къ одной матеріальной цѣли направленнаго. Раздѣленіе труда, столь восхваляемое политико-экономами, только содѣйствуетъ перепроизводству, изготовленію излишняго, не гарантируя всегдашней наличности необходимаго, да производству „цѣлыхъ горъ бездѣлушекъ и красиваго полового оперенія для самцовъ и самокъ изысканной городской культуры“ („Вопросъ о причинахъ и т. д.“). При безцѣльности самого торгово-промышленнаго общества никакое распредѣленіе занятій не можетъ улучшить положеніе человѣчества такъ же точно, какъ и равномѣрное распредѣленіе труда соціалистами. Пока дѣятельность людей будетъ не дѣломъ регуляціи природы, а лишь поддѣлкою подъ природу, она не въ силахъ обезпечить даже чисто-матерьяльнаго благосостоянія: надъ нею всегда, какъ мечъ Дамокла, будетъ висѣть насиліе, произволъ той слѣпой vis major, передъ которою покорно, совсѣмъ по-холопски, склоняются во прахѣ гордецы, сыны необузданной свободы, не выносящіе никакого проявленія власти со стороны существъ разумныхъ („Вопросъ о причинахъ“). Призрачны также и всѣ надежды, возлагаемыя на облегченіе труда и его уменьшеніе: трудъ, даже и легкій, даже и краткій, не ведущій къ полному освобожденію отъ неволи передъ природою, остается тяготою, зломъ, по собственному признанію соціалистовъ; а обезсмысленіе его, механизація, требующая, при расширенномъ усовершенствованномъ производствѣ, одного ума на тысячу рукъ, должна дѣлать его прямо ненавистнымъ существу, рвущемуся къ свободной всесторонней дѣятельности (тамъ-же). Наконецъ, при должномъ взглядѣ на задачу жизни, вопросъ объ укороченномъ рабочемъ днѣ превращается въ отвѣтственный передъ нравственностью вопросъ: куда дѣвать остающійся и имѣющій возрастать досугъ празднымъ, по народному, „гулящимъ“ людямъ; и не есть-ли этотъ досугъ, желанный идеалъ несовершеннолѣтнихъ, противоположность дѣлу или службѣ, какъ выраженію взгляда на жизнь у человѣчества достигшаго совершеннолѣтія? („Слово о дѣлѣ и долгѣ“ и „О двухъ нравственностяхъ: теоантропической или долгѣ всеобщаго воскрешенія, и зооантропической или правѣ на личное наслажденіе“). Не соціалистическій „энтузіазмъ къ производству“, не коммунистическое превращеніе „моего“ и „твоего“ въ право всѣхъ на вся“, не развитіе наибольшихъ потребностей при максимальной способности и возможности удовлетворенія и не субботній покой, безсильно подновляемый различными новыми проповѣдниками или безцѣльнаго труда или недѣланія, а *трудовое безсмертіе и воскрешеніе дастъ человѣчеству богатство не ветшающее и счастіе не мимолетное, не призрачное* („Вопросъ о братствѣ“, 2 ред.). Будемъ ли мы жить чужими трудами (капитализмъ) или сами трудиться, но для ложной цѣли (соціализма) сѣя не жизнь, а тлѣніе, все равно, мы не достигнемъ довольства даже тѣлеснаго, еще же менѣе блаженства духовнаго, нравственнаго; лишимъ и человѣчество будущности, обречемъ его навсегда на полуживотное состояніе, будемъ и впредь, какъ доселѣ, повинны смерти. *Пока же будетъ смерть, будетъ и бѣдность*, даже и среди грудъ золота Ротшильдовъ и Вандербильдтовъ, даже и среди „невообразимой продуктивности“ кооперативнаго „Zukunftsstaat'a“!

Задача человѣчества рѣшается не вопросомъ о богатствѣ и бѣдности, а вопросомъ о жизни и смерти, вопросомъ, почему живущее умираетъ? *Задача человѣчества состоитъ въ обращеніи міра несвободнаго,* гдѣ все опредѣляется физическою необходимостью, безсознательною и безвольною причинностью, *въ міръ сознательный и свободный, который теперь мы можемъ представить себѣ лишь мысленно, но который должны осуществить дѣйствительно, активно и реально;* потому что это не идеалъ только, а и проектъ, въ которомъ сходятся, примиряются и объединяются высшія требованія знанія и нравственнаго чувства, истины, красоты, блага или добра и всеобщаго счастія или блаженства. („Вопросъ о братствѣ", 2-я редакція).

Владимиръ Кожевниковъ.

Исаръ. Іюнь 1905.

В. М. ЕРОПКИНЪ.

Участникъ обороны Севастополя 1854 г.

Наступаетъ полувѣковая годовщина безпримѣрной обороны Севастополя, и храмъ на стотысячномъ кладбищѣ призываетъ молитвенно помянуть беззавѣтно положившихъ животъ свой за Царя, за дорогую родину, и уже немногихъ оставшихся героевъ-Севастопольцевъ.

Въ тяжелую годину 1853 г. многихъ охватилъ патріотическій порывъ костьми лечь за славу Россіи. Вновь поступали въ военную службу находившіеся уже въ отставкѣ служаки. Въ этомъ числѣ былъ и Василій Михайловичъ Еропкинъ (Москвичъ, Рюриковичъ, прямой потомокъ Владимира Мономаха и его внука великаго князя Смоленскаго Ростислава). Онъ родился въ 1807 году, учился дома, за тѣмъ слушалъ лекціи въ Университетѣ, въ 1825 г. поступилъ въ Школу Гвардейскихъ подпрапорщиковъ, произведенъ прапорщикомъ л.-гв. въ Гренадерскій полкъ, съ которымъ въ 1828 году сдѣлалъ Турецкій походъ, и былъ на въ штурмѣ Варны въ 1-мъ батальонѣ, изъ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ единственный остался невредимъ, участвовалъ въ штурмѣ Варшавы, въ битвѣ при Остроленкѣ. Въ 1837 г. онъ вышелъ въ отставку, избранъ Серпуховскимъ дворянствомъ посредникомъ размежеванія земель (отъ содержанія въ 5000 р. отказался). Въ сороковыхъ годахъ В. М. Еропкинъ женился на извѣстной Московской красавицѣ Наталіи Алексѣевнѣ Смирновой и съ тѣхъ поръ мирно занимался хозяйствомъ въ своемъ родовомъ подмосковномъ имѣніи Лопаснѣ. Въ 1853 г. загорѣлась Восточная война. Еропкинъ бросилъ семью, хозяйство, явился на призывъ Царя и поступилъ въ Бородинскій Егерскій Его Высочества Цесаревича Наслѣдника (нынѣ 68 лейбъ-Бородинскій Его Величества) полкъ.

19-го Ноября 1853 г. въ Москвѣ собралась вся семья Еропкиныхъ, отслужили напутствующій молебенъ, простились... Василій Михаиловичъ оставилъ жену и пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, старшая 8-лѣтняя, младшая у кормилицы.

По маршруту полкъ выступилъ на Кавказъ, но въ дорогѣ получилъ приказъ идти въ Севастополь.

Еропкинъ командовалъ 3-мъ батальономъ, состоялъ въ спискахъ 3-й карабинерной роты. Онъ отечески заботился о солдатахъ во время зимняго, продолжительнаго, труднаго похода, благодаря чему не было у него заболѣваній, и за что онъ получилъ высочайшую благодарность,

На всѣхъ днёвкахъ, мѣстные жители радушно, съ хлѣбомъ солью, встрѣчали Бородинцевъ, будущихъ героевъ; дѣлились съ ними всѣмъ, напутствовали ихъ молебнами, подносили иконы.

Только 13 Апрѣля 1854 г., въ день Свѣтлаго Праздника, когда въ церквахъ ударили къ поздней обѣднѣ, Бородинцы вступили въ Севастополь. Полкъ помѣстили временно въ Морскихъ казармахъ на Корабельной; съ Мая разбили лагерь на Бельбекѣ.

У нѣкоторыхъ жителей Севастополя были дачи за городомъ; они наперерывъ приглашали полковую молодежь, оказывали сердечное вниманіе, особенно были привѣтливы г. Бибиковъ и его двѣ красавицы-дочери; иногда молодые офицеры устраивали танцы, которые хотя минутно отвлекали мысли отъ надвигавшейся грозы.

Въ Августѣ мѣсяцѣ Бородинцы выступили изъ лагеря и стали на позицію въ аулѣ Бузлюкѣ, на рѣкѣ Альмѣ. Утромъ 7-го Сентября послали развѣдчиковъ, они были въ бѣлыхъ кителяхъ; вечеромъ къ нимъ пришла смѣна въ сѣрыхъ шинеляхъ. Съ развѣдчиками былъ совсѣмъ юный прапорщикъ, Василій Яковлевичъ Ребиндеръ (нынѣ генер.-лейтенантъ), вдругъ видитъ, на нихъ несется непріятельскій эскадронъ тоже въ бѣлыхъ кителяхъ (непріятель принялъ нашихъ въ бѣлыхъ кителяхъ за своихъ), эскадронъ такъ близко подскакалъ, что развѣдчики-Бородинцы приняли его въ рукопашную. «Хватай эскадроннаго командира въ плѣнъ», крикнулъ Ребиндеръ; мигомъ унтеръ-офицеръ схватилъ лошадь подъ уздцы, другой ударилъ Француза по рукѣ, пистолетъ выпалъ, эскадроннаго командира забрали и тотчасъ доставили на Мекензевы горы, гдѣ расположился главнокомандующій князь Меншиковъ. На его вопросъ плѣнному «Ваша фамилія?»—«Виконтъ де-Конди».—«Вашу шпагу!» Виконтъ ее отдалъ, вынувъ клинокъ. Князь прочелъ на немъ «vaincre ou mourir» (побѣдить или умереть) и насмѣшливо взглянулъ на виконта, который сконфуженно сказалъ: «j'espère que j'ai fait mon devoir; oh Dieu, que diront les journaux!» (надѣюсь я исполнилъ свой долгъ, о Господи, что̀ скажутъ газеты). Виконта де-Конди доставили плѣннымъ въ Севастополь, хотя онъ сильно надѣялся на освобожденіе.

Утромъ, 8-го Сентября, Бородинскій полкъ построился на р. Альмѣ. Въ 10 ч. начался молебенъ; горячо молились готовившіеся къ бою, для нѣкоторыхъ это была послѣдняя земная молитва... Во время окропленія святой водой и пѣнія «Спаси Господи люди Твоя», раздался 1-й залпъ непріятеля. Началась страшная убыль людей; послѣ паденія всякой бомбы раздавалась команда «сомкнись», кровь лилась; пальба, грохотъ барабановъ, стоны умирающихъ сливались. Пронесли А. Д. Френева 2-го (пуля штуцерная угодила ему въ ногу), Д. Н. Николаева, раненаго въ животъ. Юнкеръ Тимротъ, передавая приказанія, на полусловѣ убитъ

на-повалъ. Капитанъ Ирпей Людовиковичъ Гиршбаумъ контуженъ въ затылокъ, А. Ф. Поплавскій — въ грудь; П. Н. Циргъ—въ правую руку и поясницу; Н. А. Савичъ—въ щеку. Раны наносились штуцерными, т. е. Англійскими пулями. Доктора, фельдшера, по локоть въ крови, работая свыше силъ, не успѣвали дѣлать перевязки; нѣкоторые были сами убиты, подавая раненымъ первую помощь.

Для обстрѣливанія непріятеля вызвали изъ батальоновъ полка вооруженныхъ штуцерными ружьями. 3-й батальонъ, какъ и весь полкъ, несъ громадную убыль отъ нарѣзнаго оружія непріятеля, который выставилъ 70.000 войска противъ 24.000 нашихъ. До 5 ч. дня непріятель обстрѣливалъ адскимъ огнемъ, отъ котораго таяла 17-я дивизія; въ это время, на всѣхъ парахъ, форсированнымъ маршемъ, дѣлая по 60 верстъ въ сутки, пришла 16-я дивизія и *прямо съ похода* вступила въ бой. Непріятельская дивизія, подъ командою герцога Кембриджа, стоявшая противъ центра нашей позиціи, перешла на лѣвый берегъ р. Альмы. Бородинскій полкъ отошелъ къ р. Качѣ ожидать приказаній.

Все время сраженія при Альмѣ, Еропкинъ былъ передъ 3-мъ батальономъ верхомъ на лошади своего завода «Золотомъ»; умное животное инстинктивно чуяло опасность и противъ воли сѣдока дѣлало скачки въ сторону, а на покинутомъ мѣстѣ разрывалась бомба, падала граната. В. М. заставилъ «Золотого» остаться на мѣстѣ и тутъ же былъ тяжело контуженъ въ лѣвую ногу (пуля засѣла въ сапогѣ и хранится у дочерей Еропкина), а «Золотой» убитъ осколкомъ бомбы. Еропкинъ отправился на Сѣверную въ бараки, гдѣ его перевязали, въ лазаретѣ оставался нѣсколько дней и снова пошелъ въ строй.

Въ сраженіи подъ Альмой, прапорщикъ Вас. Яковл. Ребиндеръ былъ въ цѣпи верхомъ; осколкомъ бомбы ему оторвало каблукъ и часть пятки правой ноги; въ разгарѣ сраженія онъ остался верхомъ въ строю, отъ сильной потери крови потерялъ сознаніе и только тогда его сняли съ лошади, а исковерканное стремя глубоко врѣзалось въ рану, въ 12 ч. ночи его доставили въ аулъ Мамашой, гдѣ сдѣлали перевязку; утромъ перевезли въ Севастополь, въ Морской госпиталь, гдѣ уходъ былъ неважный. Докторъ, пользовавшій Ребиндера, уговаривалъ его ампутировать ступню ноги, но раненый не соглашался. Въ одинъ изъ осмотровъ, докторъ, думая, что Ребиндеръ въ забытьи, говоритъ хирургу: когда прапорщикъ будетъ безъ сознанія, ампутируйте ему ногу! В. Я. это слышалъ, собралъ послѣднія силы и далъ доктору такой сильный урокъ, который онъ вѣроятно помнилъ до конца своей жизни. «Такъ и надо», сказалъ раненый Безобразовъ. Въ этой палатѣ лежалъ кпраспръ офицеръ Генер. Штаба Жолобовъ; ему тоже предлагали ампутацію ноги, Ребиндеръ совѣтовалъ не давать рѣзать ногу, но докто-

ра побѣдили: отрѣзали выше ступни, сдѣлалась гангрена; отрѣзали выше, еще отрѣзали—гангрена, и Жолобовъ скончался. Ребиндеръ потребовалъ, чтобы его перевезли на собственную квартиру, гдѣ его фельдшеръ толково лѣчилъ. Когда началась бомбардировка, В. Я. перевезли въ Симферополь, гдѣ онъ жилъ въ прекрасной семьѣ Лагоріо, окруженный лаской и вниманіемъ. Зимой Ребиндеръ уѣхалъ лѣчиться въ Петербургъ. У прапорщика Станкевича, отъ затылка до пятокъ—сплошная зіяющая рана, ребра были видны, 6 мѣсяцевъ пролежалъ ничкомъ, питали его исключительно размазней и разными кашами; только въ 1856 г. онъ настолько оправился, что могъ ходить на костыляхъ.

12-го Сентября князь Меньшиковъ повелъ войска къ Бахчисараю, 19-го Бородинскій полкъ вступилъ въ Севастополь, и его назначили на 4-е отдѣленіе оборонительной линіи, гдѣ онъ занялъ позицію отъ Малахова кургана до рейда. Тотчасъ по вступленіи, полкъ приступилъ къ оборонительнымъ работамъ.

Еропкинъ съ 3-мъ батальономъ работалъ при возведеніи 2-го бастіона. Между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ были прорыты траншеи; надо было сравнять неровности, находившіяся впереди ихъ и другихъ бастіонахъ: работа адски трудная, такъ какъ приходилось для этого носить землю издалека, иногда посланные не возвращались: убиты или ранены.

5 Октября 3-й батальонъ, находясь на 2-мъ бастіонѣ и въ траншеяхъ, выдержалъ первую бомбардировку Севастополя. При разрушительномъ грохотѣ изъ непріятельскихъ траншей и флота, солдатики 24 часа работали безъ отдыха, потерявъ многихъ ранеными и убитыми. Кап. Левашевъ контуженъ въ верхнія конечности, обожжены оба плеча и получилъ нѣсколько поверхностныхъ ранъ. Подпоруч. Френевъ раненъ въ лѣвую губу, контуженъ въ голову и въ правый глазъ осколкомъ бомбы. С. П. Вороновъ раненъ въ голову осколкомъ бомбы.

Вечеромъ этого ужаснаго боя, Еропкинъ, вернувшись на позицію, кромѣ казенной порціи, далъ отъ себя двойную порцію водки утомившимся солдатикамъ и велѣлъ имъ лечь отдыхать. Въ это время пришелъ раненый плѣнный Французъ, полковникъ Грандидіэ (послѣ сраженій Французы дружили съ Русскими, но Русскіе съ Англичанами—никогда). «Полковникъ, у меня просьба: позвольте мнѣ отдохнуть въ вашей палаткѣ, всѣ бараки, госпитали переполнены». «Простите великодушно», отвѣчалъ Еропкинъ, «я сутки былъ съ людьми на работѣ безъ отдыха, въ другой разъ моя палатка къ вашимъ услугамъ, а теперь напьемся чаю, поужинаемъ чѣмъ Богъ послалъ». Скромный ужинъ еще не кончился, прибѣжалъ вѣстовой: «ваше высокоблагородіе, начальникъ дивизіи требуютъ». Еропкинъ быстро одѣлся и проспѣлъ Грандидіэ его

подождать. Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ встрѣтилъ его словами: «Полковникъ Еропкинъ, въ 12 ч. ночи вамъ съ батальономъ выступать».—«Ваше превосходительство, люди сутки были на работѣ безъ отдыха, безъ пищи, убыль громадная».—«Что дѣлать, полковникъ, людей нѣтъ».—«Слушаю, ваше превосходительство». В. М. вернувшись къ себѣ, сказалъ полковику Грандидіэ: «Можете располагать моей палаткой, мнѣ приказъ выступить въ 12 ч. ночи; если не вернусь—вотъ адресъ моей жены, будете въ Москвѣ—скажите ей, что я умеръ какъ мои предки... за славу дорогой родины, прощайте!» Въ 12 ч. ночи батальонъ выступилъ и 6-го Октября на разсвѣтѣ, при неумолкаемой бомбардировкѣ, работалъ на укрѣпленіяхъ Севастополя. Послѣ полудня, 3-й батальонъ былъ смѣненъ другими войсками. Подходя къ своей палаткѣ, Еропкинъ замѣтилъ, что она будто не совсѣмъ въ порядкѣ; входитъ въ нее, а полковникъ Грандидіэ лежитъ на постели убитый гранатой, пробившей сверху палатку. Рука Всевышняго сохранила отца пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей; жена В. М., со дня его выступленія въ походъ, ежедневно ходила къ заутрени и обѣдни.

Еропкинъ ходилъ въ госпиталь навѣщать своихъ солдатиковъ. «Здорово Грищенко, какъ себя чувствуешь?» (у него ногу отняли до колѣна). «Болитъ все, ваше высокоблагородіе, эта самая нога, ну да я Англичанкѣ не спущу! Вотъ ужо поправлюсь, покажу ей», говоритъ Грищенко. «А ты Ивановъ?»—«Я-то что, ваше высокоблагородіе, а вотъ больно жаль ротнаго, хорошій былъ баринъ, царство ему Небесное!» Видимо Ивановъ хотѣлъ перекреститься, но, съ тоскою взглянувъ на болтающійся пустой рукавъ правой руки, прошепталъ «Его Святая воля»! Лежитъ солдатъ, глаза горятъ (раненъ въ животъ на вылетъ); на вопросъ В. М., лучше ли ему «Сумно (грустно), ваше высокоблагородіе, раздумался о домѣ; чай, женка, дѣти малыя вѣсточки ждутъ, увижу ли ихъ!» горячая слеза скатилась по впалымъ щекамъ страдальца. В. М. многимъ написалъ письма, обласкалъ, снабдилъ табакомъ. «Прощайте, братцы; дай Богъ вамъ выздоровѣть, до дому добраться, спасибо за царскую службу».—«Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе, благодаримъ покорно, берегли насъ какъ отецъ родной, вѣкъ не забудемъ», Со слезами разстался Еропкинъ съ великими, по беззавѣтной храбрости и по удивительной скромности, героями.

Въ восточную войну штабъ и оберъ-офицеры носили шинели покроя, цвѣта и сукна какъ у солдатъ; у Еропкина шинель была пробита пулями въ 28 мѣстахъ. Онъ шелъ по улицѣ Севастополя обѣдать къ товарищу, порывъ вѣтра отвернулъ правую полу шинели, а осколокъ бомбы оторвалъ ее. Падаетъ бомба, плѣнный Турченокъ съ крикомъ «Варна, Варна» обнимаетъ ее—образуется громадная лужа крови,

14-го Октября 3-й батальонъ съ полкомъ участвовалъ въ большой вылазкѣ, которая унесла много жертвъ: Вл. Пет. Языковъ раненъ въ лопатку на вылетъ; Н. Кар. Шонертъ *) — пуля пробила колѣно, переломила берцовую кость. Штаб.-кап. Литвиновъ, А. С. Паливецкій тяжко контужены. Трубачевъ, Смирновъ, Тумановъ ранены, также С. Ф. Брюховъ. Сколько храбрыхъ положили животъ свой за Царя и родину! 172 нижнихъ чина выбыли изъ строя. Вылазка 14 Октября 1854 года была совершена съ цѣлью отвлечь вниманіе противника отъ Балаклавы; направленіе вылазки было — отъ большой бухты на правый флангъ непріятельскаго лагеря. Полки дошли до самаго лагеря и собрались штурмовать бывшій тамъ редутъ, но, встрѣтивъ сильное сопротивленіе, согласно полученной инструкціи, отступили: по доковому оврагу—Бутырскій полкъ, по Киленъ-балкѣ—Бородинцы и по Саперной дорогѣ—артиллерія.

Съ 7-го Сентября во всѣхъ вылазкахъ, сраженіяхъ участвовали два юныхъ прапорщика Н. Н. Родіоновъ и Д. М. Мессарошъ, веселые, добродушные, товарищи ихъ любили, хотя часто подшучивали надъ ними.

20-го Октября Бородинскій полкъ перешелъ въ Чоргунъ; 24-го Октября, переправившись черезъ мостъ на р. Черной, онъ пошелъ къ Воловьей балкѣ. Поднявшись на площадку, егеря Тарутинцы и Бородинцы бросились въ штыки на бригаду Адамса и заставили ее отступить къ № 1 батареѣ. Несмотря на страшныя потери (командиръ Бородинскаго полка Шелюта-Веревкинъ смертельно раненъ), егеря, сомкнувъ ряды, какъ львы бросались на батарею и взяли ее. Адамсъ ихъ оттѣснилъ. Бородинцы и Тарутинцы, устроивъ ряды, снова ринулись на войска Адамса, но тутъ подоспѣли свѣжія непріятельскія бригады Бентинга, и всѣ обрушились на Бородинцевъ. Оставшаяся горсть храбрыхъ, опустившись въ каменоломный оврагъ, стала вновь строиться, идти въ бой. Некому было вести ихъ! Во время этой адской рѣзни убиты командиры 1-го, 2-го и 4-го батальоновъ: полковникъ Пржецлавскій, подполковникъ Казариновъ и маіоръ Дурново. Ни людей, ни носилокъ не хватало выносить раненыхъ; сами другъ другу помогали. Кн. С. Н. Максутовъ, кн. Эсп. А. Ухтомскій, Акимовъ, Садовниковъ, Н. М. Прянишниковъ тяжко ранены. Я. А. Рейнеке раненъ въ шею около дыхательнаго горла. Беккеръ и Сташевскій контужены. Поручикъ Паливецкій, командиръ 10 егерской роты, и унтеръ-офицеръ бросились на непріятельскую батарею, гдѣ заклепали два орудія, но, увидѣвъ, что знаменнаго унтеръ-офицера 4 батальона убили, бросились къ знамени и вынесли его изъ подъ сильнаго непріятельскаго огня. Прапорщикъ Доможировъ, съ тремя

*) Генералъ-маіоръ Шонертъ скончался четыре года назадъ.

нижними чинами, во время рукопашной схватки, когда все перемѣшалось, охранялъ знамя 3 батальона и вынесъ его изъ боя къ сборному пункту.

Еропкинъ, единственный уже начальникъ Бородинцевъ, былъ верхомъ, отдавая приказанія; штуцерная пуля ударила его подъ колѣно правой ноги, онъ упалъ съ лошади, которую тоже ранило; 765 нижнихъ чиновъ ранеными и убитыми въ одномъ Бородинскомъ полку! В. М. Еропкина отнесли въ бараки, пуля засѣла въ сѣткѣ тончайшихъ жилокъ. Его навѣщали Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, предлагая ему рѣшиться на операцію; но проф. Пироговъ, за опасностью, отказался вынуть пулю. Съ великими стараніями перевезли Еропкина въ Симферополь, гдѣ его помѣстили въ частный лазаретъ гостепріимныхъ сестеръ Рудзевичъ, которыя отдали свой домъ для раненыхъ и сами ухаживали за ними, какъ истинныя сестры милосердія. Отъ полученныхъ ранъ Еропкинъ заболѣлъ пятнистымъ тифомъ, но его крѣпкая, здоровая натуда поборола недугъ. Черезъ мѣсяцъ, оправившись, думалъ онъ уѣхать къ семьѣ, въ Москву, но рецидивъ тифа еще съ большей силой сломилъ его. Почти двѣ недѣли В. М. лежалъ безъ сознанія, безъ движенія, но въ страшномъ бреду (по словамъ его товарищей). Въ концѣ 2-й недѣли, въ одиннадцатомъ часу утра, въ палату вошелъ проф. Пироговъ осмотрѣлъ больного. «Къ 2-мъ часамъ будетъ кризисъ, онъ его не вынесетъ; когда умретъ, вынести его въ часовню». В. М. Еропкинъ все слышалъ, все понялъ; отъ слабости не могъ глазъ открыть, ни слова сказать; началось мучительное ожиданіе кризиса-смерти! Часы пробили 12-ть.... часъ.... В. М. горячо молился.... начался кризисъ, выступилъ страшно обильный потъ; Еропкинъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе поднять руку, перекрестился и заснулъ. Вечеромъ проснулся онъ отъ громкаго голоса Пирогова: «Когда умеръ Еропкинъ и куда его вынесли?»—«Я живъ, профессоръ», прошепталъ В. М.—«Надъ вами совершилось чудо, полковникъ; я тутъ не при чемъ, поздравляю васъ», радостно сказалъ Николай Ивановичъ.

Выздоровѣвъ отъ тифа, В. М. двигался на костыляхъ, со слезами благодарилъ барышень Рудзевичъ за ихъ сердечное вниманіе, ласковый уходъ и заботы. Въ началѣ Іюля 1855 года В. М. выѣхалъ къ семейству, въ Москву, взявъ съ собой круглаго сироту 11-ти лѣтняго Петрушу Окулова. Отецъ его подполковникъ остался въ полѣ сраженія; г-жа Окулова, ночью, съ деньщикомъ, при свѣтѣ фонаря, пошла искать мужа и только по запонкамъ рубашки узнала его. Отъ нравственнаго сотрясенія она преждевременно родила и скончалась.

Въ Москву пріѣхалъ плѣнный Сардинецъ, полковникъ Ландріани, дружески привязался къ В. М. Еропкину, восторгался Россіей, прекло-

нялся предъ Русской арміей. Ему даже зима, съ ея морозами нравилась, и онъ увѣрялъ, что Русскіе теплѣе южнаго солнца согрѣли его своею сердечною добротою и великодушіемъ. Портретъ его-дагеротипъ отправленъ въ музей Севастополя; также портретъ акварельный В. М. Еропкина въ мундирѣ лейбъ-Бородинскаго полка; копія съ него помѣщена въ альбомѣ, изданномъ инженеръ-генераломъ П. Ф. Рёрбергомъ. Командиръ лейбъ-Бородинскаго полка, полковникъ А. Н. Аникѣевъ, отъ имени полка и себя лично, просилъ прислать копію акварельнаго портрета В. М. Еропкина, что̀ было немедленно исполнено съ надписью: «Командиръ 3-го батальона лейбъ-Бородинскаго полка 1854 года. Оборона Севастополя. Альма. 2-й бастіонъ. Инкерманъ». Полковникъ Аникѣевъ горячо благодарилъ отъ имени всего лейбъ-Бородинскаго полка и себя лично за присланный портретъ, который «*вѣчно будетъ* хра«ниться въ полковомъ музеѣ и напоминать о доблестномъ однополча«нинѣ, служба котораго въ рядахъ славнаго лейбъ-Бородинскаго полка «въ эпоху геройской защиты Севастополя, да послужитъ намъ высо«кимъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ служить своей родинѣ и Великому «Вождю Русскаго народа».

Конецъ жизни В. М. Еропкинъ провелъ въ Твери, привѣтливый, ласковый, постоянно помогавшій, хлопотавшій за обездоленныхъ судьбою отставныхъ воиновъ. На фамиліи у В. М. была изумительная память: о событіяхъ, которыя совершились за 50 лѣтъ, онъ разсказывалъ безошибочно, будто они произошли вчера. Записки его о походахъ 1828 г. 1830 г. напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 г. № XII и 1878 г. № II, также въ «Русской Старинѣ» за 1885 годъ. Пріемъ, сдѣланный ему его однополчанами, л.-гв. гренадерскимъ полкомъ въ лагерѣ, подъ Краснымъ Селомъ 1881 г., былъ радостнѣйшимъ воспоминаніемъ стараго ветерана *). Штуцерная пуля, понемногу спускаясь, произвела прогрессивный параличъ нижнихъ конечностей и приковала В. М. къ одру страданій, которыя онъ переносилъ съ удивительно-кроткою покорностью; душою и мыслью онъ не разставался со своими родными л.-гв. гренадерскимъ и лейбъ-Бородинскимъ полками.

Скончался и похороненъ онъ въ Твери, а память о военныхъ его подвигахъ и пролитая кровь за Святую Русь, тамъ въ дорогомъ, для всякаго Русскаго, Севастополѣ!

Вѣра Еропкина.

---

*) По желанію гг. офицеровъ В. М. Еропкинъ поднесъ полку свой портретъ въ мундирѣ л.-гв. гренадеровъ 1837 г.; полкъ сдѣлалъ на портретѣ надпись: „В. М. Еропкинъ, представитель славныхъ для л.-гв. гренадеръ временъ Варны, и нынѣ душою не разстается съ роднымъ полкомъ“. Портретъ помѣщенъ въ дежурной комнатѣ.

ДОКТОРЪ МАНДТЪ О ПОСЛѢДНИХЪ НЕДѢЛЯХЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА [1]).

L'empereur n'était plus à reconnaître à Gatshina, la douleur morale l'avait brisé bien avant le mal physique. Si vous l'aviez vu à chaque mauvaise nouvelle qui arrivait! Il était anéanti, les larmes coulaient et souvent il laissait trop voir à Münster le désespoir qui s'emparait de lui... Mais ces moments là était un martyr pour l'Empereur audessus des forces humaines. Revenu en ville sa force de caractère a de nouveau repris, mais son coeur était devenu plus tendre, plus aimant que jamais. Il avait encore plus d'amour pour son pays, encore plus de dévouement, moins d'égoïsme que jamais. C'est la nouvelle d'Eupatorie qui l'a positivement tué; jusque là j'avais de l'espoir, il me paraissait que sa forte constitution prendrait ledessus. Mais là, il a recu le dernier coup. «*Tant de vies sacrifiées pour rien*!» Ces paroles, cette idée revenait continuellement; «*mes pauvres soldats*!» Les imprudences physiques y étaient aussi pour beaucoup; par exemple il y avait des récrues réunies au manège; le temps était froid, le manège humide, l'Empereur avait la goutte et il avait la grippe. Je voulais lui défendre d'y aller; j'ordonnais comme médécin, je suppliais comme serviteur, comme homme; rien n'y faisait. «Comment! ces hommes vont mourir, se faire tuer pour moi, et je n'irai seulement pas les voir, leur dire un mot d'encouragement! C'est mon devoir d'y aller, et j'irai, quoiqu'il arrive!»

Переводъ.

Въ Гатчинѣ [2]) Государь сталъ неузнаваемъ, душевное страданіе сломило его прежде чѣмъ физическое. Если бы вы его видѣли при полученіи каждой плохой вѣсти! Онъ бывалъ совершенно подавленъ, изъ глазъ катились слезы и часто онъ слишкомъ обнаруживалъ Мюнстеру [3]) овладѣвавшее имъ отчаяніе... Но эти минуты бывали для государя нечеловѣческимъ мученіемъ. По возвращеніи въ городъ сила воли къ нему вернулась, но душа его стала еще нѣжнѣе, еще болѣе любящей чѣмъ когда либо. Въ немъ было еще больше любви къ своему государству, еще больше преданности, а эгоизма менѣе чѣмъ когда

---

[1]) Изъ неизданныхъ записокъ одного приближеннаго къ императору Николаю Павловичу лица. Письмо доктора Мандта къ его супругѣ за границу напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ („см. по Указателю за первыя 30 лѣтъ“. П. Б.

[2]) Только въ Сочельникъ Государь возвратился въ Петербургъ. Въ Гатчинѣ гадали на вертящемся столѣ. „Кто будетъ царствовать черезъ 50 лѣтъ?“ Спросилъ Государь.—„Русская Борода“, отвѣчалъ столъ. Эти гаданья подали Ѳ. И. Тютчеву поводъ написать удивительные стихи: „Стоимъ мы слѣпо предъ судьбою“. П. Б.

[3]) Австрійскій посолъ. П. Б.

либо. Извѣстіе объ Евпаторіи положительно убило его; до того времени у меня была надежда, мнѣ казалось, что крѣпкое сложеніе его преодолѣетъ. Но тутъ ему былъ нанесенъ послѣдній ударъ. „*Сколько жизней пожертвовано даромъ!*“ Слѣдующія слова и мысль постоянно возвращались къ нему: „*бѣдные мои солдаты!*“ Много способствовали и неосторожности относительно здоровья; напримѣръ, были собраны въ манежѣ рекруты; погода была холодная, въ манежѣ сыро, а у Государя подагра и гриппъ. Я хотѣлъ запретить ему ѣхать туда; я требовалъ въ качествѣ доктора, умолялъ какъ слуга, какъ человѣкъ, но ничто не дѣйствовало. „Какъ! Эти люди идутъ на смерть за меня, а я не пойду хоть увидать ихъ, сказать имъ хоть слово ободренія! Мой долгъ поѣхать туда, и я поѣду что бы со мной ни случилось!“

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

I. О художникѣ Флавицкомъ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года въ одномъ изъ примѣчаній къ бумагамъ о самозванкѣ Таракановой, профессоръ живописи Флавицкій, своею картиною распространившій по Россіи выдуманное показаніе о томъ, будто она была залита въ тюрьмѣ Невскимъ наводненіемъ, названъ Полякомъ; между тѣмъ онъ происходилъ вѣроятно изъ духовенства: племянникъ его— профессоръ неорганической химіи въ Казани Флоріанъ Михайловичъ Флавицкій, отецъ котораго былъ смотрителемъ училища въ Усмани, Тамбовской губерніи.

Θ. Глинка.

II. Объ Умскомъ.

Въ такъ называемыхъ „дворовыхъ“ книгахъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, значатся въ приходѣ Иліи Пророка на Воронцовомъ полѣ, съ 1760-хъ гг. владѣнія Богдана Васильевича Умскаго (сперва надворнаго, а потомъ коллежскаго совѣтника). Одно изъ нихъ (составляющее нынѣ часть владѣнія поч. гражд. Морозовыхъ) продолжало сохраняться въ томъ приходѣ и въ началѣ 1790-хъ гг. за сыномъ его Николаемъ Умскимъ.

Между тѣмъ, по исповѣднымъ книгамъ (клировымъ вѣдомостямъ) Ильинской церкви, въ спискѣ прихожанъ, значится Воспитательнаго Дома опекунъ Иванъ Васильевичъ Умской; точно также и впослѣдствіи сынъ его, когда онъ сдѣлался домовладѣльцемъ, именуется: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержантъ (а потомъ поручикъ) Николай Ивановичъ Умской.

Наконецъ, въ Указателѣ Москвы, ч. 2, стр. 344 (изд. 1793 г.) помянутое владѣніе означено такъ: Умскаго Николая .... поручика (отчества не показано, а поставлены 4 точки).

Н. Найденовъ.

савету Ксаверьевну († 1881) и часто съ нею бесѣдовалъ о старинѣ и о Пушкинѣ, сочиненія котораго были ежедневнымъ ея чтеніемъ (поутру Псалтырь, середъ дня Пушкинъ), и это, по словамъ жившей у нея въ домѣ Ельвины Ланге, въ теченіи многихъ лѣтъ сряду. На стр. 264 Чертковская библіотека названа *бывшею*, тогда какъ она доселѣ процвѣтаетъ въ завѣдываніи достопочтеннаго А. И. Станкевича. На стр. 275 г. Ефремовъ напечаталъ подлинно басню о томъ, будто Хрулевъ, Бабстъ и Погодинъ писали В. А. Кокореву его статьи. Покойный Кокоревъ въ этомъ отношеніи вовсе не нуждался въ чужой помощи; онъ отлично владѣлъ перомъ, и сочиненія этого геніальнаго человѣка конечно должны быть собраны и изданы. Покойный М. П. Погодинъ говорилъ тамъ, что желалъ бы имѣть такой слогъ, какъ у Кокорева, а императоръ Александръ Александровичъ изволилъ однажды отозваться, что читаетъ все что̀ напишетъ Кокоревъ. На стр. 277-й извѣстный А. Ѳ. Воейковъ названъ *пошлымъ*, что̀ вполнѣ не вѣрно: Воейковъ былъ клеветливъ, но очень даровитъ. Про А. О. Смирнову сказано (стр. 279), будто благодаря ей Гоголь лишился таланта и жизни! Графиня А. Ѳ. Закревская (ровесница Пушкина) вышла замужъ еще въ царствованіе Александра Павловича, а не послѣ посланій къ ней Пушкина (стр. 280). Къ ней написаны и стихи: „Когда твои младыя лѣта“, а не къ А. П. Кернъ, которая никогда не принадлежала къ высшему обществу и память которой понапрасну оскорблена (стр. 302). Нѣтъ никакого основанія стихотвореніе митрополита Филарета называть передѣлкой Пушкинскихъ „Стансовъ“ на религіозно-мистическій ладъ стр. 316. По желанію его, Пушкинъ самъ измѣнилъ два стиха въ послѣдней строфѣ. Стр. 348. В. А. Елагинъ былъ человѣкъ чрезвычайно правдивый и многосторонне образованный. Онъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ своемъ лично зналъ Пушкина и Мицкевича, которые не рѣдко бывали у его матери и у своднаго его брата И. В. Кирѣевскаго, и его показанію конечно должно вѣрить вполнѣ.

Стр. 418. Выдумано, будто мною было наложено запрещеніе на рукописи Пушкина. Въ Апрѣлѣ 1880 года ѣздилъ я за ними въ Козловъ къ владѣльцу, вошелъ съ нимъ въ соглашеніе, по которому получилъ право напечатать изъ нихъ въ „Русскомъ Архивѣ“ то, что̀ признаю для себя возможнымъ (въ чемъ и имѣется у меня расписка), и затѣмъ уже рукописи были переданы въ общественную собственность и сданы мною подъ расписку хранителя рукописей Румянцовскаго Музея А. Е. Викторова.

Стр. 602. Вслѣдствіе путаницы изложенія читатель можетъ подумать, что памятникъ въ Парголовѣ воздвигнутъ надъ могилою князя Бутеры, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Врачу, исцѣляйся самъ!

П. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1905 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Рускаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877, 1879, 1884** и **1886—1889** по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы **1890 — 1892, 1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1904** по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—**30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по **1** рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**